

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 6 (33)
июнь, 2019

220

А.С. Пушкину

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Примите искренние поздравления с юбилеем человека, имя которого носит наше издание. В июньском номере литературно-исторического журнала «Александръ» удалось объединить максимальное количество материалов, посвящённых Александру Сергеевичу Пушкину. Вас ожидает калейдоскоп мнений и версий прочтения творческого наследия великого русского поэта, посвящения современных писателей вечно современному классику, новые открытия, связанные с жизнью Александра Сергеевича, ставшие неожиданными и для редакции журнала.

Хотелось бы отметить возрастающий поток присылаемых произведений, которые посвящены главной теме нашего журнала – творчеству Александра Пушкина. Это развеело опасения, связанные с возможным дефицитом материалов для «Александра». Считаю своим долгом поблагодарить неравнодушных людей, находящих время для изысканий и созидания. Хочется пожелать, чтобы вас не оставляло вдохновение, а также новых откровений, а мы поможем донести ваши творения до благодарных читателей.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

2019 год юбилейный для каждого читающего, думающего человека – 220 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, литературное творчество которого сопровождает нас на протяжении всей жизни. Книги великого поэта объединяют людей всех возрастов, вероисповеданий, национальностей.

Пушкина часто называют основателем русской литературы. Сколь бы ни были трудны его произведения для перевода, поэт имеет своих почитателей почти во всех уголках нашей планеты. С его сказками мы начинаем знакомиться, ещё не научившись читать, наизусть знаем многие его произведения и даже в повседневной жизни часто цитируем его.

Совершенно не случайно ко дню рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина приурочен и не менее великий праздник – День русского языка. Почтение к родной истории и культуре свято, но ещё более свято знание и почитание основ и традиций родной речи, «великого и могучего», признанного неоднократно как одним из самых красивых, так и одним из самых сложных языков на планете.

Сохранить его, приумножить языковое богатство и донести до потомков все наши знания – вот какая задача стоит перед сегодняшними и будущими поколениями.

Литераторы здесь занимают место своеобразных стражей, инструкторов, показывающих, как и насколько красиво можно использовать русский язык не только для банальной бытовой речи, но и для сотворения шедевров в мире прозы и поэзии!

Любите язык, берегите его, и он ответит вам тем же!

Желаем вдохновения, позитива и всего самого доброго!

Сергей СТЕПАШИН,
президент Российского книжного союза

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (33), июнь 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.06.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Виталий Даренский.
Духовная «инициация» героев
в романе «Евгений Онегин»

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

- 20** Геннадий Иванов.
«Со мною Божьи птицы говорят...»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 26** Олег Селедцов

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 27** Валентина Черемисина.
Тайна лирики Пушкина

ПУШКИНСКИЙ КЛУБ

- 30** Анна Аксёнова.
Мой Пушкин
- 32** Село Всеволодо-Благодатское
на Северном Урале
- 33** Людмила Всеволожская.
Братья Александр и Никита
Всеволожские
- 36** Виктор Рутминский (Фалеев).
«Печаль моя светла...»
- 41** Н. В. Шарнина.
Пушкин, Италия, Урал
- 43** Т. М. Шорохова. Жизнь – светлячок
среди вечной тьмы
- 44** Елена Шефер. На Мойке, 12
- 45** Татьяна Шорохова. Мой Пушкин,
или «Что в имени тебе моём?»
Софьи Пушкины
- 47** В. П. Лукьянин.
Н. В. Шарнина.
Коллекция Щекутова
- 49** И. М. Щенникова.
«Очарованная душа»

- 51** Денис Южаков.
Национальная идея на острие
пушкинского пера

- 52** Нина Юрченко.
У каждого Пушкин свой

МАСТЕР СЛОВА

- 54** Василий Попков.
Новая душа интеллигенции

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 59** Павел Иванов.
Пушкин: страсти по Фортуне

ПОЭЗИЯ

- 65** Владимир Скиф.
Сегодня Пушкин
в вечность отлучился

КЛАССИКА

- 70** Алла Новикова-Строганова.
Чёртовы куклы закабалённой
России

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 75** Сергей Шелковников
- 76** Виталий Апевалов.
«Куда я ветром занесён?»

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

- 79** Николай Железняк. Гостя

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

- 87** Молодые поэты – Пушкину

СУДЬБЫ

- 90** Александр Сухачёв. Планида

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** И снова Екатеринбург

ДУХОВНАЯ «ИНИЦИАЦИЯ» ГЕРОЕВ В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

*Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя...
«Евгений Онегин»*

Роман движется в глубины души неподвижного героя – туда, где может забрезжить свет надежды на возрождение, выздоровление этой души.

В. Непомнящий

Финальное событие сюжета «Евгения Онегина» не только часто кажется странным для обычного читательского восприятия, но и вообще необычно для романного жанра. Когда Пушкин писал о большой «разнице» между «Евгением Онегиным» и обычным романом, то это касалось отнюдь не только его стихотворной формы. Обычный роман и повесть тоже могут заканчиваться ситуацией неопределённости и даже специально акцентировать её (например,

как это сделано и в сюжете, и даже в самом названии «Всё впереди» В. Белова), но тем не менее в них всегда присутствует замкнутость внутреннего сюжета. В «Евгении Онегине» же, наоборот, внутренний сюжет выглядит лишь как завязка и случайное пересечение судеб, которые должны иметь самое важное продолжение, но которого в самом романе нет. И финальная сцена с «как громом поражённым» Евгением – это не только факт его личной судьбы, но и вообще самый концентрированный символ того, что происходит в романе. Все его основные герои здесь проходят своё собственное «поражение громом», которое принципиально меняет их личность и судьбу.

Канон романного жанра предполагает завершённость судеб и основных сюжетных линий, но в «Евгении Онегине» этот канон принципиально нарушен. «Даль свободного романа» остаётся и после окончания его текста и сюжета, словно выплёскиваясь в саму жизнь. Суть того, что происходит внутри него, это именно надлом судеб и характеров, толчок к их дальнейшему преобразению, которое остаётся как чаемое будущее главного героя. Что означает такой сюжет в более широком культурном, а не литературном только контексте? То, что происходит с героями и с читателем при адекватном восприятии и переживании таких произведений, является аналогом обряда «инициации», имевшего место во всех архаических обществах (от лат. *initiatio* – «посвящение»). Как известно, в этих обрядах человек в юношеском возрасте проходил ряд тяжёлых испытаний, к которым готовился заранее, после которых официально принимался в число взрослых членов сообщества. В процессе обряда инициации происходила трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путём сообщения ему тайных эзотерических знаний. Всё это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе и художественная литература.

Существует необходимость анализа многих литературных произведений в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистен-

Виталий ДАРЕНСКИЙ

Виталий Юрьевич Даренский родился в 1972 году в Луганске, окончил исторический факультет Донецкого университета. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 года преподавал в университетах г. Луганска, в 2017-м – в Дальневосточном федеральном университете. Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (Владивосток, 2017), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб, «Алетейя», 2017). Регулярно публиковался в журнале «Подъём» (Воронеж), а также журналах «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Голос эпохи». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва».

циальной функцией – как инициационных текстов, то есть текстов, порождающих духовную «инициацию» в читателе за счёт предельно концентрированной передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения». Как общекультурный символ, «инициация», часто передаваемая метафорой «второе рождение», обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать её как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная «инициация», символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Хотя модель «инициации» в произведениях иногда отмечается некоторыми авторами при анализе отдельных произведений, теоретически этот факт до сих пор не концептуализирован. Подходы к такой концептуализации были у В. Я. Проппа, который писал: «Цикл инициации – древнейшая основа сказки... Другим циклом... является цикл представлений о смерти»¹. Но на самом деле это один и тот же цикл, поскольку «инициация» и является символическим «прохождением через смерть». Сказка – это древнейший вид литературного творчества, и все более поздние виды в «снятом» виде сохраняют в себе её смысловую структуру, в том числе и модель «инициации».

В качестве прецедента такого подхода к Пушкину следует в первую очередь назвать Пушкинскую речь Ф. Достоевского, статью А. Платонова «Пушкин и Горький» и работы В. Непомнящего. Ф. Достоевский выделил как нравственную кульминацию романа самопожертвование Татьяны Лариной и жизненный тупик Онегина, требующий от него радикального преображения всей его жизни, – таков тип «русского скитальца». Среди других важных прецедентов «инициационного» подхода к истолкованию образно-сюжетной системы «Евгения Онегина» имеет ценность упомяну-

тая статья А. Платонова, в которой великий писатель прежде всего сформулировал преобразующий характер художественного и нравственного мира, созданного Пушкиным: «Пушкин угадал и поэтически выразил “тайну” народа... массы людей, ступённые фантазмагорическим, обманчивым покровом истории, то таинственное, безмолвное большинство человечества, которое терпеливо и серьёзно исполняет своё существование, – все эти люди, оказывается, обнаруживают способность бесконечного жизненного развития»². И в рамках этого общего понимания пушкинского мира становится ясной и внутренняя «тайна» романа: «Не разрушая своей любви к Онегину, даже не борясь с нею, не проявляя никакого неистовства, несколькими нежными, спокойными, простосердечными словами Татьяна Ларина изымает свою любовь из-под власти судьбы и бедствий (уже хорошо знакомых ей), даже из-под власти любимого человека. Чувство Татьяны очеловечивается, облагораживается до мыслимого предела, до нетленности – она, Татьяна, походит здесь на одно таинственное существо из старой сказки, которое всю жизнь ползало по земле, и ему перебили ноги, чтобы это существо погибло, – тогда оно нашло в себе крылья и взлетело над тем низким местом, где ему предназначалась смерть»³. Трудно найти более яркий образ преображения и «второго рождения» человека, чем тот, который предложен А. Платоновым. Очевидно, что новая интерпретация «Евгения Онегина», как и всего творчества Пушкина в целом, исходящая из такого понимания, является весьма насущной для нашего времени, взыскующего силы для преображения человека.

Среди крайне разнообразных подходов к анализу, истолкованию и исследованию смысловых контекстов романа «Евгений Онегин» можно выделить три типа. Первый носит в основном прикладной характер и связан с анализом языка романа, его художественных средств, а также культурно-исторических контекстов той «картины мира», которая в нём создана

¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2004. С. 308.

² Платонов А. П. Пушкин и Горький // Платонов А. П. Цветок на земле: Повести, рассказы, статьи. – М.: Мол. гвардия, 1983. С. 368.

³ Там же. С. 369.

поэтом. Классическим примером комплексного исследования этого типа является системный комментарий к роману, созданный Ю. Лотманом. Другой тип исследований сводится к социальной интерпретации образов романа. Этот тип был создан самым первым его системным истолкователем – В. Г. Белинским. Однако для В. Г. Белинского сами социальные отношения и типы героев имели не идеологический, а в первую очередь нравственный смысл. Поэтому данный подход, безусловно, сохраняет свою актуальность и в наше время.

Третий тип исследований имеет мировоззренческую и персонологическую направленность. Здесь целью является понимание

«тайны» художественного «послания», которое оставил Пушкин в этом романе, – того, что сохраняет свою ценность во все времена, становясь всё более и более насущным. Этот подход к интерпретации романа был создан И. Киреевским и А. Григорьевым и основан на христианских мировоззренческих категориях. «Знаковой» для этого подхода стала знаменитая Пушкинская речь Ф. Достоевского. Данный подход затем был продолжен представителями русской религиозной философии, а в конце XX века он был ярко возрождён в работах известного пушкиниста В. Непомнящего. Интерпретация образной системы «Евгения Онегина» в рамках этого подхода позволяет концептуали-

зировать универсальный, т. е. не зависящий от интересов и мировоззрения читателя, принцип воздействия этого произведения на его сознание и миропонимание. В. Непомнящий в своей характеристике, частично вынесенной в эпиграф статьи, писал: «Роман движется в глубины души неподвижного героя – туда, где может забрезжить свет надежды на возрождение, выздоровление этой души, – и останавливается в момент, когда “Стоит Евгений, / Как будто громом поражен”»¹. Отказ «любящей его Татьяны показал ему, что существуют – не в мечтах, но в действительности – иные ценности, иная жизнь и иная любовь, чем те, к каким он привык, – и стало быть, не всё в жизни потеряно и можно “верить мира совершенству”»².

Этот автор также специально отмечает, что «тема смерти, мертвизны сопровождает затем героя на всем протяжении первой главы в виде разработки и модуляций (безличность, автоматизм жизни, подчинённой механизму часов, антипоэтичность). Мертвизна трансформируется...»³ А Ю. Лотман обнаружил ту же самую тенденцию как одну из главных доминант всего творчества Пушкина в целом: «и в истории, как и в более глубоких пластах человеческой жизни, Пушкин видит мертвящие тенденции, находящиеся в борьбе с живыми, человеческими, полными страсти и трепета силами. Поэтому тема застывания, затормаживания, окаменения или превращения человека в бездушную вещь, страшную своим движением ещё больше, чем неподвижностью, соседствует у него с оживанием, одухотворением, победой страсти и жизни над неподвижностью и смертью»⁴. В свою очередь, А. Слонимский очень точно отметил, что «Онегин в действии романа занимает пассивное положение: ему объясняется в любви Татьяна, его вызывает на дуэль Ленский, но собственной инициативы почти не видеть... Почему, например, Онегин стрелял первый, не выждав даже выстрела Ленского? Трусость, инстинкт самосохранения, как толковал Писарев?

¹ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. – М.: Сов. писатель, 1983. С. 283.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 279.

⁴ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2003. С. 146.

Нет, следствие беспечности, равнодушия, усвоенной им с ранних лет светской автоматике»⁵.

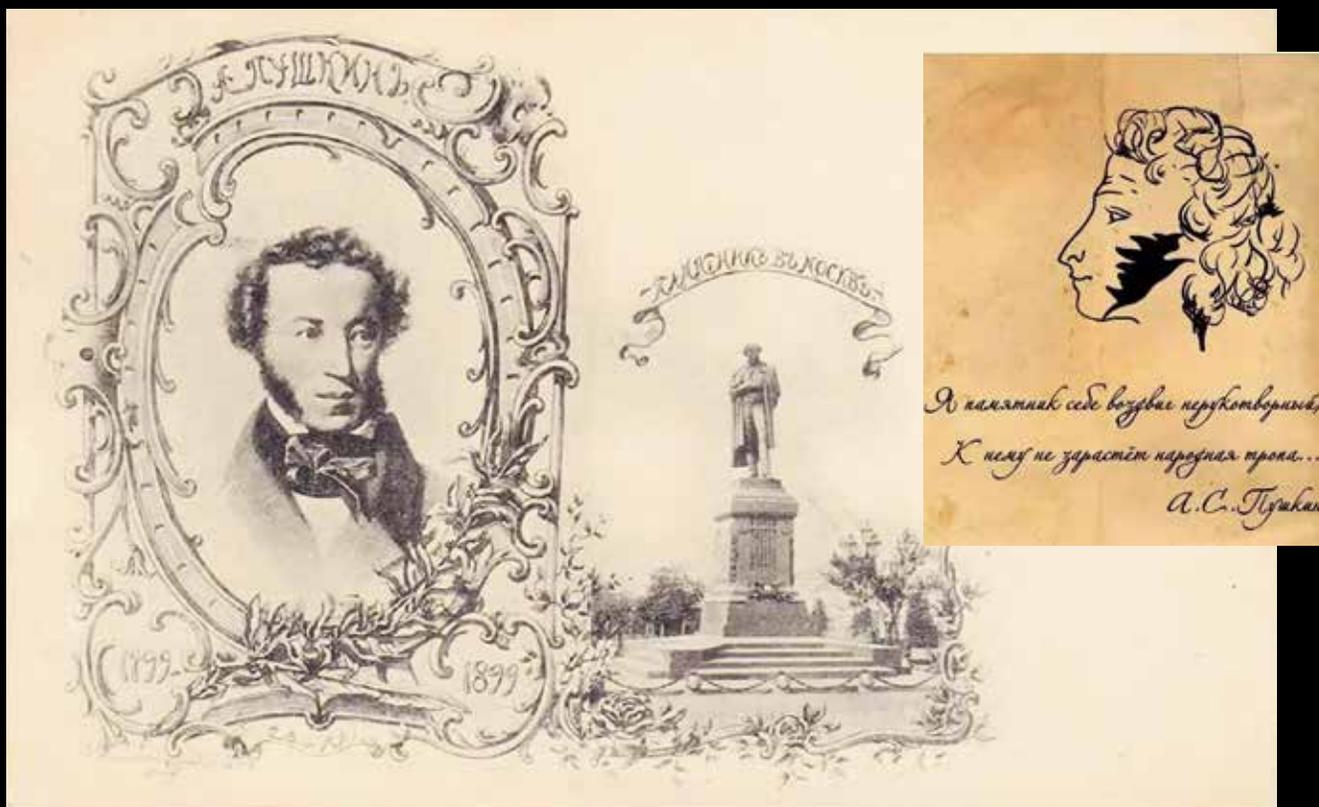
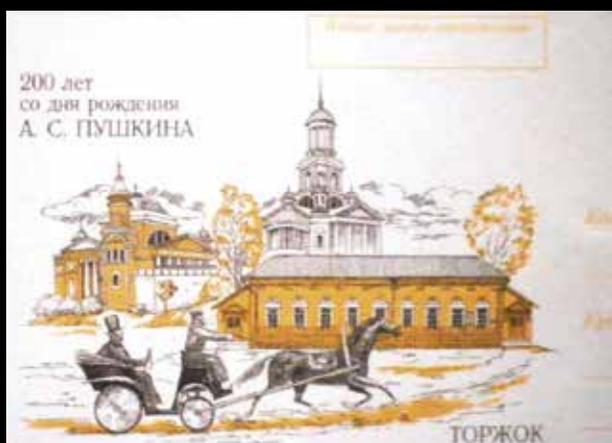
«Мертвенное» состояние, из которого герой ищет выход, – как первичная предпосылка «инициации», «второго рождения» героя – ещё более углубляется позже, в период его путешествия после всех перипетий, связанных со встречей с Татьяной и убийством Ленского. В обрывочных фрагментах этого путешествия мы находим очень яркие и показательные строфы – признания героя, в которых он предпочитает смертельную болезнь той жизни, которую ведёт:

*Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? – ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..*

Таким образом, очевидно, что первичная предпосылка «инициации», или «второго рождения» героя, – его «мертвенное» состояние, из которого он изо всех сил ищет выход, задано всей структурой пушкинского мира, а в «Онегине» лишь находит своё самое полное сюжетно-образное завершение. Первая глава романа создаёт такое напряжённое переживание усталости от жизни и тщеты бытия, свойственное главному герою, которое столь мощно захватывает читателя, что становится внушением, в какой-то степени передаётся и ему. Наблюдения показывают, что это мироощущение Онегина в какой-то момент, как внушение, захватывает и школьников, впервые читающих роман. А для более взрослых людей он может становиться и более длительным внутренним сопереживанием, создаваемым силой поэтического слова. Этот опыт вообще чрезвычайно ценен для современного человека, которого «цивилизация потребления» приучает скользить по поверхности жизни, не думая о её конечном смысле.

Сам Пушкин, как известно из некоторых стихотворений, особенно из «Дар напрасный,

⁵ Слонимский А. Мастерство Пушкина. – М.: Худ. лит., 1963. С. 323.

150 лет со дня рождения
А. С. ПУШКИНА

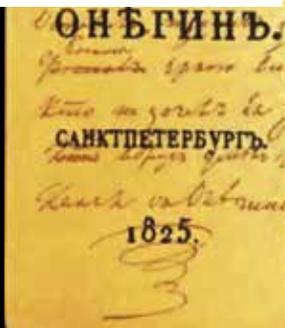
1799—1949

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

*И долго буду тем любезен,
Что люботва, а парость,
Дверце я миру просвещу...*

АБРААМ ШЛЕНСКИЙ - ЕВРЕЙСКИЙ ПОЭТ,
ПЕРЕВОДЧИК "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА" НА ИВРИТ

дар случайный...», временами очень остро переживал именно это «онегинское» мироощущение. То есть оно передано герою из самого глубокого жизненного опыта поэта. Но не менее важно и то внутреннее преобразование поэта, которое произошло в его поэтическом диалоге со святителем Филаретом Московским, возникшем по поводу этого стихотворения. Когда святитель ответил Пушкину своими строками «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана...», поэт ответил ему стихотворением, уже прямо противоположным по смыслу и мироощущению, три последние строфы которого таковы:

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И вземлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

В другой редакции последняя строфа выглядит так:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И вземлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Первое стихотворение Пушкина помечено днем рождения поэта, 26 мая 1828 года (т.е. как некий итог жизни), а ответ святителю – 19 января 1830-го. Как видим, между ними прошло более полутора лет, т.е. второе стихотворение – это не минутный порыв, а «выношенное» в душе новое ощущение жизни. И 1830 год, во многом переломный в жизни и творчестве поэта, очевидно, и был задан той глубокой душевной трансформацией, которая произошла перед этим.

Обычно второе стихотворение трактуется как свидетельство прихода поэта к религиозному мировоззрению, и это действительно так. Однако здесь очень ярко отражён и момент более общего характера – не конкретное мировоззрение, а именно трансформация души, которая и соответствует понятию духовной инициации, возрождению от духовной смерти к духовной жизни. И именно в этот же период поэт завершает свой роман – то есть духовная трансформация поэта и его героя происходят синхронно. Точнее, у Онегина она ещё не происходит явным образом, но странное сюжетное завершение романа именно таково, что не оставляет ему иного выбора. Но почему же Пушкин не показал это духовное преобразование явным образом, непосредственно в сюжете? Естественно, точно это знал только он сам, но мы имеем возможность ответить на этот вопрос, исходя, во-первых, из понимания природы духовного преобразования личности, во-вторых, из самой логики сюжета и предшествующей жизни героя.

В первом аспекте важно то, что «инициация» никогда не «гарантирована», даже в тех случаях, когда протекает по определённым обрядам и правилам, а уж тем более – когда

происходит спонтанно в ходе беспорядочной «светской» жизни и сопутствующих ей переживаний. Поэтому поэт выбрал самое точное сюжетное решение – завершил роман в тот момент, когда «инициация» может произойти как полный переворот в душе героя, обусловленный отказом Татьяны, – ведь этот отказ означает не только крах всех его надежд, но и крах всего его жизненного мира, всего его предшествующего жизненного пути. По сути, этот крах полностью перечёркивает всю его жизнь и понуждает начать её заново, уже на совсем других нравственных и мировоззренческих основаниях. В момент отказа Онегин становится «на мертвеца похожий», что соответствует смыслу «инициации» как прохождения через «символическую смерть»; и «как будто громом поражен» – а это уже соответствует следующей стадии «инициации», на которой, подобно удару грома, человека постигает прозрение иной жизни.

Характерно, что к моменту отказа и жизненного краха в самом Онегине уже вызревают предпосылки для такого духовного переворота, идёт глубокая внутренняя работа, не вполне понятная и самому герою. И в этой работе, как отмечает поэт, проступают какие-то очень архаические переживания:

*Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны...*

Выражение «духовные глаза» – это светский эквивалент церковного выражения «духовные очи», которое обозначает видение скрытой от обычных глаз духовной реальности. Органом этого видения являются не глаза, а душа человека в её высших и самых тонких проявлениях. Какие «тайные преданья сердечной, темной старины» мог видеть Онегин? Очевидно, это ощущения той более чистой и праведной жизни, которая была завещана предками, но потеряна в пустоте «светской» жизни. И «ни с чем не связанные сны» – это

предошущения иной, подлинной жизни и иного образа любви, ещё не имеющие конкретных образов. Всё это – предпосылки для будущего духовного преображения. Поэт подчёркивает, что на этом этапе страданий от неразделённой любви Онегин не уклонился от пути выпавших ему испытаний на более простой путь:

*И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.*

И в то же время столь трагический для героя конец сюжета у автора вызывает, наоборот, восторг: «Поздравим / Друг друга с берегом. Ура!» Это выглядит очень странно, если не учитывать того конечного духовного смысла жизненного краха Онегина, о котором сказано выше. А в финальных строках мы также видим нечто весьма странное, не объяснимое с точки зрения привычных законов романного повествования, которое предполагает законченность:

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

В этих строках поэта можно видеть определённый «шифр», который прочитывается следующим образом. Блажен тот, кто как можно раньше понял тщету «праздника жизни» и начал искать высший смысл бытия; кто оборвал роман с жизнью ещё до того, как он оборвётся сам; кто сумел расстаться со своим инфантильным состоянием погони за «радостями» и направил жизнь по иным, духовным стезям. И Онегин для Пушкина в конечном счёте выступает здесь образом того незрелого человеческого состояния, которое следует преодолеть.

Такова полная содержательная завершённость романа, парадоксальным образом связанная с его внешней сюжетной «незаконченностью». Однако и на уровне внешней сюжетности романа усматривается определённая внутренняя замкнутость, о которой хорошо писал Е. Маймин: «Событийная линия в романе

достигает своей кульминации. Но она тут же и обрывается. Фабульный узел Пушкиным намеренно не развязывается. Не развязывается – потому что и это для Пушкина совсем не главное. Интересно, что при внешней незавершенности фабульного построения композиция целого у Пушкина представляется вполне законченной и завершенной. Она завершена в полном соответствии с замыслом, завершена по внутренней своей идее – она завершена и формально. Формальная законченность в композиции достигается параллелизмом ключевых сцен и мотивов, своеобразным кольцом. То, что было в начале, повторяется затем в конце, только с другим поворотом и другим значением: признание в любви – письмо – свидание – отповедь. Подчёркнутая незавершенность в одном сочетается у Пушкина со строгой законченностью в другом. Это у него как сам мир, как сама человеческая жизнь, открывающая в завершенном незавершенное, в конечном – бесконечное¹. Эта внутренняя цикличность сюжетной структуры обуславливает уже общий «инициационный» характер романа, суть которого в том, что каждый из основных героев получает в результате плод своих собственных действий, своего выбора, то есть реализует свою свободу, которая, во-первых, показывает каждому, кто он на самом деле, а во-вторых, заставляет каждого меняться, трансформироваться в соответствии с полученным опытом.

В рамках этой общей «инициационной» структуры романа каждый из основных героев проходит свою «инициацию», но по-разному. Сам Онегин занимает в романе центральное положение ещё и в том смысле, что процесс его преображения и самый мучительный, и вместе с тем незавершенный. По одну сторону от него находятся герои, «инициация» которых завершена, по другую – те, для кого она вообще не актуальна. К числу первых относятся Татьяна, её няня, Ленский и Зарецкий, к числу вторых – все остальные.

Татьяна, «вручая» Онегину свою жизнь и судьбу своим безумно смелым и решительным письмом, тем самым сама бросается в стихию

«инициации». Стоит отметить вопиющий контраст с «признанием» влюблённого Онегина в финальной сцене романа, на который обратил внимание Д. Благой: «Татьяна в своём девическом “послание” Онегину доверчиво и прямо отдавала ему себя на всю жизнь. А что он – теперь в свою очередь влюблённый – может предложить ей? “Соблазнительную” тайную связь, светский адюльтер? Какая это действительно “малость”!»² Вот именно этот разительный контраст и даёт понимание того, почему Татьяна, продолжая его любить, даёт решительный отказ. Явная «инициация» состоялась и в том, почему Татьяна так стремительно полюбила Онегина, а не кого-то другого: он был для неё «не от мира сего», если иметь в виду тот мир сельской усадьбы и соседей-помещиков, в котором она выросла. Она и сама такая, поскольку «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой». Но эта её высокая странность в полной мере проявится и разовьётся уже в Москве, когда она повзрослеет и станет «звездой» балов и салонов. Но здесь её влюблённость в «странного соседа» была буквально «прыжком в пропасть», «выбором между жизнью и смертью», поскольку иначе её ждала бы «мёртвая» жизнь, примеры которой Пушкин дал в образах её родственников и соседей.

Важно иметь в виду, что написание любовного письма в ту пору было для провинции делом почти неслыханным – за пределами столиц дворянство жило ещё вполне по обычаям «милой старины», и невест обычно сватали без их ведома. Если бы такое письмо написал мужчина, это ещё как-то поняли бы, но письмо от «девицы», если бы о нём все узнали, сочли бы чем-то абсолютно неприличным и постыдным, что обесчестило бы её на всю жизнь. И этот столь отчаянный «прыжок в пропасть» также стал её жизненной «инициацией». Здесь в сюжете романа Пушкин создаёт гениальный эпизод с няней, который точно соответствует структуре «инициации», где всегда есть наставник, помогающий пройти испытания, передавая свой опыт. Вот опыт, который услышала Татьяна:

¹ Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. – М.: Наука, 1982. С. 162.

² Благой Д. Мастерство Пушкина. – М.: Сов. писатель, 1955. С. 195.

– И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. –
«Да как же ты венчалась, няня?»
– Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец,
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели
Да с пеньем в церковь повели...

Эта строфа, столь восхитившая В. Г. Белинского своей «народностью» по духу, имеет и более глубокий универсальный смысл: это модель всей жизни как нравственного подвига и самопожертвования ради своих близких, как смиренное исполнение воли Божией и несение своего жизненного креста без сожаления, но, наоборот, с достоинством и честью. Для современного человека, возможно, всё это трудно разглядеть в описанной ситуации крестьянской свадьбы, и он увидит здесь только лишь «дикие нравы» – но это слепота, которой не нужно доверять. На самом деле здесь присутствует именно такой смысл, и именно он понятен и близок Татьяне – в этом не стоит сомневаться не только потому,

что Татьяна была воспитана няней и неизбежно заимствовала от неё глубокие черты своего характера, но и видя её собственную дальнейшую судьбу. В нравственном отношении между судьбой Татьяны и судьбой её крестьянской няни нет никакой разницы – это один и тот же женский жизненный подвиг, различающийся лишь по своей сословной форме выражения, но не по своему существу.

Татьяна в точности повторила модель жизненного подвига, который с детства бессознательно переняла от няни (поэтому она и «русская душою»), а в решающий момент жизни услышала, а затем и повторила его наиболее тяжёлый и трагический аспект. Обратной стороной этого обстоятельства является то, что для неё абсолютно необходим и такой же «симметричный» жизненный подвиг того, кого она полюбила. Как точно отметил Н. Скатов, «Татьяна именно должна была полюбить и полюбила человека ищущего, но не могла пойти и не пошла за ненашедшим»¹. Характерно, что главный страх её, боязнь ошибиться в Онегине выразились в вопросе: «Уж не пародия ли он?» Самое страшное для неё – если он окажется «ненастоящим». Нет, Онегин, в отличие от неё, презирал романы и поэтому никак не мог быть подражателем их героев. Но он мог быть «пародией» в более глубоком смысле – как несостоявшийся человек. И этот вопрос – главный вопрос романа – может быть разрешён только за его пределами, в последующей судьбе героя, которую автор оставляет открытой.

«Инициация» Татьяны разделена во времени на три события – вторым стал брак с генералом, а третьим – отказ Онегину. Все три являются осуществлениями той нравственной «народной» модели жизни, о которой сказано выше.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но такую же модель жизни реализовал и Ленский – своей беззаветной любовью к очень посредственной девушке, совершенно не соответствующей его «возвышенной» душе, и своей героической и безрассудной смертью за неё. Удивительно и отношение автора к его

¹ Скатов Н. Пушкин. Очерк жизни и творчества. – Л.: Дет. лит., 1990. С. 185.

поэтическим занятиям: иронически изображая их как явную графоманию, Пушкин почему-то вдохновенно пишет о его возможном великом будущем как поэта: «Его умолкнувшая лира / Гремучий, непрерывный звон / В веках поднять могла». Что это значит? Разве может так легко переродиться почти графоман? Да, может, и история литературы являет нам достаточно тому примеров, хотя обыденное мнение привыкло судить наоборот. Суть в том, что Пушкин опытно знает и поэтому надёжно верит в творческое преображение любого человека!

Характерно и то, что Ленский в своих стихах воспел то состояние души, которое он сам никогда не переживал, но которое в полной мере переживал Онегин: «Он пел поблеклый жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет». Эта, казалось бы, комичная претенциозность и мечтательность, обычно свойственная подросткам, на самом деле по-своему показывает «пророческую» суть поэзии, её способность выходить за пределы индивидуальной души. Но в случае угасания этой преображающей душу мечтательности его ждал иной вариант жизни:

*А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.*

И вот судьба, не желая рисковать, избегая риска именно такого «удела», дала поэту именно то, о чём так страстно, но неумело пел – героическую, вполне романтическую без всяких кавычек гибель за честь любимой на дуэли. Это была его подлинная «инициация», за которую он заплатил жизнью.

Наконец, есть в романе и ещё один тип «инициации», возможно, наиболее массовый и типичный в социальном отношении. Он показан в судьбе, казалось бы, эпизодического, но весьма важного для структуры романа героя – Зарецкого. Этот в прошлом озорной ухарь резко изменился с возрастом:

*...удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.*

*Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец...*

Пушкин очень иронично обыгрывает даже и его героизм 1812 года: «с коня калмыцкого сваясь, / Как зюзя пьяный, и французам / Достался в плен». Здесь та же «онегинская» ситуация расставания с инфантильной юностью, особый её вариант. Зарецкий прошёл свою «инициацию» жизнью, стал по-своему мудр, но это отнюдь не воспрепятствовало его соучастию в гибели Ленского. Он мог бы умело «помирить друзей», как делал это раньше, но почему-то не стал. В этом – пушкинский символ ущербности всякой «житейской мудрости»...

Иные герои романа эпизодичны, мы не видим их внутренней жизни и поэтому не знаем, какие трансформации с ними происходили. Но есть в романе ряд символов «мертвенного» состояния душ, скрывающегося под их внешней бурной деятельностью. Среди них, например, ироничный образ декабристов:

*И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,
Безделье молодых умов...*

К этому же типу относятся и образы пиров, балов и т. д. – все они, являя «тщету бытия», усиливают порыв к духовному преображению жизни.

Императив духовного преображения жизни определяет поэтику романа в целом. Ю. Лотман в специальном теоретическом анализе «Евгения Онегина» в главе «Проблема “точки зрения” в романе» делает вывод о том, что «стремление раскрыть жизненное содержание романтических выражений, столкнув их с “прозой” действительности, – один из распространённых приёмов пушкинского романа. При этом особенно ясно он проявляется там, где авторский стиль формируется в противопоставлении системе литературно-условных выражений. Так возникает текст, состоящий из парно соотнесённых кусков, причём один из

фрагментов – “простой” – выступает в качестве значения другого, обнажая его литературную условность»¹. Снятие «литературной условности» и превращение романа в часть жизни составляет ту «тайну» воздействия романа на читателя, которая долгое время оставалась неразгаданной. Но в наше время она становится всё более понятной. Как отмечает Ю. Чумаков: «ситуация романа, пройдя через несколько незаметных для сознания интеллектуальных операций, уже переведена из поэтического мира стихов в мир жизненных реалий и конфликтов. В результате подобной транспозиции, внутреннего перевода из одной реальности в другую стихотворное осуществление “Онегина” как бы вычёркивается, не оставаясь даже фоном»². То есть речь здесь идёт о том, что адекватное прочтение «Евгения Онегина» – это не «интерпретация», а переводение в область жизненной практики, личного поступка тех духовных перипетий романа, которые в нём самом остались неразрешёнными.

А. Ахматова, рассматривая влияние на творчество Пушкина романа Бенжамена Констан «Адольф» как одного из прототипов Онегина, отмечала: «для Пушкина Адольф был байроническим героем (“Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона”)... следовательно, разоблачая и сатирически интерпретируя Адольфа, Пушкин тем самым преодолевал байронизм в своих прозаических опытах так же, как в “Евгении Онегине”»³. Суть совершённой Пушкиным «революции» образа главного героя состоит в том, что Онегин является общеевропейским героем, иронически «разоблачённым» на русской «почве». Такая трансформация образа не ситуативна, но глубоко укоренена в «архетипах» обеих культур.

Для культурного сознания Запада «архетипическим» сюжетом является «Фауст» – сюжет

приобретения могущества за счёт компромисса с силами зла. В пушкинских вариациях на сюжет «Фауста» дано очень точное видение этой культурной парадигмы, от которой русский поэт сознательно уклоняется, вместе с тем глубоко пережив её «изнутри» как свою родную, общеевропейскую. Однако свой собственный духовный путь он ищет и выстраивает совершенно иначе. Для культурного русского сознания «архетипическим» сюжетом является пушкинский «Пророк» – сюжет преображения человека, достигаемого через духовное «второе рождение» и покаяние. Сам Пушкин как личность воплотил в своей судьбе нелёгкий путь самоизменения и духовного преображения. Как пишет В. С. Непомнящий, здесь «перед нами опыт преодоления человеческой драмы не путём изменения внешних условий, но силой любви; опыт свободы, достигаемой не переделкой мира, а переключением внимания со своего “я” на “ты”; опыт обретения полноты “я” путем самоотречения»⁴.

Н. Скатов написал о «Евгении Онегине»: «весь роман есть идеальная формула русской жизни»⁵. Но, по сути, оставил эту «формулу» совсем не расшифрованной. Исходя из предложенной интерпретации романа, можно дать такое определение этой «формулы»: «Евгений Онегин» – это роман о крахе всякой непреображённой жизни и «модель» путей духовного преображения человека в соответствии с христианским идеалом в его народном воплощении.

В этом контексте становятся понятными и весьма дерзновенные слова В. Непомнящего: «Творчество Пушкина – металитература; типология, которая в нём содержится, есть типология бытийственная (включающая в себя также и искусство); роль его – сверхлитературная. Предназначение его состояло не в том, чтобы определить и предугадать стили, формы и методы, а в том, чтобы предвосхитить и создать большой стиль русской литературы как нравственного подвига, облечённого в слово»⁶. Этим определяется, по мысли этого автора, и необходимость «сменить угол зрения, поднять точку обзора, пересмотреть иерархию ценно-

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2003. С. 420–421.

² Чумаков Ю. Н. Из размышлений о жанре, стилистике и строфике «Евгения Онегина» // Пушкин: Сборник научных трудов. – М.: Изд. МГУ, 1999. С. 19.

³ Ахматова А. «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина // Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. – М.: Эллис Лак, 2002. С. 79.

⁴ Непомнящий В. С. Лирика Пушкина как духовная биография. – М.: МГУ, 2001. С. 90.

⁵ Скатов Н. Указ. соч. С. 183.

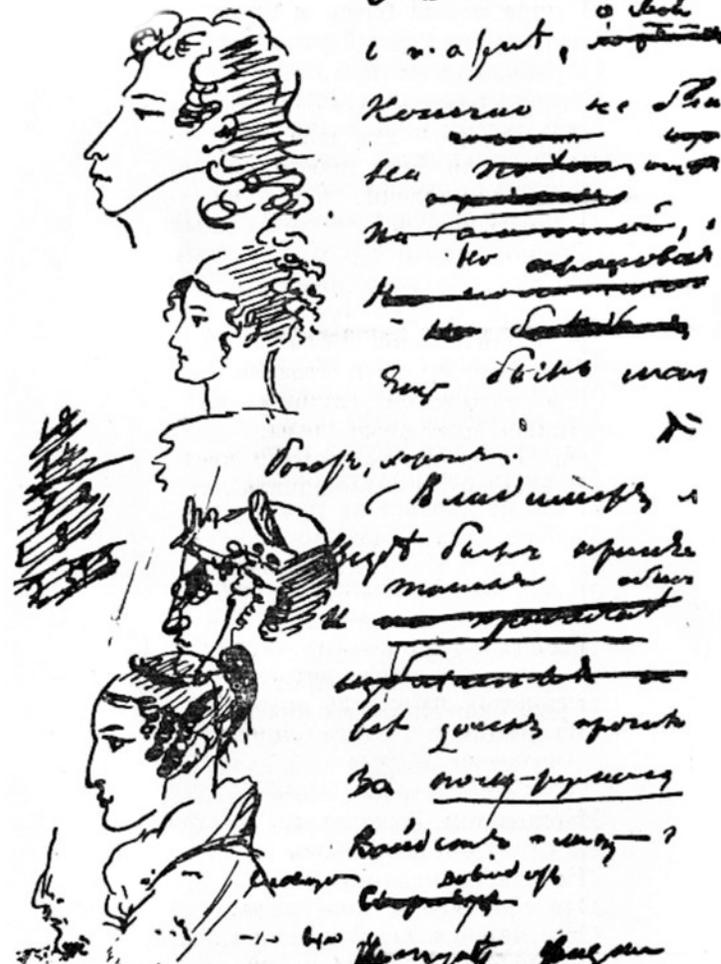
⁶ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. С. 319.

стей в науке, задуматься о её гуманитарных, то есть человеческих, целях, осознать проблему Пушкина не только как историко-литературную, или эстетическую, или внутрифилологическую и т. д., а как онтологическую и методологическую»¹. Смело предложенный этим автором парадигмальный «сдвиг» в понимании статуса и Пушкина, и всей русской классической литературы, естественно, составляет отдельный предмет анализа. Тем не менее очевидно, что такое понимание предполагает центральное место «Евгения Онегина» как «модельного» произведения о преобразении человека.

Интерпретация «Евгения Онегина» в рамках «инициационного» подхода позволяет понять принцип воздействия этого произведения на сознание и миропонимание читателя. «Незавершённость» романа объясняется авторской интенцией на преобразование, «второе рождение» героя, что типологически близко окончанию романа «Преступление и наказание». Типология персонажей романа, построенная в соответствии с их отношением к интенции преобразования («инициации»), развёртывается вокруг фигур главного героя (незавершённость), Татьяны (полная «инициация» в соответствии с народным образцом), Ленского (трагически-романтическая «инициация») и Зарецкого («обыденная», наиболее распространённая и весьма бесплодная «инициация»). Предложенная в статье интерпретация романа соотносится со спецификой русской культуры как «культуры преобразования», главная интенция которой состоит в преобразении человека в «горизонте» идеала. ■

Виталий ДАРЕНСКИЙ,
 член Союза писателей России,
 доктор философских наук, доцент
 Луганского национального университета
 им. Т. Шевченко

¹ Непомнящий В. С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 214.

«СО МНОЮ БОЖЬИ ПТИЦЫ ГОВОРЯТ...»

К 130-ЛЕТИЮ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

Геннадий ИВАНОВ

23 июня этого года исполняется 130 лет со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой. В русской поэзии вокруг некоторых имён немало, скажем так, досужих сопоставлений: кто из поэтов лучше – Ахматова или Цветаева? – Блоку порой противопоставляют Гумилёва, Есенину – Клюева и так далее. Даже Ахматову сравнивают с Гумилёвым. Тут, видимо, семейный момент. Одни отдают предпочтение мужу – Николаю Гумилёву, другие жене – Анне Ахматовой.

Причин для большей или меньшей любви много. Сами поэты чаще всего точнее оценивают поэтическую иерархию. Вот, например, что ответил Гумилёв на слова одной из своих поклонниц, сказавшей: «Вы, Николай Степанович, первый русский поэт современности». Он ответил, по словам очевидцев, спокойно и серьёзно: «Неправда. У Блока есть одно-два стихотворения, которые выше всего, что я написал за всю жизнь».

Если принять участие в этих сопоставлениях, то я должен признаться, что вокруг меня подавляющее большинство любителей поэзии отдают предпочтение Цветаевой перед Ахматовой, но я это странное первенство отдаю Анне Андреевне. Может быть, мне ближе её поэзия потому, что мне вообще ближе спокойный, вдумчивый разговор, не слишком

экспрессивный, не склонный к резкости и нервности. Хотя, конечно же, Цветаева очень большой русский поэт.

Для меня у Ахматовой есть несколько стихотворений, которые живут во мне десятилетия как что-то самое родное, органичное и необходимое. Есть у неё такие строчки: «Как будто друг от века милый / Вскочил со мною на крыльцо». Так вот есть у неё несколько таких стихотворений, «от века милых» для меня.

Моё отношение к Ахматовой связано ещё с тем, что когда-то, когда-то в детстве, я ходил в школу в бывший барский дом из имения Слепнёво (Тверская губерния, Бежецкий уезд). Этот дом, это имение, вообще бежецкая земля стали для Анны Андреевны, как она писала, «второй родиной». Сюда после свадьбы привёз её в дом своей матери Николай Гумилёв. Здесь

она проводила потом каждое лето с 1911 по 1917 год. И потом в разное время приезжала. Здесь рос их сын Лев. Здесь она открыла для себя как для поэта крестьянскую Русь, открыла подлинную Россию. Отсюда, мне думается, её поэтическая народность, патриотизм. Отсюда исторические и религиозные мотивы. Не случайно потом в планах к своей книге «Мои полвека» Ахматова писала: «Слепнёво. Его великое значение в моей жизни».

Анна Андреевна в Слепнёве написала около 70 стихотворений. Может быть, самых лучших. То, что некоторые из них являются шедеврами и составляют гордость русской поэзии, это безусловно. Среди них: «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Я научилась просто, мудро жить...», «Июль 1914», «Нам свежесть слов и чувства простоту...», «Я не знаю, ты жив или умер...», «Сколько раз я проклинала...», «Бессмертник сух и розов...», «Как белый камень в глубине колодца...», «Там тень моя осталась и тоскует...», «Течёт река неспешно по долине...», «Уединение», «Город сгинул, последнего дома...», «Бежецк» и некоторые другие, связанные с бежецкой землёй.

Ахматовой эта древняя тверская земля, эта природа открылись как нечто живое, сокровенное. Она увидела, говоря словами Тютчева, «что сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной». Она обрела там творческое счастье и полноту жизни.

*Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моём затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.*

*Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.
(«Бессмертник сух и розов. Облака...»)*

Здесь у неё, как писал исследователь жизни и творчества Ахматовой Сергей Иванович Сенин, «появляется особое отношение к земле, которая для поэта является живым организмом: "Дымилось тело вспаханных равнин..." Тверская

земля прочно вошла в поэзию А. А. Ахматовой, и её поэзия здесь приобрела новую высоту и силу, став "душой и телом" поэта».

У Анны Андреевны есть незаконченный очерк «Слепнёво». Мы приводим его в конце публикации. И ещё несколько «слепнёвских» стихотворений.

Надо сказать, что столько много внимания я уделяю этому биографическому моменту в жизни поэта, потому что как-то до сих пор это не очень прояснено и не осознано в читательском мире. Все знают, чем стало Михайловское для Пушкина, Шахматово – для Блока, Константиново – для Есенина, вологодские веси – для Рубцова... А для Ахматовой в этом плане огромное значение имеет именно Слепнёво:

«Слепнёво для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом всё больше и больше и наконец – полная свобода (это если выходить)».

* * *

*Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, тёмные селенья –
Хранилища молитвы и труда.*

*Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне – как льдинка в пенистом вине.*

*И этого никак нельзя поправить,
Не растопил её великий зной,
И что бы я ни начинала славить –
Ты, тихая, сияешь предо мной.*

Интерес к Бежецкому Верху, как прежде назывался бежецкий край, был ещё связан с тем, что Ахматова ощущала в себе «капельку новгородской крови». Её предки по материнской линии дворяне Стоговы были новгородскими боярами, а Бежецкий Верх был волостью древнего Новгорода.

В одном стихотворении («Теперь прощай, столица...») Анна Андреевна вообще называет эти бежецкие места «страна Господня». Возможно, в том, тютчевском смысле: «Царь небесный исходил, благословляя».

Слепнёвский барский дом в 1935 году был по брёвнышку разобран и перевезён на центральную усадьбу колхоза в Градницы, где стал школой, в которую мы ходили. Дом и сейчас стоит практически в первоизданном виде, он стал Домом поэтов – музеем А. Ахматовой и Н. Гумилёва. А в прошлом году по инициативе Бежецкой епархии и Союза писателей России рядом с музеем построен и освящён храм в честь небесных покровителей поэтов – Анны Кашинской и Николая Чудотворца. Собирали деньги, что называется, всем миром, но мир нынче не очень зажиточный, поэтому собрали крайне мало. Огромное спасибо московскому промышленнику и меценату Сергею Павловичу

Козубенко и его семье. По сути, он профинансировал строительство храма. Зато теперь и сельчане, и приезжающие литературные паломники могут не только побывать в реальной «синей комнате» Ахматовой, но и поставить свечу в чудесной церкви...

Ахматова – общепризнанный большой поэт. Может быть, не будет преувеличением сказать – великий. Такие эпитеты можно отнести к поэтам, которые, кроме высокого мастерства, запечатлели в себе эпоху, которые в огромной степени повлияли на современную литературу и саму современную жизнь. Всё это у Анны Андреевны есть.

Есть даже пророческие моменты в её поэзии. Вот, например, отрывок из стихотворения «Июль 1914»:

*Строки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.*

*Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат.*

Эти слова она вкладывает в уста бежецкого «одноногого прохожего». В них пророчества и о грядущей мировой войне, и о надвигающейся на Россию катастрофе, и о том, что всё-таки Россия будет спасена – и спасена будет самой Богородицей. Так и получилось. В день, когда царя Николая, по сути, заставили отречься от престола (15 марта 1917 года, по новому стилю), в Коломенском явилась икона Божией Матери «Державная». Верующие люди восприняли это как знак того, что ушёл царь, но сама Богородица возглавила страну, защитит и спасёт её своим покровом. Написано это стихотворение, кстати, 20 июня 1914 года тоже в Слепнёве.

Да, не удалось тогда врагам России «разделить» нашу страну. Это так. Но одно разделение случилось намного позже. И теперь эти «партнёры» стремятся его продолжить. Хочется верить, что это у них не получится, что покров Богородицы не позволит. Хотя пророческие материи сложны, не всё прямолинейно и однозначно. Но на тот момент войны и революции Ахматовой открылось нечто такое, что оправдалось.

Любители поэзии знают, что у Ахматовой прекрасная любовная лирика, сильная гражданская поэзия, есть произведения эпического звучания. Поэма «Реквием» вообще уникальное, пронзительнейшее произведение в мировой литературе.

Конечно, любители поэзии знают и судьбу Анны Андреевны Ахматовой, которая была олицетворением Серебряного века, её называли «Коломбиной десятих годов», и ей потом было суждено пройти страшный жизненный путь, написать великий «Реквием», который станет символом эпохи репрессий. Судьба Анны Андреевны – это всё время подвиг, всё время трудный путь преодоления всего несправедного и подлого, это жизнь на грани жизни и смерти.

...Говорят, как человек прожил жизнь свою, такая у него и старость. У Ахматовой она была царственной. Поэт Евгений Винокуров вспоминал: «Анна Андреевна сидела в шали, в старом халате, ещё красивая, грузная, величественная. Седая, как "императрица в изгнании". Говорила она медленно, с расстановкой. Она придавала очень большое значение каждому своему слову, каждой своей надписи на книге». В конце жизни к ней пришла мировая слава. Правда, Анна Андреевна к этому времени была уже тяжело больна, перенесла четыре инфаркта. Но она нашла в себе силы и поехала в Италию, где ей вручили литературную премию «Этна-Таормина». На следующий год Оксфордский университет в Англии присвоил Ахматовой степень почётного доктора. «Я счастлива, – говорила она, – что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Из «слепнёвских» стихов Анны Ахматовой:

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Уединение

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей её благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу –
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины жёлто-красной,
Слагаю я весёлые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озёрной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Памяти 19 июля 1914 г.

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...

Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.
Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

* * *

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.
И стройных жниц короткие подола,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков весёлых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.
Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

* * *

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актёру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжёлый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

Бежецк

Там белые церкви и звонкий, светящийся лёд.
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд.
Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон весёлым
рождественским звоном.

Слепнёво

Я носила тогда зелёное малахитовое
ожерелье и чепчик из тонких кружев. В моей
комнате (на север) висела большая икона –

Христос в темнице. Узкий диван был таким твёрдым, что я просыпалась ночью и долго сидела, чтобы отдохнуть... Над диваном висел небольшой портрет Николая I, не как у снобов в Петербурге – почти как экзотика, а просто, серьезно – по-Онегински («Царей портреты на стене»). Было ли в комнате зеркало – не знаю, забыла. В шкафу остатки старой библиотеки, даже «Северные цветы», и барон Брамбеус, и Руссо. Там я встретила войну 1914 года, там провела последнее лето (1917).

...Присяжная косила глазом и классически выгибала шею. Стихи шли легко свободной поступью. Я ждала письма, которое так и не пришло – никогда не пришло. Я часто видела это письмо во сне; я разрывала конверт, но оно или написано на непонятном языке, или я слепну.

Бабы выходили в поле на работу в домотканых сарафанах, и тогда старухи и топорные девки казались стройнее античных статуй.

В 1911 году я приехала в Слепнёво прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепнёве, отказалась признать

меня барыней и сказала кому-то: «К слепнёвским господам хранцужанка приехала», а земский начальник Иван Яковлевич Дерин – очкастый и бородатый увалень, – когда оказался моим соседом за столом и умирал от смущения, не нашёл ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодёжь за сказочную мою худобу и (как им тогда казалось) таинственность называла меня знаменитой лондонской мумией, которая всем приносит несчастье.

Николай Степанович не выносил Слепнёва. Зевал, скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, там что-то понял и чему-то научился.

Я не каталась верхом и не играла в теннис, а я только собирала грибы в обоих слепнёвских садах, а за плечами ещё пылал Париж в каком-то последнем закате (1911). Берёзки и Подобино. Дубровка. Тетя Пофи и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (рожд. Пиленко). Неведомские, Хилковы (1916).

Один раз я была в Слепнёве зимой. Это было великолепно. Всё как-то вдвинулось в XIX век, чуть не в пушкинское время. Сани, валенки,

медвежьи полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега. Там я встретила 1917 год. После угрюмого военного Севастополя, где я задыхалась от астмы и мёрзла в холодной наёмной комнате, мне казалось, что я попала в какую-то обетованную страну. А в Петербурге был уже убитый Распутин и ждали революцию, которая была назначена на 20 января (в этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: «В день Русской Революции». Другой рисунок (сохранившийся) он надписал: «Солдатке Гумилёвой, от чертежника Альтмана»).

Слепнёво для меня как арка в архитектуру... сначала маленькая, потом всё больше и больше и наконец – полная свобода (это если выходить) .▲

Олег СЕЛЕДЦОВ

**РАЗГОВОР С ПАМЯТНИКОМ
АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ В МОСКВЕ**

Здравствуйте, Пушкин, здравствуйте!
Даже не знаю, как к Вам обратиться.
Кружатся ветры властные.
Как там, у ангелов, дышится, спится?

Долю не знаю лучшую,
Вы заслужили – избранник России.
Ну а меня замучили
Нервы, хондрозы и гипертония.

Гений российский, слышите?
Я, как салага, запутался в вантах.
Вы для меня у Всевышнего
Не попросили б искринку таланта?

Богу, народу, Родине,
Может, смогу быть я чем-то полезен.
Ведь не калека вроде я,
Немощь забуду, плюю на болезни.

Вот и троллейбус рейсовый.
Нет мне ответа. Смешон и бессилён.
Знаю: кишит Дантесами
И проходимцами мать-Россия.

Небо томится совами,
Честь не в чести, справедливость забыта.
И стихотворцы новые
Совесьть попрятали в рифмах избитых.

Пушкин, Сергеич, милый мой,
К лешему гениев медную свару.
Мне бы пушинкой глиняной
Лечь на проезжей Тверского бульвара.

Может, не стану я уж иным,
Может быть, мне и поэтом быть поздно,
Только бы рядом с Пушкиным...
Что же Вы, право, так смотрите грозно?

ДАНТЕС

Придавленный издёмками прогресса,
Я видел сон жестокий и дурной:
Клонировали умники Дантеса,
И он опять нахальный и живой.

Не думайте, что был он безобразен.
Нет, был красив и был румян лицом.
Не скажешь за глаза ни в коем разе,
Что ты имеешь дело с подлецом.

Смеялся он без усталости, без цели,
И между смехом сладостно и зло
Заряженную смерть упрямо целил
В меня, и в сына, и в детей его.

Проснулся я – кошмар ночной не вынес.
И, отдышавшись, понял наконец,
То был не сон. Дантес живой поныне,
Смеётся пулей в сердце нам, подлец .

Памятник А. С. Пушкину, в Москве. (Открытие произошло 20 мая). Работа скульптора академика А. М. Опекунина
Съём фотогр. грав. Г. Шуга.

ТАЙНА ЛИРИКИ ПУШКИНА

Книга Леонида Аринштейна «Лирический дневник Пушкина» – одна из немногих в литературоведении начала XXI века, которые раскрывают новый облик поэта.

Книга, построенная на анализе стихов Александра Сергеевича, его черновиков и свидетельств современников, основана на так называемом биографическом подходе к его творчеству, который в прежние годы был непопулярен. Но если вернуться к самой первой монографии о поэте Павла Анненкова «Материалы для биографии Пушкина», написанной им ещё в 1855 году по свежим следам, когда были живы почти все «действующие лица», так или иначе участвовавшие в судьбе Пушкина, то станет ясно, почему именно сегодня возникла потребность в таком Пушкине, который неотделим от своей эпохи, тогдашнего окружения и тех событий и мыслей, которые владели поэтом.

Ближе к источнику и постарался быть Леонид Аринштейн.

Первое, что он увидел, заново проанализировав стихи Александра Сергеевича, это тот глубинный автобиографический пласт в них, который до того не исследовался в пушкинистике. Это привело его к выводу, что все стихи, начиная с лицейского периода и кончая последним «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», – это всё лирический дневник, который поэт писал на протяжении всей жизни. К этому же выводу приходит в конце своей книги и первый его биограф Павел Анненков. Он пишет: «Материалы для биографии Пушкина... передают внутреннюю и внешнюю жизнь поэта. Настоящая, полная жизнь его заключается в самых его произведениях, порожденных,

так сказать, ходом ее. В них читатель может изучать и душу поэта, и обстоятельства его существования, переходя от одного художнического образа к другому: так писал Пушкин свою биографию». Что же нового открывает нам исследователь на рубеже XXI века, о чём, кстати, упоминал уже и Анненков?

Для анализа он берёт «Воспоминание», написанное 19 мая 1828 года, считая его важным в жизни Пушкина. Именно тогда происходит нравственный перелом, изменивший ход личной жизни поэта, его воззрения и взгляд на самого себя, а вслед за тем и привычки. Начинается стихотворение со строки: «Когда для смертного умолкнет шумный день...» Ин-

интересно, что и Анненков прежде писал об этом произведении как об «уединенной исповеди», открывающей читателю... все душевные тайны поэта. Семена, брошенные суетой света и собственными ошибками, вырастают в часы томительного бдения в ночи, муки и слёзы раскаяния: «И горько жалуясь, // И горько слезы лью, // Но строк печальных не смываю...» И далее биограф пишет, что Пушкин ещё продолжает исповедь, но не для света, а из потребности высказаться и полнее определить себя. Эту-то пьесу Анненков и представляет нам как «образец художнического очищения произведений и вместе их родства с душой поэта, чем и объясняется тайна их теплоты и неотразимого влияния на читателя». Вместе с тем у того же Аринштейна под этим стихотворением, которое, как считает автор, посвящено Амалии Ризнич, стоит дата её отъезда из Одессы, после которого поэт с ней больше не встречался. Эта любовь была тяжёлой и напряжённой для него. Муж отправил Амалию из Одессы, как полагал поэт, из-за ревности к нему. Возможно, даже с его ребёнком. И в городе прошёл слух, что она умерла там, вдали, от бедности, брошенная всеми. Но это только домыслы самого Пушкина.

Существуют и другие версии – что её ребёнок от любовника, с которым она и изменяла поэту, и уехала она как раз вместе с ним. Для нас же главное – внутреннее состояние поэта при воспоминании о тех днях, его покаянные строки, связь его души с теми ритмами, которые возникали в нём в это время и отражали истину, которую хотел высказать поэт, прежде всего для самого себя. Именно её Аринштейн и считает той высшей гармонией для поэта, на вере в которую и зиждилось нравственное чувство, присущее его поэзии. Более того, после шумных увеселений, светской суеты, различных связей Пушкин как никогда тянулся к перу. Зачем? Не только для того, чтобы излить свою душу, не удовлетворённую прошедшим, но и чтобы найти в этой высшей гармонии звуков покой для своей души, умиротворённость и блаженство, которое благотворно действовало на поэта, примиряя его с самим собой, дарило гармонию с высшим, небесным миром. Он, как в зеркале, видел себя и, осознавая свои

недостатки, изменялся. Вся его жизнь, можно сказать, была восхождением к этому Олимпу, где за гармонией звуков открывался мир божественных истин. Не случайно он ещё в молодые годы написал такие зрелые произведения, как «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Каменный гость», и такие фундаментальные повести, как «История Петра», «Полтава», «Медный всадник» и «Капитанская дочка». Вот что писал Павел Анненков по поводу «Полтавы»: «В один октябрь месяц оканчивает он ее... Чрезвычайно быстро писалось новое творческое произведение под действием постоянного, неизменного вдохновения, в котором Пушкин нашел, как всегда, отдохновение и целительную силу для нравственного своего существа». Почти о том же пишет и Пётр Нащокин: «Никто не узнал в ней Пушкина! Блестящий, огненный стих его, который сравнивали с красавицей, уступил место сжатому, полновесному стиху, поражающему своей определенностью. Трудно было проникнуться величию этих стихов после сладких и задушевных строф «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган». И здесь уместно будет процитировать нашего современника Леонида Аринштейна, который как бы вскрывает суть сказанного. Он пишет: «Строго говоря, всё творчество Пушкина было беспрестанным поиском наиболее полного выражения и утверждения высшей гармонии, постоянного движения к ней. Свернуть на иной путь значило бы для него предать свой жизненный опыт, потерять нравственную основу своего существования». В этом контексте автор цитаты не случайно далее приводит два стихотворения поэта, связанных с молитвой Ефрема Сирина «...Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми...»: сначала написанное в 1821 году, когда текст молитвы Пушкин превратил в предмет весёлой шутки, и затем созданное в июле 1836 года, когда, как бы искупая своё юношеское зубоскальство, он пишет проникновенное: «И дух смирения, терпения, любви // И целомудрия мне в сердце оживи» («Отцы пустынноики и жены непорочны»).

Если вернуться к переломному 1828 году, когда Пушкин пересмотрел своё отношение к Амалии Ризнич и Ольге Калашниковой, возлю-

бленной в дни юности в Михайловском (всё в том же стихотворении «Воспоминание» пишет в ненапечатанных его строках: «Две тени милые – два данные судьбой // Мне ангела во дни былые», имея в виду не только ребёнка от Амалии Ризнич, но и сына от Ольги Калашниковой), то станет ясен мотив вышеприведённых зрелых строк молитвы. Об этом же периоде говорит и Пётр Нащокин: «...как изменились привычки Пушкина, как страсть к светским развлечениям сменилась у него потребностью своего угла и семейной жизни». «Надобно, – пишет далее автор, – усилия с его стороны, чтоб заставить Пушкина не прерывать своих знакомств, не скрываться от общества и выезжать». Это к тому, чтобы понять, что Пушкин никогда не оставался застывшей величиной в своих действиях и поступках, а значит, и в творчестве. Ведь оно тесным образом было связано с его чувствами и мыслями, его душевными переживаниями. Тогда он и прибегал к творчеству, которое выводило его из тупика и открывало новую реальность: «А звуки, по собственному выражению поэта, – пишет Анненков, – беспрестанно переливались и жили в нем... и он наслаждался ими почти без перерыва».

Но сам поэт пытался скрыть эту тайну от других, часто уверяя их в равнодушии к этому. Может быть, это нужно было поэту для того, чтобы ему не мешали. Ведь создание его тво-

рений скорее было медитативным. Об этом говорит мелодизм его поэзии. Он сначала слышал звуки, рифмы, а потом, как композитор на слова, записывал на них свои мысли и чувства. В этом и состоит тайна его поэзии, её неотражимости и особого воздействия на слушателя.

К предыдущему надо добавить, что отдельные его листки и страницы тетрадей отмечены нотами разных метров и разных ключей, возникших в минуту вдохновения. Стихи – живая импровизация поэта. Из неизданного отрывка к «Евгению Онегину»: «Среди бессвязного маранья // Мелькали мысли, примечанья, // Портреты, буквы, имена // И думы тайной письмена». Да и самый разговор поэта, как замечает Анненков, «делался блестящим и неудержимым потоком, как только [кто-нибудь] прикасался к какой-нибудь струне его сердца или к мысли, глубоко его занимавшей».

Значит, всегда жила в его сердце эта страсть к вдохновению, которая с ранних лет была заложена в его душу музыкой, явившейся к нему в колыбели:

*Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный ум напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила. А*

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

Мой Пушкин

Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал.

А. С. Пушкин

У каждого из нас в жизни была своя встреча с Пушкиным. Может быть, не одна. У каждого из нас установились с ним свои, личные отношения. Каждый когда-то нашёл своё, со-

кровенное в том, что Поэт оставил нам. Для меня Пушкин – мой друг, любимый бард, патриот моей России. А ещё дорог он и близок мне как российский историк, историк от Бога. «Историк от Бога, даже там, где не старался», – сказал о нём другой дорогой мне человек и историк Василий Осипович Ключевский. Это 200 лет назад «Евгений Онегин» был романом «на злобу дня». Тот же Ключевский, живший и работавший на рубеже XIX и XX веков, на-

звал его «энциклопедией русской жизни». Для нас, жителей XXI века, он давно и бесконечно исторический роман и исторический источник. Наверно, любое литературное произведение Поэта, не важно, в прозе оно или стихотворное, из российской действительности или перемещает нас в иные, далёкие страны, помимо всего прочего становится для читателя ещё и историческим повествованием. Пушкин-историк оставил нам свои исторические художественные произведения в стихах и прозе («Песнь о вещем Олеге», «Борис Годунов», «Полтава», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Арап Петра Великого» и др.), и очень серьёзные научные исследования (в первую очередь, конечно, «Историю Пугачева»), и небольшие размышления. Пушкин-историк не похож ни на кого. Быть может, потому, что Пушкин, даже будучи историком, остаётся Поэтом. И тонкая звенящая душа так щемяще, так явственно ощущает описываемое им историческое событие, будто временные границы той, такой давней, эпохи проходят через его любящее, страдающее, болящее сердце. Пушкин, историк и поэт, учит нас, заклинает нас любить свою родину, понимать и принимать её предназначение, её великое не только место, но и значение в судьбах человечества, в бытии нашей планеты. И через историческое наследие поэта, и «через поэзию Пушкина мы стали лучше понимать чужое и серьёзнее смотреть на своё. Мы стали понятнее и себе самим, и чужим... Русский читатель научился уважать своё отечество...» (В. О. Ключевский).

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.*

Не устаю благодарить Бога за этот бесценный дар России, её народу, душе и сердцу каждого из нас! Не устаю повторять: берегите Пушкина в своей душе, в своих мыслях и словах, в русской словесности, литературе, русской истории, в нашей жизни! Не дайте снова убить его! – ни убожеством нашего образования, ни

утратой веры в Россию и её будущее, ни русофобией Запада с его «либеральными» идеалами и никому, кто пытается в нашем отечестве или за его пределами оговорить, оболгать, оболванить нашу страну, нашу историю, наш народ! Берегите поэтов! В каждом из них живёт и не угасает лучик большого и тёплого солнца русской поэзии.

*Берегите поэтов! Они беззащитны.
Равнодушием их обижать – грех.
Их души по-детски светлы и открыты.
Их рифмы и мысли устремлены вверх.
Они невпопад переходят дорогу.
Их сердце боли чужой внимает.
Они, позабыв обратиться к Богу,
Обращаются к тем, кто не понимает...
Берегите поэтов! Молитесь за них дни и ночи,
Когда им легко, и когда их тоска холодная душит.
И в руки взяв их струною звенящие строчки,
Бережно натяните на свои зазвеневшие души.*

И очень вас прошу: берегите себя! – от безверия и безысходности, от нелюбви. **А**

Анна АКСЁНОВА

Учитель истории по образованию и по душе. Автор песен и стихотворений по истории (и не только), творческих исторических мастерских. Хозяйка Бард-кухни Пушкинского дома (собрание бардов, поэтов, благодарных слушателей в Герценке). На редкость везучий человек.

СЕЛО ВСЕВОЛОДО-БЛАГОДАТСКОЕ НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ

Меня поражает Людмила Борисовна энергией, весёлым общительным характером. Вот и меня она воодушевила посетить село Всеволодо-Благодатское со школьной туристической группой в зимние каникулы. Всеволоджские были в родстве с А. С. Пушкиным, а Никита и Александр, унаследовавшие от отца, Всеволода Андреевича, земли и заводы на Северном Урале, были «минутными друзьями минутной молодости» Пушкина. В 1770 году Всеволод Алексеевич, дядя Всеволода Андреевича, купил рудники на Урале, где начиналась золотодобыча. В 1824 году начали строиться первые крестьянские избы. Село окружено непрерывными горами и холмами, среди которых возвышается Денежкин Камень высотой 1492 м над уровнем моря. Вокруг хвойный лес – ели, кедры, сосны и пихты, лиственница, заросли можжевельника. Большие озёра, извилистые речки.

– Благодать-то какая! – воскликнул Всеволод Андреевич, уральский горнозаводчик,

владелец Пожевского, Александровского, Майкорского и других заводов, на которых «кроме выплавки чугуна и выделки железа, заведены мастерские искусств промышленных».

Как писал историк и этнограф Сорокин в 1872 году, вместе с золотодобывающим прииском развивалось и село. Были построены церковь, школа, контора управленцев, почта-телеграф, лавка купцов Рогалевых, казённая винная «монополюшка». В книге «Путешествие к вогулам» Н. Ф. Сорокин местных жителей называет туземцами, которые охотились, а на промывке золота работали русские. Другой работы здесь не было. После смерти отца в 1836 году Александр получил в наследство Александровский горный округ, а Никита – Никитинский, с центром в посёлке Никито-Ивдель. Братья получили прекрасное воспитание и образование, имели хорошие должности в столице, жили на широкую ногу. Дальние родственники А. С. Пушкина познакомились с ним, вы-

пускником Царскосельского лицея, в Коллегии иностранных дел, куда тот был направлен на работу, там же служил и Никита. Пушкин становится членом литературного и политического общества «Зелёная лампа», организованного Александром и Никитой. Девиз общества: «Свет и Надежда». По субботам у Никиты устраивались дружеские пирушки. В 1820 году Пушкин проиграл в карты Никите тетрадь стихов, о чём читаю в письме Н. В. Всеволожскому от июня 1824 года из Одессы: «Помнишь ли, что я тебе полу-продал, полу-проиграл рукопись моих стихов?..»

БРАТЯ АЛЕКСАНДР И НИКИТА ВСЕВОЛОЖСКИЕ¹

Жена Всеволода Андреевича, мать Александра и Никиты, почти безвыездно жила в Париже. Она блистала на балах в роскошных нарядах, устраивала приёмы и постоянно требовала и требовала деньги от мужа. Вся жизнь для их отца заключалась в выколачивании денег с имений, заводов и отправке их в Париж. Он и умер от инсульта (как тогда говорили, от апоплексического удара) при получении депеши от жены с требованием срочно прислать ей денег. Братья тоже не привыкли экономить. В то время существовала даже поговорка: «транжирить, как Всеволожские». Братья Всеволожские получили прекрасное воспитание и образование, имели хорошие должности, дружили с видными людьми. Александр Всеволодович Всеволожский (1773–1864) – участник Отечественной войны 1812 года, в 1817 году – поручик, в 1819-м штаб-ротмистр. С 1833 года – камергер, с 1836-го – чиновник особых поручений при главноуправляющем над Почтовым департаментом, с 1837 года – церемониймейстер Императорского двора. Действительный статский советник. Был женат на Софье Ивановне Трубецкой. Дети – четыре сына и дочь Екатерина, в честь которой назван пос. Екатериновка вблизи Ивделя. Тесная дружба связывала Александра Всеволожского с Александром Грибоедовым с самого детства.

¹ Глава из книги «Род Всеволожских» печатается с сокращениями.

*Л. Б. Всеволожская и З. П. Мехонцева, основатель
Общества краеведов г. Первоуральска,
активный член клуба «Лукоморье»*

Людмила ВСЕВОЛОЖСКАЯ, пос. Ис Свердловской области

С 1943 года жила в г. Серове. В 1952 году окончила Свердловское педагогическое училище, в 1957-м – Пермский государственный педагогический институт (кафедра физического воспитания). Специальность – преподаватель анатомии, физиологии и физического воспитания. Мастер спорта по художественной гимнастике. Учитель в школе г. Серова, заместитель председателя городского спорткомитета, директор Детской спортивной школы горно. С 1971 года живёт в Екатеринбурге (Свердловске). Инструктор Областного совета профсоюзников в отделе физкультуры и спорта. С 1988 года на пенсии. Увлекается туризмом, садоводством. Активный член Пушкинского клуба г. Екатеринбурга.

Действительный член Российского дворянского собрания. Потомок дворянского рода Всеволожских. Автор историко-исследовательской книги «Род Всеволожских» (2007).

В 1818 году Грибоедов писал другу: «...Я одного жалею: не свидеться с тобою... зато по большой разлуке в Москве дружески обнимемся». В 1823–1824 годах, в период окончания работы над «Горем от ума», друзья часто встречались, их объединяли интересы к музыке и литературе. Всеволожский помог Грибоедову в трудную минуту, когда тот был арестован по делу

декабристов. В 1828 году Грибоедов с тяжёлым чувством покидал Петербург, отправляясь послом в Персию. До Царского села его провожал друг – Александр Всеволожский. Воспетая Пушкиным знаменитая танцовщица Истомина была приятельницей Грибоедова. Кавалергард Василий Шереметев из-за неё вызвал на дуэль камер-юнкера Завадовского. Грибоедов был секундантом Шереметева на этой дуэли, которая закончилась трагически для кавалергарда. Это послужило одной из причин ссылки Грибоедова в Персию. Эту дуэль писатель никогда не мог забыть, ему было очень жаль «бедного Васю». В дружбе с А. Всеволожским были декабрист Николай Бестужев и художник-миниатюрист М. Теребенев; миниатюрный портрет Александра, написанный им в период с 1821 по 1825 год, хранится в частном собрании. Дружил с А. С. Пушкиным.

Никита Всеволожский (1799–1862) окончил Санкт-Петербургский университет. С 1816 года – актуариус Коллегии иностранных дел, с марта 1829-го служил по ведомству Тифлисского военного губернатора, с марта 1831-го – управляющий временной секретной канцелярией виленского губернатора, с ноября 1831 года причислен для особых поручений к управляющему Главным штабом, с мая 1836-го – церемониймейстер. Позднее камергер, действительный статский советник, любитель театра и литературы, переводчик французских водевилей, петербургский приятель А. С. Пушкина, который назвал его имя в числе «лучших минувших друзей». Знакомство и общение с А. С. Пушкиным началось по окончании поэтом лица. Он, как и Никита, был направлен на службу в Коллегию иностранных дел. Они были ровесниками, имели общие интересы: увлекались театром, поэзией, музыкой, любили весёлые дружеские компании, вечеринки. С 1819 года Пушкин становится членом литературно-театрального и политического общества «Зелёная лампа». Своё название общество получило «по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались...». Кстати, эта лампа была изготовлена на уральском заводе в пос. Пожва, принадлежавшем отцу Никиты. На заводе изготовлялись различные изделия

из сплава меди и олова. Сплав имел зелёный цвет. Лампу вместе с резными оконными решётками, дверными ручками, подсвечниками и пр. изготовили для петербургского дома (проспект Римского-Корсакова, 35) Никиты в 1816 году. Лампа была богато инкрустирована малахитом. Вот и общество стало называться «Зелёная лампа». Организаторами его были Никита и Александр Всеволожские. Председателем был Яков Толстой. Девиз общества: «Свет и Надежда». Я. Толстой был участником Отечественной войны 1812 года и членом «Союза благоденствия». Многие «ламписты» – будущие декабристы. С горячим интересом они обсуждали не только стихи и театральные новинки, но и политические проблемы. По субботам в доме Никиты устраивались весёлые пирушки. К друзьям-лампистам обращены стихи Пушкина:

*Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для вас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена!*

О гостеприимном доме Всеволожских поэт с любовью писал:

*Вот он, приют гостеприимный.
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз.
Где дружбы знали мы блаженство...*

Фёдор Глинка так охарактеризовал Никиту Всеволожского:

*Он весел, любит жизнь простую,
И страх, как всеми он любим!
И под кафтаном золотым
Он носит душу золотую.
Зимой живет он в Петрограде
Для службы, света и связей,
А летом он гостит в «Отраде»¹
И сам отрада для друзей.*

Дом на Екатерингофском проспекте служил приютом общества «Зелёная лампа», при

¹ Отрада – имение в Астраханской губернии, приданное матери Никиты Е. Бекетовой.

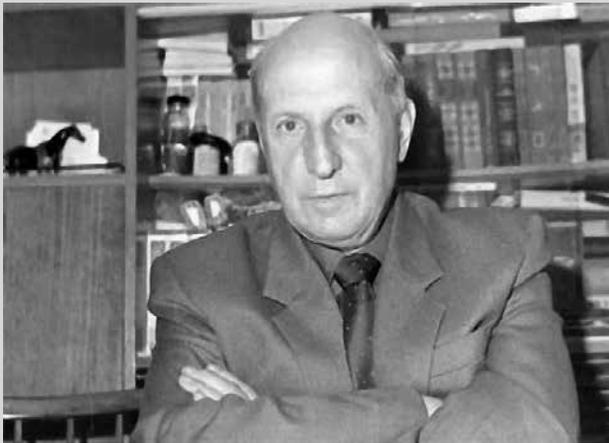

свете которой обсуждались новости литературы, театра и политики. Гнедич декламировал свои гексаметры, мечтательный Дельвиг читал послания к друзьям. Покончив с литературными темами, члены «Зелёной лампы» переходили к «зелёному полю». Нередко карточный азарт сменялся весёлыми пирушками. Пушкин, уже находясь в ссылке и оторванный от своих друзей, с грустью писал о доме Всеволожского:

*Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык.*

Среди членов «Зелёной лампы» оказалось в дальнейшем немало единомышленников декабристов. Не зря ведь одиннадцать «лампистов» попали в их список. Вольное общество «Зелёная лампа» просуществовало около полутора лет, оно было ликвидировано по доносу М. Грибовского. Но и после ликвидации «Зелёной лампы» Никита Всеволожский не теряет связи с друзьями, не перестаёт интересоваться театром. Из его переписки с братом Александром видно, что он был в приятельских отношениях с Дидло, что в его доме, как и раньше, бывали актёры. (Дидло – знаменитый балетмейстер.) Весной 1820 года А. Пушкин «полу-продал, полу-проиграл» Никите тетрадь своих стихотворений. Об этом он пишет Никите в Петербург в октябре 1824 года из Михайловского: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский, – ты помнишь Пушкина, прошедшего с тобою столько веселых часов, – Пушкина, которого ты видел и пьяного и влюбленного, но всегда верного твоим субботам, неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей. Сей самый Пушкин честь имеет напомнить тебе ныне о своем существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебе полу-продал, полу-проиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра несчастливая

родит задор. Я раскаялся, но поздно – ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стихов, большая часть оных ниже посредственности и годится только на совершенное уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Всеволожский, милый, царь не дает мне свободы! Продай мне назад мою рукопись, – за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь, даром же взять не захочу). Деньги тебе доставлю с благодарностью, как скоро выручу, – надеюсь, что мои стихи у Сленина не задержатся. Передумай и дай ответ. Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика. Когда-то свидимся... когда-то...» В 1825 году через А. С. Пушкина тетрадь была выкуплена, и стихи вышли с подзаголовком «Тетрадь Всеволожского» в 1826 году. Никите Всеволожскому Пушкин посвятил стихотворение «Прости, счастливый сын пиров», которое читал на собрании членов «Зелёной лампы» на проводах Никиты в Москву. Работая над «Историей Пугачева», Пушкин предпринял поездку в Оренбург для сбора материала и по возвращении в Москву в доме Булгакова встретил Никиту Всеволожского. Тот возвращался с Урала, где в Пожне у его батюшки было главное управление по рудникам и заводам. Друзья были очень рады встрече, они не виделись почти десять лет. Никита рассказал Александру Сергеевичу о хозяйстве батюшки, о заводах, о золотых приисках, о том, что на их земле между Сосьвой и Лозьвой в глухих деревнях проживают декабристы Бригген, член «Союза благоденствия», и Враницкий, член «Южного общества». Рассказал о природе Урала, о синих вершинах гор, о чистых реках, о вогулах и зырянах, проживающих по берегам реки Пелым. После этой встречи у Пушкина родилась мысль написать большой роман о роде Всеволожских и назвать его «Русский Пелам», по названию северной реки. Фамилию главного героя он придумал: Пеламов. Но успел написать только начало, которое было опубликовано в 1841 году. Кроме того, от Никиты он узнал историю гибели его деда, пензенского губернатора, и включил её в свою книгу. **А**

Виктор РУТМИНСКИЙ (ФАЛЕЕВ)

18.02.1926 – 2001, Свердловск

Известный свердловский литературовед, переводчик, автор 5-томного учебного пособия по русской литературе, куда вошёл курс лекций о поэтах золотого и серебряного веков. Лауреат премии губернатора Свердловской области (1999 г.)

С третьего курса УрГУ был отправлен на Колыму, в лагерь политзаключённых. После реабилитации в 1955 году экстерном окончил филологический факультет УрГУ.

«Печаль моя светла...»

Писать о Пушкине чрезвычайно сложно, хотя бы потому, что за 200 лет со дня его рождения о нём были написаны тонны литературы – гениальной и глуповатой, блестящей и примитивной, глубокой и ничтожной. В настоящий момент всё усугубляется тем, что в те дни, когда пишется эта статья, справляется 200-летний юбилей со дня рождения поэта. И чуть ли не каждый, подобно рыжему из рассказа Леонида Андреева «В тумане», спешит устремиться следом с криком: «И я! И я!»

Увеличивать собой этот хор, честно говоря, просто очень не хотелось бы, но и обойти молчанием колоссальную фигуру поэта в книге о золотом веке русской поэзии было бы абсурдом. Я заранее отказываюсь от биографических данных, которые наличествуют в достаточно солидных трудах Ю. М. Лотмана и других литературоведов.

Пусть это будет очерк в свободном жанре: в нём я попытаюсь отметить то, что я считаю главным в Пушкине и что, по-моему, Пушкин считал главным для самого себя.

Когда-то добрый и умный В. А. Жуковский, желая спасти поэта от ложных толкований, оказал ему медвежьё услугу, навязав Пушкину своё истолкование одного стиха: долгое время на памятнике Пушкину красовались слова, ему не принадлежащие и даже в своём

роде антипушкинские: «Что прелестью живой стихов я был полезен...» (Это вместо: «Что в мой жестокий век восславил я свободу...»)

Категория «пользы» была Пушкину ненавистна, никогда не стал бы он писать ради чьей-то пользы. Везде и всюду он настаивал на том, что поэт – эхо, что он отражает шум времени и не его вина, если этот шум порой режет уши. Поэт не генератор шума времени. Он неизменно повторял излюбленную мысль, что темы для творчества поэт выбирает сам. Одно стихотворение на эту тему было использовано поэтом дважды: как строфа из поэмы «Езерский» и как первая импровизация итальянца из «Египетских ночей». Приводим второй вариант:

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъёмлет лист и пыль несёт,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханье жадно ждёт?*

В России было немало прекрасных поэтов, но Пушкин сияет недостижимой вершиной. Почему? Потому что он более, чем кто-либо, был сыном гармонии. Большинство поэтов, в том числе и в его время, были в основном минорны, а Пушкин решительно мажорен, хотя и у него есть грустные стихи. Не потому, что век был такой уж светлый. Конечно, ещё не

наступили 40–50-е годы, доведшие Гоголя до потери ближайшей реальной перспективы и безвременной кончины. Но ведь у каждого времени свои печали.

*Времена не выбирают –
В них живут и умирают...*

А. Кушнер

И недаром Блок произнёс знаменательные слова: «Пушкина убила не пуля Дантеса, его убило отсутствие воздуха». Но всё же не забудем, что это сказал другой поэт и в другое, куда более дисгармоническое время.

Кто, кроме Пушкина, мог сказать: «Мне грустно и легко, печаль моя светла»?!

Кстати, сам Пушкин удивительно чувствовал и умел передавать атмосферу самых разных времён и народов. (Это удивительно, потому что он нигде, кроме Арзрума, за границей не бывал, да и за эту поездку получил нагоняй от Бенкендорфа.) Иностранцы скорее оценят Толстого, Достоевского, Чехова. Может быть, потому, что поэзия высочайшей пробы предельно непереводима ни на какие другие языки? В большинстве европейских стран Пушкин остаётся за семью печатями. Почитают, но не читают. Чужой он им.

Попытка Марины Цветаевой перевести «Бесов» и другие стихи Пушкина на французский, который она знала с детства и в совершенстве, сочувствия у французов не встретила. Сейчас бы мы сказали: «другой менталитет». Хотя... мы-то французов переводим так, что можем переводными стихами наслаждаться в полной мере. Может быть, для этого Пушкину нужен Бенедикт Лившиц.

Пушкина переводил сам Мицкевич, но я, зная и любя оба языка, предпочитаю «Воспоминание» читать по-русски, а Trzej Budrysow или Craty, переведённые с польского Пушкиным, всё-таки по-польски.

Тот же Блок, говоривший об отсутствии воздуха, убившем Пушкина, начал свою речь 1921 года (отмечалось 84 года со дня смерти поэта) удивительными словами: «Наша память хранит с малолетства весёлое имя – Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собой многие дни

нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийств, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин».

В этой речи, превратившейся потом в статью «О назначении поэта», Блок гениально сформулировал три задачи, стоящие перед поэтом. И разве не о том же пишет Пушкин?

*Поэт! не дорожи любовью народной,
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной;
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.*

Поэт выполняет своё предназначение, потому что не может его не выполнять: не может не слышать шума времени и не преобразовать его в гармонию.

Оттого роль поэта трагична: ему свыше дан «дар тайнослышанья тяжёлый» (Ходасевич). А этот дар – тяжкое бремя. Поэт – пророк, а не провидец, не предсказатель. Он угадывает путь, по которому пойдёт время, а не отдельные его детали.

...И мне очень жаль, что талантливый и умный А. С. Кушнер из статьи в статью с упорством повторяет, что «Пророк» не более чем библейская стилизация (будто литература – это игра какая-то), что никаким пророком Пушкин не был, потому что он, например, не предвидел Крымскую войну и освобождение крестьян от крепостной зависимости (А как же насчёт «рабства, падшего по манию царя»? – В. Р.). Остаётся только пожалть плечами и вспомнить реплику Бальмонта Зинаиде Гиппиус: «Печально, когда поэт не понимает поэта!» Да что поэт – цыганка, что ли?..

Статья Блока известна многим. Гораздо меньшее количество читателей знают произнесённую на том же вечере в Доме литераторов в 1921 году речь Ходасевича «Колелемый треножник»: «...Уже эти люди, не видящие Пушкина, вкраплены между нами. Уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали туговаты на ухо. <...> Это не отщепенцы, не вырожденки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть не мальчишками, посланы были

в окопы, перевидали целые горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали полей – и вот вчера возвратились, неся свою психическую заразу. <...> (Как современно! – В. Р.)

Целый ряд иных обстоятельств ведет к тому, что, как бы ни напрягали мы силы для сохранения культуры, ей предстоит полоса временного упадка и помрачения. С нею вместе омрачен будет и образ Пушкина.

И наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования (напоминаю, что это была 84-я годовщина смерти поэта. – В. Р.) отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам переключаться в надвигающемся мраке...»

И всё-таки – там же:

«Как мы, так и наши потомки не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с нее нам уйти некуда».

И у Пушкина были минуты горьких раздумий, и у него прорывались минорные ноты: ведь он был живым человеком, а отнюдь не жизнерадостным кретином.

Вот стихи, написанные поэтом в 29-ю годовщину своего рождения:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

Пушкин очень часто удивляет нас тем, что умудряется создавать шедевры, не пользуясь никакими приёмами, якобы необходимыми для этого. Вот, например, стихотворение, в котором нет ни образов, ни изящной игры словами, ни аллитераций, ни изысканных рифм, и тем не менее это настоящее поэтическое чудо:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

Пожалуй, ни у кого мы больше не найдём таких примеров: лучше нельзя, проще нельзя.

Никакой позы, никаких «пиитических» выкрутасов. Для этого надо было быть Пушкиным, только и всего.

Одно время была тенденция изображать Пушкина чуть ли не революционером. И то правда, что он в юности отдал дань увлечениям своих друзей: среди горячо любимых им людей были и Пушин, и Кюхельбекер. Но ведь даже ода «Вольность» кончается вполне мирным призывом к царям:

*Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

Пушкин был против тирании, а не против монархии. В этой же оде об убийстве Павла I:

*О стыд! О ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...*

А о казни Людовика XVIII:

*Молчит Закон – народ молчит.
Падет преступная секира...*

И если кто-нибудь в противовес сказанному вспомнит строки:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу, –*

успокойтесь! Это о Наполеоне. Хотя последние две строки чести поэту, по совести говоря, не делают. За что он так погибшего в юности герцога Рейхштадтского?

Любя друзей-декабристов и до какой-то степени разделяя их взгляды, он всё же вполне осознавал тщетность усилий скоропалительно преобразовать мир. Вряд ли ему хотелось стать этаким Че Геварой, который силком хотел затащить боливийских крестьян в «мировой пожар». Недаром в более зрелом возрасте поэт с горечью писал:

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...*

Раскрыть секрет того, откуда появилось чудо поэзии Пушкина, пытались многие, в том числе умнейшие и талантливейшие люди, которые к тому же сами были поэтами. Сейчас, в 200-ю годовщину со дня рождения поэта, нагромождено столько псевдонаучных бредней и благоглупостей, среди которых просто теряются дельные мысли. Не берусь спорить ни с покойным А. Д. Синявским, ни с ныне здравствующим Борисом Парамоновым. Бог с ними. Андрей Белый в своё время написал целый трактат о том, как сделаны стихи Пушкина, и прочёл его М. А. Волошину в его коктебельском доме. Максимилиан Александрович послушал-послушал и сказал: «Боря, если ты так всё хорошо знаешь, сел бы да и написал "Для берегов отчизны дальной"!» (напоминаю, что подлинное имя Белого – Борис Николаевич Бугаев. – В. Р.) Белый только руками развёл.

Думается, что из всех поэтов всех времён и народов Пушкин был самым психически нормальным человеком. Поэты XX века, безусловно, все были с некоторой «пропсишью», кроме разве что Брюсова.

Когда вашему покорному слуге было лет 14 и он впервые увлёкся поэтами и внимательно проштудировал толстенную «Антологию русской поэзии XX века (1900–1925)», составленную Ежовым и Шамуриным (ценнейшее, кстати, издание, куда были включены все писавшие стихи в указанные годы – от гениев до идиотов), то из-под его пера вылились такие строки (прошу прощения за подобную саморекламу, писалось это, однако, вполне искренно. Я же не знал, что потом буду всю жизнь заниматься этими «ненормальными»):

*Прочтя всех поэтов двадцатого века,
Нормального я не нашёл человека,
Тот смысл изувечил, тот комкает стих,
Ну что ни поэт, то какой-нибудь псих.
Здесь критик свихнётся и сам сгоряча.
Нет, здесь он бессилён, тут надо врача.*

Так вот, и у гармоничнейшего Пушкина выпадали минуты, когда под тяжестью «дара тайнослышанья тяжелого» он приходил в отчаянье и боялся сойти с ума:

*Не дай мне Бог сойти с ума;
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.*

Ему всего 35 лет, цветущий возраст (он ведь не знал, что жить ему остаётся всего два года), а он говорит про «закат печальный», со спокойной мудростью рассуждает о близкой смерти:

*Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь – как раз –
умрем.*

Вот это было написано ещё на пять лет раньше, а тема та же, но какая удивительная, благословляющая мир интонация.

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

В 1937 году в связи со столетием со дня смерти поэта было издано огромное количество литературы о Пушкине. Тон был, конечно, только славословящий.

Все эти восторженные слова призваны были заглушить стоны замучиваемых живых и доказать: вот, мол, какие мы хорошие и как мы любим поэзию.

Воистину сбывалось пророчество поэта в «Борисе Годунове»: «Они любить умеют только мертвых».

Тогда один маститый литературовед даже написал, что сожительство Пушкина с крепостной крестьянкой Ольгой Калашниковой доказывает его любовь к народу. В этом смысле все помещики-крепостники были отчаянными народолюбцами: некоторые имели целые гаремы.

При жизни Пушкина признавала славой России горстка образованных и умных людей.

И то – многим казалось, что его романтические поэмы – это прекрасно, а вот стихи последних десяти лет жизни (самые лучшие!) – это и не так звучно, и холодновато. Такова участь любого первооткрывателя: он видит мир по-новому.

Когда Краевский напечатал свой общеизвестный теперь некролог со словами: «Солнце нашей поэзии закатилось», это возмутило С. С. Уварова (а ведь весьма культурный был человек и в «Арзамасе» состоял), и тот разразился начальственной тирадой: «Писать стишки еще не значит проходить великое поприще».

Минули десятилетия, и Д. И. Писарев вообще растоптал в своих статьях, достойных лавров Герострата, поэзию Пушкина.

В начале XX века, как вспоминает Маяковский, перед выступлениями футуристов им было приказано: «Не касаться начальства, ну там Пушкина, например». А в революцию во Владикавказе, где тогда пребывал М. А. Булгаков, был устроен диспут о Пушкине, целью которого было развенчать поэта. Михаил Афанасьевич решил пойти на этот диспут и с недоумением слушал, как выступавшие «рвали на Пушкине в клочья его белые камер-юнкерские штаны». Наконец не выдержал и выступил в защиту поэта, за что был на другой день уволен из редакции, где служил.

Через какое-то время, после кончины бесславного РАППа, стрелка снова качнулась в другую сторону, и Пушкин опять стал гордостью нашей страны.

Что нам по этому поводу остаётся сказать? Разве что вспомнить стихи Пушкина «Возрождение».

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.*

И не будем загонять Пушкина в рамки – любые: они все будут тесны для него.

Пройдут юбилейные дни, а Пушкин будет всё так же сиять перед нами: ни монархистом, ни революционером, ни богохульником, ни религиозным фанатиком, ни крепостником, ни народником, ни романтиком, ни классиком. А просто Поэтом. Великим Поэтом. Как писал М. А. Кузмин:

*Романтик, классик, старый, новый?
Он – Пушкин, и бессмертен он.
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон? А*

ПУШКИН, ИТАЛИЯ, УРАЛ

В сентябре 1831 года А. С. Пушкин пишет из Царского Села в Петербург своему большому другу Елизавете Михайловне Хитрово, дочери М. И. Кутузова: «...Вы здоровы и развлекаетесь, это, конечно, вполне достойно "Декамерона". Вы читали во время чумы – вместо того чтобы слушать сказки, это тоже очень философично». В библиотеке Пушкина было знаменитое произведение Джованни Боккаччо на итальянском языке. В ноябре этого же года тому же адресату Пушкин пишет: «...Манцони, принадлежащий графу Литте, прошу Вас отослать ему...» (Письма, конечно, на французском языке.) Пушкин имел в виду нашумевший в то время роман Манцони «Обручённые», с которым он хотел ознакомиться в итальянском оригинале. Знакомство Пушкина с итальянской литературой уже в детстве происходило через русские и французские переводы, итальянский музыкальный театр, лицейские курсы словесности. В домашней библиотеке были представлены Ариосто, Данте, Петрарка, Т. Тассо. Дядя, В. Л. Пушкин, не только переводил с итальянского, но и писал стихи на этом языке. Овладел Александр Сергеевич итальянским во время южной ссылки. В Кишинёве и Одессе он общается с носителями живого разговорного итальянского языка, посещает оперу, где звучит музыка Россини, изучает творчество Байрона.

Интерес Пушкина к итальянской культуре формировался под влиянием общеевропейского внимания к движению за объединение Италии (Рисорджименто). В Италию ездили знакомые, друзья Пушкина; там жили близкие поэту семьи: поэта и переводчика П. А. Голицыной (перевела на французский язык несколько глав «Евгения Онегина»), известного

библиофила, собравшего библиотеку в 40 000 томов, Д. П. Бутурлина. Отец хозяйки дома Артемий Иванович Воронцов был крёстным отцом А. С. Пушкина. В Риме жила одна из самых просвещённых женщин своего времени, «царица муз и красоты» З. А. Волконская, в салоне которой в Москве Пушкин был на проводах невестки хозяйки, М. Н. Волконской, в Сибирь, к мужу-декабристу. Первым памятником Пушкину на земле была стела с именем поэта на вилле З. А. Волконской. Во Флоренции жила со своими красавицами дочерьми Е. М. Хитрово. Все три были горячими поклонницами поэта. Жизнь современников Пушкина и их потомков, связанная с Италией, замечательно представлена в книге И. Бочарова и Ю. Глушаковой «Итальянская Пушкиниана».

В 1828 году писатель и учёный Никколо Томмазо в журнале «Флорентийская антология» назвал Пушкина «последователем Байрона» и «поэтом русской нации». Итальянский город Реканати области Марке на Адриатике считается центром поэзии и культуры – здесь родился Джакомо Леопарди. В доме-музее поэта Леопарди обращаю внимание на стенд с названием «Великие современники поэта». Среди трёх десятков портретов и имён знаменитостей разных стран – два русских: Николай I и А. С. Пушкин. История поставила рядом монарха и поэта, жизнь которого билась в тисках режима Николая I. Человечество обязано Пушкину, как и Леопарди, своим духовным совершенствованием, стремлением к свободе. И потому поэт выше монарха. Годы жизни Леопарди и Пушкина удивительно совпадают. Леопарди родился 29 июня 1798 года в Реканати. Умер в Неаполе 14 июня 1837 года от холеры.

Леопарди, Джакомо
29 июня 1798 — 14 июня 1837

Их жизненные пути не пересекались, шли параллельно. Вполне вероятно, поэты знали друг о друге. «Космический» пессимизм поэзии Леопарди созвучен «мировой скорби» Байрона. Его канцоны «К Италии», «На памятник Данте» связаны с войной в Италии, раздробленностью, обнищанием народа. «К себе самому» – самое мрачное стихотворение. И у Пушкина есть стихи отчаяния – «Дар напрасный, дар случайный», «Пророк». В послевоенной России – крепостничество, разгром декабристов, жестокая цензура. При этом образ жизни, материальный мир поэтов прямо противоположен: Леопарди рос в одной из богатейших и знатных семей Италии.

Сравнительный анализ лирики Пушкина и Леопарди приведён в книге «Стихи из Италии и России о любви, мире, справедливости и свободе», выпущенной издательством УРГУ. Стихи представлены на двух языках: итальянском и русском; авторы-составители – Фауст Таперджи и Н. В. Шарнина, перевод Татьяны Филиппони. (Ф. Таперджи – философ, поэт, дра-

матург, основатель журнала «Современник», в котором значительное внимание уделялось вопросам просвещения и нравственности.) В книге объединены произведения великих поэтов прошлого и современных уральских поэтов: Л. Ладейщиковой, Ю. Конецкого, В. Блинова, А. Кердана.

В 2007 году ученик 10-го класса школы № 15 Первоуральска Денис Южаков стал дипломантом региональной школьной конференции. Тема его исследовательского проекта – «Пушкин – Италия – Урал». Научный руководитель – учитель школы № 15 Г. Ф. Дресвянина. Италия стала родиной для потомков Пушкина. Во Флоренции живёт прапраправнучка Пушкина Анна Георгиевна Воронцова-Вельяминова, гид-переводчик, староста Русской православной церкви во Флоренции. У неё есть дети – сын Стефан и дочь Екатерина, сыновья которой, Михаил и Пётр, родились в Италии. Пушкинский клуб связывает дружба с Анной Георгиевной. Она присутствовала на открытии памятника Пушкину (скульптор Ю. Г. Орехов) в Риме в 2000 году. Это был первый визит президента Путина в иностранное государство. **А**

Н. В. ШАРНИНА

Потомки Пушкина Михаил и Анна
Воронцовы-Вельяминовы

Елена ШЕФЕР

Родилась 8 июля 1946 года. В 1968 году окончила Свердловский педагогический институт, в 1982-м – аспирантуру. Более 40 лет преподавала в Свердловском педагогическом институте – доцент кафедры русской и зарубежной литературы. Ветеран труда. Отличник просвещения РФ. Автор десяти сборников стихов и прозы, более 40 научных публикаций. До тяжелой болезни принимала участие в работе Пушкинского клуба.

Жизнь – светлячок среди вечной тьмы

В одном из стихотворений Елены Фёдоровны Шефер есть строки:

*Стихи мои, вот вы бредёте
Средь пламенеющей листвы...
Кого вы, робкие, найдёте
И чьей души коснётся вы?*

Елена Фёдоровна по своей жизни не брела – шаг её был уверенным. Получив жизненную и учительскую закалку в далёком посёлке Гаринского района, куда «только самолётом можно долететь» или летом доплыть на теплоходе по Сосьве до Тавды (часов восемь в общей сложности, не считая поезда), Шефер много лет отдала Ишимскому педагогическому институту, работая преподавателем зарубежной литературы.

Именно здесь и зазвучал её поэтический голос, даруя людям чистоту восприятия мира:

*Над Богоявленским собором
(Взгляни, какая красота!),
Над белокаменным собором
Три золотых горят креста.
Как будто их ваяла осень...
Они, прозрачны и легки,
Взнесли в заоблачную просинь,
И я гляжу из-под руки...
(«Ишимская осень», 1989 г.)*

Первый сборник произведений Шефер «Воробышек на портфеле...» вышел в 2007 году в Екатеринбурге, когда она уже работала доцентом кафедры русской и зарубежной литературы УрГПУ. Елена Фёдоровна мастерски владеет словом, обладает литературным даром. Она – поэт, уральский писатель, автор сборника русских рассказов, афоризмов и стихов разных лет. Этюды в книге «Воробышек на портфеле» Елены Фёдоровны носят автобиографический характер: отдельные эпизоды из жизни девочки, девушки, женщины. В основе её жизненной позиции – любовь к природе, искусству, людям, особенно к детям, то есть главному, что ценно на нашей грешной земле.

Николай Рубцов писал, что «поэзия идет от души, а не от ума». Душа, сердце выбирают темы для стихов.

Именно душа и привела Елену Шефер однажды к Пушкину: не к тому ученическому или преподавательскому образу, а к человеку, с которым можно пусть мысленно, но поговорить... К которому можно прийти на набережную Мойки, 12... **А**

Т. М. ШОРОХОВА

НА МОЙКЕ, 12

На набережной Мойки снег идёт...
И всё бело вокруг, как и т о г д а,
Когда обеспокоенный народ
Печальною толпой спешил сюда...

Где в доме, что под номером двенадцать
Смертельно раненый наш Пушкин умирал...
С семьёй своей, с друзьями расставался,
Мучительную боль превозмогал...

Он стойко сорок шесть часов держался,
Борясь со смертью, ставшей к изголовью.
И с книгами своими он прощался,
Глядел на них с тоскою и любовью...

Тоска... Она была сильнее боли
И донимала, мучила поэта...
Он подавлял её усилием воли
И выглядел спокойным он при этом...

Вслух горевал, что Пушина нет рядом
(В последний раз увидеть бы, обнять!),
Что под его душевным, добрым взглядом
Гораздо легче было б умирать...

Мочёной он морошки попросил,
И с ложечки жена его кормила.
Но таяли остатки прежних сил...
И лишь сознание не уходило...

Просил Карамзину позвать скорее –
И тотчас же приехала она.
Над ним склонилась тихой доброй феей,
Благословила, горечи полна...

А на двери швейцарской бюллетень
Вывешивал Жуковский то и дело.
Толпа безмолвная вздыхала и глядела,
И таял на глазах последний день...

Последний день того, кто так был нужен
России, всем, кто почитал его...
Духовности и Правды наш мессия
Не избежал ухода своего...

Пригрезилось поэту: вместе с Далем
Над книгами своими он парил...
– Отходит! – тот воскликнул, опечален.
– Жизнь кончена! – поэт проговорил...

Последние слова... Нет больше сил,
И сердца пульс навек остановился...
Жуковский: «Пушкин умер!» – объявил
Толпе и, плача, удалился...

В квартире Пушкина стою,
Где всё мне важно, драгоценно.
И, заглушая боль свою,
Гляжу на книги и в портретах стены...

На неширокий кожаный диван,
Где сердце гения натруженно стучало...
А мыслей грустных тихий караван
Всё шёл и шёл, пока не полегло...

С диваном рядом – стол, тот самый стол,
Где Пушкин при свечах читал романы
И строки вдохновенные писал,
И строил свои творческие планы...

И арапчонок бодрый, как тогда,
Волшебные чернила охраняет.
Бегут, бегут проворные года,
А он стоит и позы не меняет...

И показалось: Пушкин лишь на миг
Куда-то вышел и сейчас вернётся.
Сюртук простой, высокий воротник,
Два ряда пуговиц блестят на солнце...

На набережной Мойки снег идёт...
И всё бело вокруг, как и т о г д а...
И благодарный Пушкину народ
Со всех концов Земли спешит сюда... **A**

Татьяна ШОРОХОВА

Родилась в семье участника Великой Отечественной войны, учителя начальных классов Михаила Петровича Агеева, любимыми поэтами которого были А. С. Пушкин и Н. А. Некрасов. Любовь к этим поэтам пронесла через всю жизнь и Татьяна Михайловна. Получила высшее филологическое образование.

Мой Пушкин,

ИЛИ «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?»

*Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный...*
А. С. Пушкин

Родилась я в далёкой уральской деревушке, где единственными вечерними развлечениями были книги и грампластинки, которые мой отец привозил в большом количестве, когда возвращался из командировок в районный или областной центры. И тогда мы все (впятером или шестером) садились и слушали песни, мюзиклы, стихи, сказки... Пушкинских было две: «Золотой петушок» и про Балду... Голос читавшего был изумителен, и я, подражая ему, повторяла: «Жил-был поп, толоконный лоб...» А глупого царя было не жаль, разве только его детей, которые погибли бесславно. Так эти сказки любимыми и остались. А потом пришли Финн и... Наина. Да, именно они очаровали меня историей своей любви и ненависти, и я вслед за старым волшебником повторяла: «О, витязь! То была Наина!..» И с замиранием сердца ждала появления колдуньи, которая для меня так и осталась холодной красавицей, а не дряхлой старухой... Долгое время я не задумывалась о своём имени, пока не узнала, что в Москве живёт двоюродная сестра по отцу, и тоже Таня.

Помню только спор отца с дядюшкой, который ворчал, что «негоже в семье двух Тань иметь».

– Я первый свою дочь Татьяной назвал, – сердился дядя Митя. – Твоя младше на два года!

– Ну и что? – отвечал отец. – Мне это имя тоже нравится. Вон у Таисьи (моей мамы) две сестры, и обе Анны. И ничего, живут.

Историю про двух Анн я знала хорошо. Случилась она ещё перед войной, когда мой дед, Иван Васильевич, отправился в сельсовет записывать народившуюся дочь и забыл, какое имя велела ему назвать бабушка.

– Нехай Анна будет, – заявил он председателю. Дома же только «отругивался» от наседавшей на него бабушки:

– А ничё! Старшую Нюркой звать будем, а эту Нюнькой!..

Историю спора двух братьев я узнала позднее, когда любопытства ради открыла папин блокнот и на первой же странице прочла:

*Я помню чудное мгновенье,
Стоял у старой липы я,
И метеоров зрел паденье,
И слушал трели соловья.*

Так в мою жизнь вошла ещё одна Татьяна, Татьяна Ларина, девочка, девушка в белом пла-

точке, с которой папа сидел за одной партой в Барятино. (Папина родина – Калужский район. На Урал он попал в середине войны, когда его в военном госпитале Свердловска комиссовали из армии по состоянию здоровья. А родина была ещё под немцем.) Что случилось с девушкой потом, папа не знал. Соседи говорили ему, что немцы угнали Таню Ларину в Германию.

С пушкинской Татьяной я познакомилась год спустя, и это было чудесно. Она, деревенская барышня начала девятнадцатого века, была мне близка и понятна. Настроением, гру-

стью, влюблённостью, она даже, как я, любила сидеть у окна!

«...Скажи: которая Татьяна?»
– Да та, которая, грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна...

Но вот быть полностью на неё похожей я не хотела. Сейчас осознаю почему – каждому уготована по жизни своя судьба... «Что в имени тебе моём?..»

Софьи Пушкины

Софьи, Софии Пушкины... Сколько же вас, мудрых красавиц, раскидано по земле нашей... И сколько же вас, с гордостью носивших или носящих эту великую фамилию – Пушкина? А возможно, и не Пушкина, а просто Софья. Имя, которое поэт ставил вровень с такими, как Ольга, Татьяна, Наталья (Наталия)...

Софье Фёдоровне Пушкиной (1806–1862) следует отвести особую роль в жизни поэта, потому что она оказалась первой женщиной, на которой Пушкин был полон решимости жениться. Хотя её часто называют дальней родственницей поэта, она скорее всего была его однофамилицей. Случилась эта встреча в Москве. В конце октября 1826 года Пушкин посватался к Софье, но получил отказ. Как память об их встрече осталось стихотворение:

*Она черкешенка собою,
Горит агат в её очах,
И кудри чёрные волною
На белых лоснятся плечах.*

Другая Софья Пушкина (Софья Александровна) приходилась великому поэту снохой и одновременно была племянницей второго мужа Натальи Николаевны Пушкиной-Гончаровой – Ланского. А. П. Ланская (старшая дочь Натальи Николаевны от второго брака) писа-

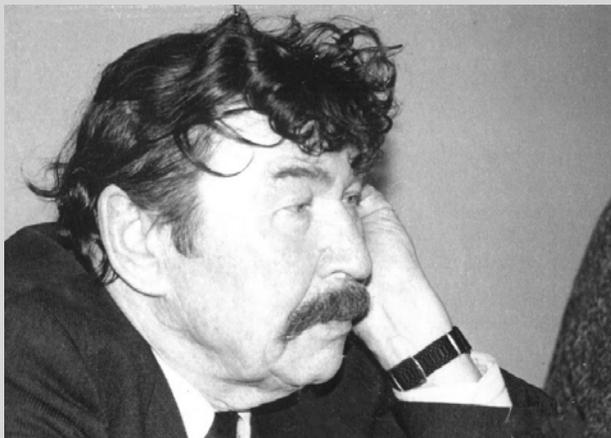
ла об этом: «...Соня была круглая сирота; мать знала ее с самого детства, изучила ее тихий, кроткий нрав, те сердечные задатки, из которых вырабатывается редкая жена и примерная мать <...> Одним словом, этот брак являлся для матери исполнением заветной мечты...» И действительно, Софья Пушкина-Ланская была на редкость добродетельным человеком, прекрасной женой для старшего сына поэта – Александра. В роду Пушкина была ещё одна Софья – графиня Софья Николаевна Меренберг, дочь Натальи Александровны, внучка Пушкина, которая вышла замуж (во второй раз, по первому браку она графиня де Торби) за внука Николая I, великого князя Михаила Михайловича.

У нас на Урале тоже есть своя Софья, Софья Александровна Пушкина, которая с гордостью носит эту великую фамилию, более того, она является членом Пушкинского клуба г. Екатеринбурга, одним из главных пропагандистов деятельности клуба.

А ещё Софья Александровна пишет стихи:

*Как жаль, что Пушкин в город наш
не заезжал,
Не ел у городничихи брусничного варенья
И барышням уральским не писал
В альбом свои бессмертные творенья...*

(Посвящено С. А. Левицкой-Дельвиц.)

Герман ЩЕКУТОВ

19.05.1930 (Верхняя Тура) –

19.11.2004 (Екатеринбург)

Окончил семь классов школы в Екатеринбурге. С 1947 года – расточник на Свердловском медико-инструментальном заводе. В последние годы жизни – преподаватель труда в школе № 41. Знаменитый в Советском Союзе коллекционер-пушкинист.

...Это у нас появился такой своеобразный «пушкиноман», как Герман Иванович Щекутов. Не литературовед, не коллекционер (по крайней мере, не решался называться таковым), а скромный «собиратель», он всю жизнь посвятил собиранию всего, что имело отношение к Пушкину, – от раритетных прижизненных изданий до кустарных гипсовых поделок, ковриков с изображением Лукоморья и даже разных мелочей, которые уважающий себя коллекционер счёл бы «мусором»: конфетных фантиков, спичечных этикеток и т. п. Многое ему доставалось даром, но если что-то надо было купить – он не колеблясь тратил скромную зарплату преподавателя техникума, а потом пенсию. Мне случилось побывать в его «двушке-хрущёвке» в спальном районе Екатеринбурга – вещественные свидетельства проникновения Пушкина в мельчайшие поры и капилляры народной жизни занимали там всё пространство от пола до потолка; между стеллажами, полками и стопками книг можно было разве что протиснуться бочком.

С годами даже фантики-этикетки становились раритетами; собрание Щекутова не только росло, но и приобретало всё большую ценность и, соответственно, известность. Герман Иванович охотно и бескорыстно устраивал пушкинские выставки (в клубах, школах), когда его о том просили. К нему стали приходить и приезжать учёные-пушкинисты. Но лишь однажды его многолетний собирательский труд увенчался настоящим триумфом: одним из главных событий 200-летнего пушкинского

юбилея в Екатеринбурге стала выставка в музее «Литературная жизнь Урала XX века», на которой была представлена часть его собрания, но довольно большая часть. Она заняла всё экспозиционное пространство музейного особняка (постоянной экспозиции там ещё не было) и была отменно посещаемой.

А когда Герман Иванович умер, для его беспримерной коллекции (теперь уж точно коллекцией она могла называться по праву) не нашлось в городе достойного помещения. Неприкаянная душа осталась без погребения... Печалюсь о Щекутове, печалюсь о нас. Говорят, она где-то хранится – значит, надежда остаётся.

Но от Пушкина, конечно, не убудет. Пушкин в Екатеринбурге – навсегда. **А**

В. П. ЛУКЬЯНИН

(Из статьи «Пушкин в Екатеринбурге»)

КОЛЛЕКЦИЯ ЩЕКУТОВА

Тринадцать лет с нами уже нет Германа Ивановича.

Пушкинский клуб Екатеринбурга не только обязательно отмечает круглые даты его жизни – он всегда присутствует с нами на заседаниях клуба, почётным членом которого останется навсегда.

Горожане приходят на пушкинские выставки в духовно-просветительском центре «Патриаршее подворье».

Раритеты коллекции: «Собрание образцовых русских сочинений и переводов» с публикацией стихотворений Пушкина-лицеиста; альманах Дельвига «Северные цветы» за 1827 год; «Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и рисунков», изданные П. В. Анненковым в 1855 году, первое юбилейное издание по настоянию вдовы поэта с предоставлением издателю многочисленных рукописей Пушкина; главы «Евгения Онегина», издаваемые отдельными книгами с 1825 года; иллюстрированный альбом к 100-летию Пушкина (1899 год); журнал «Современник», изданный по смерти поэта в пользу семейства (1837 год). Украшают выставку гипсовые, фарфоровые, бронзовые скульптуры малых форм, коллекции значков, марок, открыток, плакатов, портретов – шедевры народного творчества!

Особое место – посмертной маске А. С. Пушкина.

Высокую оценку просветительской деятельности Щекутова дали С. С. Гейченко, Д. С. Лихачёв, Г. Г. Пушкин (правнук поэта), А. А. Черкашин – составитель родословной Пушкина, сотрудники государственных пушкинских музеев, писатели-пушкиноведы.

Почему Пушкинская коллекция хранится и работает в Патриаршем подворье при Храме на Крови? Наверное, более эффективно развивалось бы уральское пушкиноведение в литературно-краеведческом музее А. С. Пушкина?

В Екатеринбурге десятки страстных пушкинистов, богатые частные коллекции. Городскому Пушкинскому клубу 28 лет. Его просветительская деятельность – пласт культуры Екатеринбурга. Видимо, свыше было начертано – быть щекутовской коллекции в Патриаршем подворье при Храме на Крови, на месте ипатьевского дома, где были расстреляны последний русский царь и вся его семья.

Николай II, августейшая семья увлекались поэзией Пушкина, и 100-летие поэта отмечалось на Руси по-царски широко и при непосредственном участии государя. К 400-летию дома Романовых издана книга Ларисы Черкашиной «Пушкин и Романовы. Великие династии в зеркале веков». Ветви древних родов Пушкиных и

Романовых переплелись самым невероятным образом в истории России.

К 200-летию Пушкина коллекция Щекутова была выставлена в музее писателей Урала в Литературном квартале и радовала горожан в продолжение трёх лет. В коллекции более трёх тысяч экспонатов. После ухода Германа Ивановича из жизни родственники пушкиниста предлагали приобрести всю коллекцию музеям, библиотекам. Не проявили интереса к этим сокровищам управления культуры и образования городской администрации, министерства культуры и образования областного правительства.

В 2004 году автор статьи была приглашена прапраправнучкой А. С. Пушкина Анной Георгиевной Воронцовой-Вельяминовой, старостой церкви, на празднование 100-летия русской православной церкви Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции. Вернувшись в Екатеринбург, я по просьбе Анны попала на приём к митрополиту Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию, передала информационные материалы о 100-летнем юбилее и осмелилась просить о помощи в устройстве щекутовской коллекции. После освящения подворья судьба коллекции была решена (хотя при длительном «хранении» в различных учреждениях коллекция изрядно пострадала). Неоценимо влияние пушкинского слова на возрождение духовности и нравственности многострадального народа.

Последний русский царь был поклонником Пушкина. Ещё цесаревичем, в 1889 году, Николай выступает в роли Евгения Онегина в домашнем спектакле, организованном великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, сестрой будущей императрицы.

В 1896 году царская чета путешествует по Германии. Николай записывает в дневник: «Отправились в театр – шла чудная "Пиковая дама" (4 января). Поехали в дивный "Евгений Онегин"... Ничего не знаю лучше этой музыки. Отправились ещё раз послушать оперу Направника "Дубровский". Красивая вещь!»

В мае 1899 года подписан Высочайший указ об учреждении «Особого фонда имени Пушкина». Царскосельский памятник Пушкину Роберта Баха был открыт в декабре 1900 года.

В Лицейском саду на месте будущего памятника заложили медную плиту с надписью: «В лето 1899 мая 26 дня, в благополучное царствование Государя Императора Николая II». В 100-летнюю годовщину Царскосельского лицея Николай Александрович пригласил на праздничный обед всех выпускников лицея и всем вручил билеты на оперу «Евгений Онегин» в Мариинский театр.

К 100-летию юбилею национального гения его сочинения были изданы миллионными тиражами и дошли до российской деревни. Возможно, на этих книгах и вырос Герман Иванович Щекутов. **А**

Н. В. ШАРНИНА

И. М. ЩЕННИКОВА

Окончила филологический факультет УрГУ. Преподаватель литературы в школе. Имеет квалификацию преподавателя-методиста. Активная участница Пушкинского клуба в течение 30 лет.

«Очарованная душа»

В течение многих лет 6 июня приходила к памятнику Пушкину, приносила ему «в дар две розы». Здесь, у памятника, мы встречались с Верой Александровной Салитан и отправлялись к ней, потому что Верочка родилась в один день с Пушкиным – 6 июня. Мы познакомились с ней в 1950 году, когда стали студентками филфака УрГУ им. Горького.

У нас был замечательный, необыкновенный, дружный курс, когда все были медалистами, учились очень хорошо, увлечённо. Многие интересовались искусством и как-то проявляли себя в творчестве: писали стихи, играли на музыкальных инструментах, ходили в кружки, в студенческий хор. Верочка играла на виолончели и выступала на наших курсовых вечерах. После университета сдружил нас Пушкин. Когда был создан пушкинский клуб,

Вера позвонила мне и предложила стать его членом. Мы стали встречаться часто, перезваниваться – и сдружились. У Романа Роллана есть роман «Очарованная душа». Именно так – «очарованная душа» – я бы назвала Верочку. Она страстно любила искусство во всех его проявлениях: поэзию, музыку, живопись, театр. Это был огромный мир её души, и она неустанно стремилась его заполнять.

В течение многих лет она была руководителем пушкинского клуба и делала это талантливо, с большой самоотдачей: приглашала интересных лекторов, свердловских поэтов, университетских преподавателей-филологов, устраивала посещения музеев, театров, несколько раз выступал блистательный Виктор Сергеевич Рутминский, в Доме актёра мы встречались с Фазилом Искандером, посещали

интересные лекции Павермана по искусству, выставки в Доме губернатора.

Вера Александровна всегда была в курсе культурных событий в городе, она знала, где проходит новая выставка картин, а где состоится интересная встреча, концерт. Ей хотелось не только самой посетить всё это, но и приобщить своих друзей. Она звала в музей, галерею, библиотеку, на спектакль. По условиям работы я не всегда могла пойти, но всё-таки благодаря ей и вместе с ней я посетила выставку Рериха в картинной галерее, выставку картин из Русского музея, симфонический концерт в Литературном квартале, выставку-презентацию Музея архитектуры, спектакли в Оперном и Камерном театрах и многое другое. Обычно после этих посещений мы обсуждали увиденное и услышанное; Верочка говорила взволнованно, возвышенно; ей всегда хотелось поделиться своими эстетическими переживаниями с другими, передать свою радость, восторг от узнавания прекрасного.

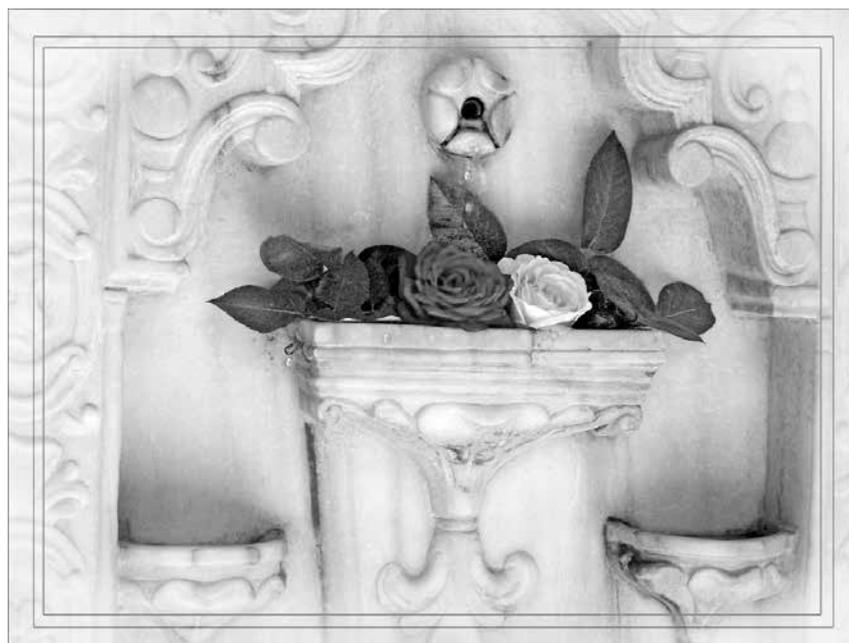
Она организовала небольшой кружок друзей, интересующихся искусством; мы собирались у кого-нибудь на дому, выступали с сообщениями о писателях, музыкантах, композиторах. Я дважды побывала на этих вечерах: на одном Верочка рассказывала о художнике Семирадском, на другом она попросила меня прочитать доклад о Пушкине и Мицкевиче.

*В мастерской скульптора Г. А. Геворкяна.
На фото (слева направо): И. М. Щенникова,
В. А. Салитан, Г. А. Геворкян, З. П. Кизер,
Н. В. Шарнина, Н. Г. Рослова, Ю. Д. Охалкин*

И всегда, когда могла, Верочка стремилась подарить друзьям радостную встречу с искусством. У нас была удивительная подруга Вика, которую постигла большая беда: из-за диабета ей ампутировали обе ноги, в течение последующих лет она не выходила на улицу, передвигалась по квартире в коляске. Мы с Верочкой навещали Вику, старались как-то помочь. Верочке пришла мысль устроить для Вики поэтический праздник, пригласить Рутминского. Она сделала это. Мы собрали друзей Вики – и университетских, человек десять, и Рутминский пришёл и свободно, великолепно прочитал лекцию о Р. Киплинге. В благодарность мы устроили вкусный ужин. Это был чудный, незабываемый вечер, праздник для Вики и всех нас.

У Верочки была такая живая, возвышенная, поэтическая душа, открытая, щедрая для людей, для всех, кто её знал. **A**

Денис ЮЖАКОВ

Денис Сергеевич Южаков родился в 1991 году. В 2014 году окончил департамент международных отношений Уральского федерального университета. Сейчас работает преподавателем английского и испанского языков. В свободное время много читает, путешествует, занимается спортом и пишет книги. В 2014 году вышла в свет его первая художественная книга «Берег».

Национальная идея на острие пушкинского пера

Со школьных лет каждый из нас наверняка помнит простые, но очень ёмкие слова: «Пушкин – солнце русской поэзии». Стойте... А что это вообще значит? Почему именно солнце? На небе полно звёзд – и среди них немало тех, что покрупнее и поярче, чем наше светило. Так, может, есть резон подобрать великому поэту и писателю что-нибудь более солидное? «Солидное»... Как много смысла мы вкладываем в это слово! Как много значения придаём солидным вещам! Между тем Пушкин никогда не был солидным – и даже не мечтал об этом. Он был простым, естественным и оригинальным. Он писал от сердца, любя и всей душой – писал смело и правдиво о том, что его искренне волновало, пусть это и не всегда встречало одобрение у окружающих и особенно власть имущих. Александр Сергеевич не просто творил – он жил сотворённым, размышлял о написанном, волновался, если что-то не получалось и слова не ложились на бумагу как нужно. А потом, всё-таки написав – сделал лучшее, на что был способен, – он с лёгким сердцем приступал к следующему произведению. Основная цель Пушкина из раза в раз оставалась прежней: новое творение должно быть лучше предыдущего. В солнечный день или в пасмурный, во время дружеской встречи или наедине с самим

собой, признаваясь в любви жене или стоя под дулом пистолета на дуэли, поэт никогда не забывал о своём предназначении... Светить... Разве возможно солнце без десятка его планет? Разве бывают свет и тепло не востребуемыми и бессмысленно распыляемыми в пустом пространстве? Александр Сергеевич светил для родных, друзей, коллег, единомышленников, незнакомцев, современников и потомков – всех, о ком он мог и одновременно не мог помыслить. И каким бы мы ни представляли себе этого человека по описаниям в учебниках литературы и не только, в одном я уверен наверняка: глубоко внутри он не имел цели стать классиком – он просто делал то, что должен был, и жил так, как получалось. Он следовал совету, данному ему однажды мудрой Ариной Родионовной: «Делай что делаешь, и будь что будет». Конечно, если бы не внезапная смерть, Пушкин мог бы написать ещё много важного и интересного, и тем не менее я убеждён: за свои тридцать семь он успел осуществить всё, что было им запланировано. С уходом Александра Сергеевича его солнце не погасло. Возможно, сам того не осознавая, писатель и поэт оставил после себя бесконечность – свет и сияние, которые не знают времени и никогда не перестанут направлять души по верному пути, пока живёт

на Земле род человеческий. Пушкин смотрит на читателя со страниц своих произведений, по-доброму и загадочно улыбаясь: он сделал для нас больше, чем мы способны оценить; он сказал больше, чем мы поняли... Так, может,

на центральных площадях российских городов должны стоять памятники именно Пушкину? Его жизнь, мысли, идеи и уроки – чем не новая (старая), давно искомая национальная идея для молодой России XXI века? **А**

Нина ЮРЧЕНКО

У каждого Пушкин свой

Александр Сергеевич Пушкин! Это имя приходит к нам в раннем детстве и сопровождает нас на протяжении всей жизни. Нет такого уголка в России, где бы не звучали стихи, сказки Пушкина.

Первые стихи, которые я помню из детства, – «У Лукоморья дуб зелёный», «Мороз и солнце». В шестом классе учительница литературы начала репетировать с нами «Сказку о рыбаке и рыбке». Мне досталась роль старухи, а мальчику, который был равнодушен ко мне, – роль старика. На словах «Что ты, баба, белены объелась?» мой партнёр замолчал. Ему начинали подсказывать, ругать, а тот стоял как вкопанный. Потом признался: «Не могу я девочке сказать "баба"». Таким было тогда воспитание. Принялась учительница объяснять, что из сказки А. Пушкина слов не выкинешь. Спектакль получился очень эмоциональный, а запомнился на всю жизнь.

В 1974 году произошло радостное событие – я оформила подписку на юбилейное академическое издание полного собрания со-

чинений А. Пушкина в десяти томах. Каждый том был событием: книгу читали вслух, бережно рассматривали, учили стихи. Первый том стоил всего один рубль пятнадцать копеек, а выглядел он как произведение искусства: кожаный переплёт, позолоченные буквы, цветные портреты.

Именно с этого издания более сорока лет назад началось моё настоящее увлечение Пушкинианой. Я стала серьёзно изучать всё, что связано с именем А. С. Пушкина. Постепенно накопился богатый материал: книги, альбомы, значки. Появилось желание передать своё увлечение, свои знания о великом поэте другим детям и взрослым.

Подготовка к 150-летию гибели А. С. Пушкина объединила пушкинистов Первоуральска. По инициативе Н. В. Шарниной был создан городской клуб «Лукоморье», затем – пушкинский музей, который находится в школе № 2. Его открытие стало важным событием в культурной жизни города. На презентации музея было много гостей из Екатеринбурга и области:

поэты В. В. Осипов, С. А. Надь, Н. В. Шарнина, З. В. Шепеткина, а также начальник управления культуры Д. Королёв, председатель М. Соколова. Сегодня музей – дом радости для детей и взрослых. Здесь нашли пристанище сотни экспонатов.

Пушкинисты проводят серьёзную поисковую, творческую работу. В 2009 году состоялся праздник улицы Пушкина, который стал доброй традицией и проходит ежегодно.

*Мы славим Пушкина-поэта
И помним улицу при этом.
А улица проста, скромна,
Но гордо носит имя Пушкина она.
Начало улица берёт,
Где школьный водится народ.*

В 2011 году издан альбом, посвящённый 20-летию клуба «Лукоморье». В 2012-м на го-

родской научно-практической конференции прозвучал доклад «Пушкин и Строгановы», в котором приведены яркие факты, подтверждающие связи Пушкина с Уралом. В 2013 году создан фильм «Духовной жаждой томим», в нём представлена работа Пушкинского клуба. В 2014-м выпущен журнал «Звёздочки Первоуральска», где был обобщён опыт работы клуба «Лукоморье». В 2015 году работа «Сказку эту теперь поведаю я свету» удостоена диплома I степени на Всероссийском конкурсе, посвящённом 185-летию поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Ежегодно проводятся дни памяти А. С. Пушкина, в которых принимают участие сотни детей. Проходят Пушкинские чтения, выставки творческих работ.

«Нам Пушкин жить и любить помогает», – говорят пушкинисты. **А**

НОВАЯ ДУША ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В судьбах интеллигенции нашего региона отразилась история российской интеллигенции, включающей в себя выходцев из различных общественных классов и сословий – студенческую молодёжь, работников умственного труда, служащих государственных учреждений.

Велика роль интеллигенции в становлении Мичуринска-наукограда (Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина о статусе наукограда от 4 ноября 2003 г. № 1306).

Хотя бытование термина «интеллигенция» связывается с именем плодовитого русского писателя конца XIX века П. Д. Боборыкина [8, с. 495], этимологически слово восходит к латинскому «разум», генетически и семантически родственно слову «интеллект», недаром великий знаток богатой русской лексики (и примерный интеллигент!) В. И. Даль поместил эти слова в одно гнездо [3, с. 46].

Об отдельных категориях людей умственного труда, главным образом по их профессиональной принадлежности, пишется немало, существуют специальные периодические издания. Однако понятия «интеллигенция», «интеллигентность» не исчерпываются принадлежностью к профессии, а окрашиваются качествами особо возвышенного порядка, независимо от рода занятий – взлётом духа.

«Я верю, что ничто не проходит бесследно, – говорил А. П. Чехов, – и что каждый малейший шаг имеет значение для настоящей и будущей жизни». И призывал: «...не уставайте делать добро». Соотнесём эти слова с книгой очерков «Остров Сахалин», написанной в результате его поездки в 1890 году, – и они, и всё творчество писателя, и вся его жизнь предстанут нераздельным подвижничеством (от слова «подвиг»).

И действительно, больной писатель поедет через всю Россию, вдоль и поперёк исходит остров, совершит перепись населения, содрогнётся от бесправия и невыносимых условий содержания больных, заключённых, каторжан – и беспощадная публицистика прозвучит для правительства предупреждающим набатным колоколом. Аналог «Острову Сахалину» трудно

найти в мировой литературе, разве вспомнится радищевское «Путешествие...»

Козлову-Мичуринску везло на просвещённых людей, оставивших заметный след в его истории. Царские воеводы со строителями только начинали возводить крепость на холме на правом берегу реки Лесной Воронеж, а монах Троицкого монастыря Иосиф уже записывал знаменательное событие в Летопись, которая станет замечательным памятником рукописного наследия России XVII века, взятым на учёт Академией наук и описанным доцентом МГПИ А. П. Словягиным в 1972 году... При открытии Г. Р. Державиным народного училища в Тамбове козловский однодворец Пётр Захарьин произнёс такую содержательную проникновенную речь, слух о которой дошёл до императрицы, и она назвала её автора «козловским Цицероном». В 1768 году Россия узнает ещё одного оратора, козловского дворянина Григория Коробьина, дважды, 19 и 28 мая, выступившего на пленарных заседаниях Комиссии по составлению Нового уложения в защиту крестьян, требуя освободить их с земельными наделами, – и это почти за сто лет до отмены крепостного права [7, с. 25–45]. Профессор Г. П. Макогоненко назвал эти речи Коробьина примером образцовой публицистики и ораторского искусства XVIII века [6, с. 202].

Лишь упомяну о предках [2] и потомках А. С. Пушкина в Козлове, их «благотворном влиянии на нравственный климат города». В мае 1880 года сын великого поэта, герой Шипки генерал А. А. Пушкин, с сестрой Марией Гартунг из Козлова приехали в Москву на открытие памятника отцу. Открытие с 26 мая из-за смерти императрицы Марии Александровны (жены Александра II) было перенесено на 6 июня... А 8 июня на заседании Общества любителей российской словесности в зале Благородного собрания Ф. М. Достоевский произнёс свою знаменитую речь, которая представляется диалогом двух эпох, двух гениев и выражает суть интеллигентности.

«Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека» [4, с. 261]. Как он умел

перевоплощаться в чужую национальность! Эта отзывчивость – явление пророческое... «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. ...Россия призвана изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!.. Пусть наша земля нища, но эту землю "в рабском виде исходил, благословляя, Христос". Почему же нам не вместить последнего слова Его? Да и сам он не в яслях ли родился?» [4, с. 264–265].

Патетический финал речи был столь же пророческим: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [4, с. 265].

Эта тайна Пушкина, тайна русской интеллигенции, разгадывается до сих пор мыслящей Россией, и хочется думать, что публикация в журнале «Александръ» также послужит шагом на пути к такой разгадке. В Пушкинской же речи мы видим ключ к пониманию творчества и великого поэта, и самого Достоевского, и качеств русской интеллигенции в целом.

После первой русской революции семь статей русских философов о судьбах интеллигенции («Вехи»), будто семь нот, составили проникновенную ораторию, услышанную всей мыслящей Россией, а сами философы уподобились библейскому пророку Иеремии, плакавшему о прегрешениях людей, и доньине семицветной космической радугой «Вехи» соединяют русскую интеллигенцию, разбросанную по всему миру [1, с. 3–206].

В статьях И. А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)» и других не только сурово и беспощадно поставлен диагноз болезни сословия, претендовавшего на роль революционного просветителя народа, его вождя, «болезни безверия и забвения истины», но и выражен твёрдый оптимизм, что «интеллигенция обретет собственные пути».

«Русская интеллигенция, при всех недочетах и противоречиях ее традиционного

умонастроения, обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь... Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми» [1, с. 198–199].

Мне далеко не безразлична ссылка философа С. Л. Франка в статье «Этика нигилизма» на высказывание писателя А. И. Эртеля об интеллигенции [1, с. 195]. И здесь сделаю необходимое принципиальное для меня отступление. Напомню, в начале XX века писатель служил управляющим у помещика Хлудова в соседнем селе Александровка под Моршанском. Помню, в ясные солнечные дни из высоких окон нашей Веселовской школы была хорошо видна аллея могучих вётел, по преданию, посаженных А. И. Эртелем; она манила напоминанием о легендарной судьбе, которую так хотелось разгадать. Узнал, что помнил то время старожил Никанор Павлович Конюшихин, сгорбленный, скособоченный, с повисшей плетью рукой, контуженный ещё в Гражданскую войну, говорил односложно, да и то с трудом. В первые же каникулы по поступлении в институт я был полон решимости расспросить деда – а он приходился мне родственником, был тестем моего старшего брата Михаила, – но встретил его каким-то поникшим и отчуждённым; оказалось, пришла «директива», с него сняли первую группу инвалидности, дали третью, и ту надо подтвердить комиссией, а ему до Моршанска не добраться, пытался, да разве одним днём управиться... Дед бросил затею, замкнулся, и на лице словно читалось: «Никому мы не нужны». Я начал вытягивать из деда, на каких фронтах воевал, где контузило. Оказывается – «под началом Клима Ворошилова», как он выражался. На вопрос, видел ли его, ответил:

– Как же, мы даже спасли его...

– Ну-ка, дорогой дед Никанор, вспоминай, говори, говори... Ты же герой...

Всю ночь колдовал я при керосинке, и к утру было готово на нескольких тетрадных листах нечто похожее на сказ о героической молодости и позабытой старости от лица самого Никанора, которого я попросил удостоверить

написанное подписью. Я ещё не обдумал, куда послать, в районную ли газету или в областную молодёжную «Комсомольское знамя», где я печатался; а в Рязске на пересадке по пути в Мичуринск решительно начертал на конверте: «Москва, Председателю Президиума Верховного Совета СССР» – и поспешил опустить в почтовый ящик... А там захватили студенческие будни, доклады, драмкружок, и письмо забылось. И только в следующий приезд не узнал деда Никанора – он был более оживлён и приветлив, откуда-то из-за образа Николая Угодника достал свёрток и подает:

– Это тебе...

– Да что такое?

– Бери, бери, заработал... это моя первая пенсия...

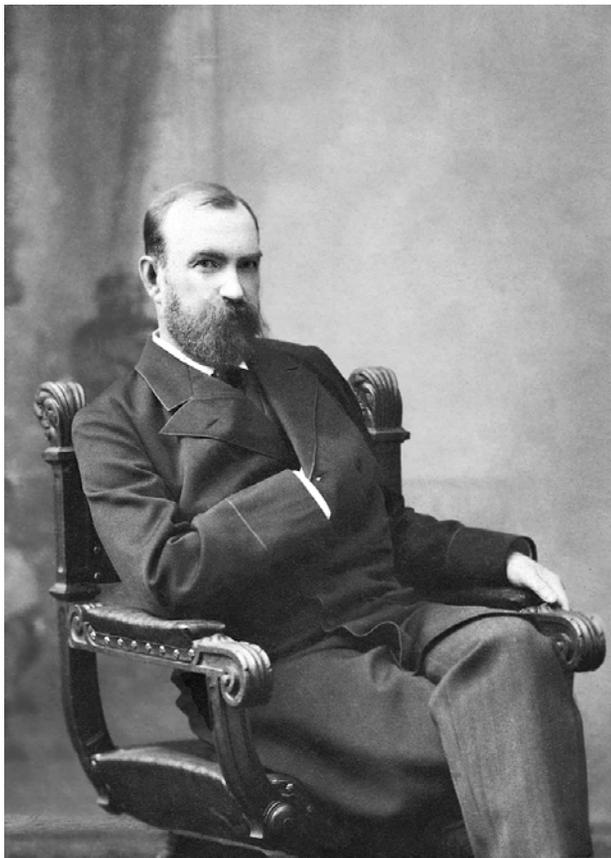
Оказалось, из той приёмной стоило по телефону сказать лишь три слова: «Принять меры, доложить...» И машина «скорой помощи» с сиреной ворвалась через плотину в деревню Любвино, консилиум врачей в белых халатах заполнил вросшую в землю избу деда Никанора, поспешно слушали биение его сердца, мерили давление, кажется, для формы брали кровь и заставили раздеться, тут он едва не запротестовал, т.к. окна облепили набежавшие соседи... Заполнили многочисленные бумаги и тут же записали в удостоверение: «инвалид первой группы пожизненно». Напрасно бабка Василиса хлопотала у печки – на приглашение отобедать отказались, спешили вернуться и доложить «по инстанции». Внуки надоедливо наперебой декламировали деду:

Климу Ворошилову письмо я написал:

– Товарищ Ворошилов, народный комиссар...

А мне подумалось: вот над этим и бьётся ныне наш президент, чтобы внедрить электронное правительство, истребить очереди, волокиту, бюрократизм, мздоимство, вот была бы интеллигентность чиновничьего аппарата... Но с грустью вспомнил, что с переходом на компьютер очереди не уменьшились, чиновникам это, кажется, на руку.

Но, как говорили древние, вернёмся на предыдущее...

Александр Иванович Эртель (1855–1908)

Очередь дошла и до Эртеля.

– Видел ли Эртеля?

– Доводилось. Объезжал села на паре рысаков в карете с женой, она лечила больных, он помогал неимущим, детям давали сладости. Меня таблицу умножения спрашивал, да я смыслённый был... По голове погладил.

Тут же интуитивно я прикоснулся к деду и будто ощутил незримую ауру классика XIX века.

Учитель Владимир Михайлович Рябчиков собрал воспоминания других сельчан и опубликовал очерк в районной газете.

Вот она, живая нить традиции, благодарная людская память хранит благие дела интеллигента, ибо общественное поведение определялось, по его же словам, «философски религиозным пониманием своего назначения» [1, с. 195]. Поистине прав А. П. Чехов: «Не уставайте делать добро».

Ещё свежи впечатления от баталий и бурь рубежа тысячелетий, когда никто никого не

слушал и все стремились перекричать друг друга, вспомним, как захлопывали выступление академика Сахарова на сессии Верховного Совета СССР; представители чиновничьей части интеллигенции были озабочены не производством благ, а их перераспределением, не гнушались никакими средствами в стремлении урвать кусок поболее и пожирнее в мутной воде беззакония. Ныне законность утвердилась, страсти заметно поуменьшились, осуществляется право высказывать свои убеждения, но по-прежнему мало кто кого слушает. Ещё находит своих адресатов фамусовское «шумим, братцы, шумим...»

Но высказывания нередко замешаны на старых идейных традициях атеизма, разрыва сознания и воли, слова и дела. Уместно вспомнить слова Ф. Ницше, цитируемые С. Л. Франком: «...не вокруг творцов нового мира, вокруг творцов новых ценностей вращается мир» [1, с. 198].

Творцы нового шума уйдут из сознания и памяти, а вот о творцах новых ценностей, несмотря на многолетние умалчивания, заговорят с энтузиазмом, перед которым рухнут плотины цензуры, и ощутимо проявятся признаки обновления жизни благодаря обретению нравственных эталонов.

Сейчас можно объяснить, почему на творчество Ф. М. Достоевского в своё время было наложено табу. А тогда полуопальный библиограф его Белов, помню, не без риска говорил: чтобы понять гения, надо верить, во что и он верил...

При встрече с классиком русской литературы XX века Л. Леоновым в начале 70-х годов нас поражали смелость формулировок его рассуждений о крамольных, по тогдашним понятиям, вещах: о живучести христианской церкви, вполне возможном скором её оживлении в России – и слушателям казалось это писательской фантазией, далёкой от насущных вопросов, такой же, как и его герой Дымков из романа «Пирамида», над которым работал тогда писатель. Но вот уже и Оптину, и Курскую Коренную пустынь передают верующим, и храмы начинают восстанавливаться, хоры запели, колокольные звоны оживили округу...

И вспоминаются прозорливые признания классика-интеллекта, раздумывавшего о вечном и приближавшем его. По-новому прочитан и роман его...

Очернители истории прошлого муссируют провокационный тезис «полстраны сидело, полстраны охраняло сидельцев». Историкам не пристало впадать в истерику [5, с. 10]. Мне приходилось писать о бывшем разведчике, майоре Б. А. Быстрове, записывать его воспоминания, устраивать с ним беседы... Он был ректором Плодоовощного (ныне МичГАУ), а потом педагогического института. О его участии в Берлинской операции не однажды сообщалось, а вот одному факту не очень придавалось значение. Он рассказывал, что ему пришлось допрашивать «очень крупную птицу» в учёном мире, русского беженца... Когда я прочитал роман «Зубр», сопоставил с рассказом Быстрова, у меня не было сомнений, что «птицей» этой и был «зубр» Н. В. Тимофеев-Ресовский, а русским офицером – Быстров, о чём написал и опубликовал. А недавно большой знаток литературы, мичуринец-садовод, интеллигент Г. Я. Щербенёв ознакомил меня с двумя фолиантами воспоминаний об учёном и его биографии, где приводятся документы, как Б. А. Быстров, вместо ареста и высылки в Россию, заботился об учёном, о коллективе института мозга, поставил их на довольствие.

Может, этот факт послужил причиной его скорой и неожиданной демобилизации, а то, что он проявил высокий дух и подвиг интеллигента, – несомненно.

В эпоху тоталитаризма интеллигенция исполняла просветительские и даже социальные и политические функции при проведении множества различных мероприятий, к её представителям относились недоверчиво, подозрительно, при приёме в партию чинили препоны, старались поссорить между собой писателей, художников, композиторов, не допускали разномыслия, учили, как и о чём писать, архитекторов и художников – как ваять и рисовать.

Но и в этих условиях лучшие представители, кого мы называем интеллигентами, отличались высотой нравственного духа. Значит, интеллигентность – это не качество характера, а суть нравственного гуманистического начала.

Пришло время, о котором Николай Бердяев, закончивший первую статью сборника «Вехи», оптимистично мечтал: «Тогда народится новая душа интеллигенции» [1, с. 30].

Вернуть истинное значение понятия «интеллигенция», показать суть её жизненного предназначения и роли в обществе на её примере в нашем регионе – задача столь же трудная, сколь благородная и необходимая. **▲**

Василий ПОПКОВ,
кандидат филологических наук,
доцент, почётный профессор ГОУ
ВПО «Мичуринский государственный
педагогический институт», член
Союза российских писателей, Союза
журналистов России

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вехи: сб. ст. о русск. интеллигенции / сост. и подг. текста А. А. Яковлева; журнал «Вопросы философии». Институт философии АН СССР, Философское общество СССР. – М., 1991.
2. Гордеев Н. Тамбовская тропинка к Пушкину / Н. Гордеев, В. Пешков. – Изд. 3-е. – Тамбов, 1999.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – М., 1979.
4. Достоевский Ф. М. Пушкин: Очерк. (Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности) / Ф. М. Достоевский // А. С. Пушкин, Собр. соч.: в 10 т. Т. X. – М., 1981.
5. Лютый В. Модернизация и хунвейбины / В. Лютый // Литературная газета. – 2010. – № 44 (3–9 ноября).
6. Макогоненко Г. П. Народная публицистика XVIII века / Г. П. Макогоненко // Русская проза XVIII века. – М.; Л., 1950. – Т. 1.
7. Попков В. И. Предтеча Радищева и Пугачева. Григорий Коробьин – оппонент Екатерины И. – Козлов-Мичуринск / В. И. Попков // Выдающиеся люди нашего времени: материалы 2-й городской науч.-практ. конф. краеведов / сост.: В. И. Попков, Н. М. Сухоруков; науч. ред. В. И. Попков. – Мичуринск, 1991.
8. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – М., 1982.

Пушкин: *страсти по Фортуне*

В наше время страсть Пушкина к карточной игре уже не является тайной. Подтверждением тому служат и слова современников о жизни Александра Сергеевича, и творчество самого поэта, украшенное игровыми терминами и содержащее целые произведения, где события развиваются вокруг карточных партий. Но было ли увлечение поэта чем-то необычным, из ряда вон выходящим или Пушкин, с его страстью, любопытным образом сумел отразить недостаточно изученную грань русской дворянской жизни первой половины XIX века? Чем же являлась карточная игра для просвещённого русского общества, какие делались ставки, что ставилось на кон и каково было отношение монаршей власти к распространению этого азартного увлечения?

Проникновение карточных игр в Россию обычно относят к первой половине XVII века.

На заре романовской эпохи игральные карты воспринимались властными структурами как атрибут иноземной жизни, проникавший как с польской стороны, так и с иностранными кораблями, швартовавшимися в северных поморских селениях. Царь Алексей Михайлович, коему игральные карты приобретались ещё в детстве «забавы ради», занятием этим, однако, не проникся (в то время у царского двора шла мода на шахматы). А взойдя на престол, в полной мере проявил своё негативное отношение к карточным играм, как и к любым другим состязаниям, сопряжённым с азартом, к каковым тогда справедливо были отнесены игра в кости, зернь, яичный бой. Карточная игра объявлялась непристойным занятием и запрещалась. Соборное уложение 1649 года предписывало игрокам «бить кнутом по торгам нещадно, да на них же править заповеди». Сами же карты

надлежало сжигать на торговых площадях. Однако запретительные меры не смогли погасить пагубного, с точки зрения власти, увлечения служилых людей, особенно в сибирских землях, где оторванность от дома и от семей, доступ к ценной пушнине приводили к игре с особым азартом, вплоть до проигрыша «денежного и хлебного жалования, пищалей и своего платья». В то же время среди царского окружения, бояр карточная игра популярностью вовсе не пользовалась вплоть до петровского времени.

По свидетельствам современников, сам Пётр карт не любил, но окружение императора с удовольствием перенимало у Европы и традиции карточной игры. Среди заядлых игроков отмечены и близкие Петру деятели – Меншиков, Ягужинский и другие. Появившийся у высшего света интерес к игре быстро развился до уровня повальной моды, что закономерно, учитывая аналогичное положение дел у французской знати, пленившей ум российского двора. Не случайно старая графиня в «Пиковой даме» получает заветную тайну от легендарного французского графа-окультиста Сен-Жермена. На целый век императорский двор без оглядки погрузился в пучину карточной игры. Пётр II обручился с княжной Долгорукой среди ломберных столов. Анна Иоанновна принимала решения по делам государственной важности на придворных карточных собраниях. Бирон, по свидетельствам современников, не мог проводить время иначе, как играя в карты. В его игре ставки порой повышались до космических для того времени 20 000 рублей (для примера 1 грамм золота = 65 коп.), что ставило его оппонентов перед непростым выбором: проиграть и разориться либо выиграть и впасть в немилость фаворита императрицы. Двор Елизаветы Петровны, по словам В. О. Ключевского, напоминал «не то маскарад с переодеванием, не то игорный дом», азартная игра шла с утра до вечера на большие куши при деятельном участии самой императрицы. Пётр III вместо игровых очков использовал золотые червонцы. Екатерина Великая играла с поистине царским размахом – на бриллианты. За карточным столом императрицы расставлялись шкатулки с «камушками» для каждого

игрока, зачастую Её Величество проигрывала целые состояния с целью оказать милость победителю и продемонстрировать своё финансовое могущество. В её правление мода на карты из высшего света планомерно распространилась сначала на губернское дворянство, а затем и на поместное. Державин поведал историю о том, как будущий видный государственный деятель и реформатор словесности, а на тот момент – выходец из мелкопоместной семьи и начинающий поэт, в полной мере прочувствовал губительную страсть игры: полученные от матери средства для существования (которых бы хватило для покупки небольшой деревни) были моментально проиграны, а желание отыграться привело к «отчаянному, почти безвыходному положению», когда поэт, «запершись дома, ел хлеб с водой и марал стихи». Три года Державин «слонялся» по московским карточным притонам, пока, почувствовав отвращение к подобной жизни, не «бросился опростетью в сани и поскакал без оглядки в Петербург». Именно в XVIII веке игра в карты стала своего рода «моделью жизни» дворянского общества и способом воплощения их рыцарских идеалов.

Несмотря на столь высокую роль карточной игры в жизни русского высшего света, в нормативном регулировании власть проводила пресекающую политику по отношению к игре, что неизбежно порождало предвзятое отношение к такому запрету: он рос так же стремительно, как и ставки в игре, и мода на карты в целом.

В петровскую пору явных указов о запрете карточной игры не встретить, разве что указ Петра Алексеевича 1717 года, запрещающий игру среди военных и моряков, поскольку нередко игра вела к проигрышу амуниции и орудий. Но уже при Анне Иоанновне в перерывах между карточными партиями издавались указы, объявлявшие запрет на «богомерзкую» игру под страхом троекратного штрафа от суммы находившихся в игре денег (треть из которого причиталась доносителю), заключения в тюрьму и «бития батогами». Елизавета Петровна попыталась усмирить карточные страсти указом 1761 года, поделившим карточные игры на два типа, к первому были отнесены азартные

игры фара, квинтич и другие, где выигрыш зависел исключительно от случая. Ко второму типу причислялись все коммерческие игры, в которых победа определялась не только везением, но и умением игрока, – ломбер, вист, преферанс. Первые запрещались повсеместно с небольшой оговоркой «кроме апартаментов её Величества», вторые же дозволялись в дворянских домах на малые суммы «не для выигрышу, но единственно для препровождения времени». Наказанием за ослушание служил штраф в размере двух годовых жалований игроков и организаторов игры – владельцев помещений, в которых шла карточная баталия. При правлении Елизаветы игроки, наряду с драгоценностями и облигациями, стали использовать такой правовой инструмент, как векселя – долговые ценные бумаги, служившие им ставкой в игре при отсутствии наличных средств.

Политика преследования карточной игры продолжилась и при Екатерине Великой: теперь она коснулась и гражданско-правовой сферы – карточные долги объявлялись вне закона, и взыскать их правовыми методами стало невозможно. Отсюда и повелось понимание карточного долга как долга чести, поскольку так называемая игра «на мелок» (в которой ставка состояла только из цифр, записанных мелом на карточном столе) подкреплялась только порядочностью самого игрока. Неуплата же подобного долга грозила изоляцией со стороны всего общества, что воспринималось гораздо тяжелее, чем многие другие официальные наказания.

Всё это время двор, играючи в карты и ведя борьбу с ними же, предпринимал попытки найти экономическую выгоду от привилегированного досуга: штрафы с игры распределялись между госпиталями и полицией, Сенатским указом от 1766 года иностранные карты предписывалось «клеймить», т. е. облагать пошлиной с каждой ввозимой колоды, а отечественным мануфактурам разрешался их выпуск при условии полного содержания воспитательных домов. Символом этой политики явилось клеймо для карт с изображением пеликана (символ доброты, согласно иконографии), кормящего

птенцов своей плотью, и надписью «себя не жалея питает птенцов».

С наступлением XIX века карточная игра уходит из императорского дома, но традиция игры, как и влечение к ней, достигают своего расцвета в русском обществе, выходят за рамки каких-либо сословий и приобретают фактически оккультный смысл. П. А. Вяземский писал, что «карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека». А после ночи подобной бравады использованные карты собирали лопатами и увозили целыми телегами. Попытки осмыслить роль игры предпринимали философы, социологи и писатели, появляется такой термин, как «картомания». С помощью игры демонстрировался высокий социальный статус, причастность к европеизированной светской культуре, пренебрежительное отношение к богатству, в противовес буржуазным принципам накопительства и практицизма. Игра стала восприниматься одним из проявлений «дворянской вольности» против рутинности и жестокости реальной жизни.

Политика запрета игры теперь больше создаёт почву для демонстративного неподчинения власти. Александр I считал, что на данном занятии лежит печать вольнодумства. Не последнюю роль в этом сыграло двойственное отношение к игре предыдущих правителей – традиция соблюдать данный запрет у высшего света отсутствовала. Показателен пример, как, несмотря ни на какие государственные запреты, князь А. Н. Голицын умудрился проиграть графу Разумовскому свою жену, Марию Григорьевну, что привело к «дикому» для тех времён разводу и новой свадьбе, встреченной высшим обществом крайне негативно. П. А. Вяземский описал, как пришлось спасать положение новой семейной пары противнику карт императору: во время бала он пригласил новоиспечённую Марию Разумовскую и публично назвал её графиней. Всё это служит подтверждением тому, что ни указы Александра I «об истреблении непозволительных карточных игр» 1801 года, ни стремление Николая I бороться «с пагубной страстью к запрещенной игре» (указ от 1832 года) не смогли повлиять на российское

общество, в котором даже Фортуна могла хоть что-то поменять только в карточной игре.

*Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры –
Задумчивый, всю ночь, до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ль выпадет валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкомет.
А я [нахмурен] бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Гнул угол третьего туза.*

Именно к такой игре пришёл Пушкин, с его пламенным нравом и тягой к великим ощущениям, и она захватила его с головой. Александр Сергеевич сам признавал, что страсть к игре – одна из самых сильных страстей, однако эта страсть стала для поэта пагубной. Больше всего Пушкина пленяла азартная игра: фараон, штос, – где роль случая возводилась до апогея. Суть игры сводилась к простым правилам: банкомёт (ведущий игрок) кидал перетасованные карты направо и налево. Если карта, на которую сделана ставка, выпадала направо, он забирал выигрыш. Если налево – ставка доставалась противнику – понтёру. Игроки собирались у карточного (ломберного) стола, покрытого зелёным сукном. Этикет игры (как и борьба с шулерством) предусматривал, что каждому игроку выдавалась своя запечатанная колода карт. Внимание в этом ритуале уделялось каждой детали, даже такой, как способ вскрытия колоды. Хорошим тоном считалось, когда игрок распечатывал колоду одной рукой, сдавливая пачку, отчего заклепка на ней с треском лопалась, а сама колода «переливались» в свободную руку. Далее объявлялась первоначальная ставка (семпль), которую записывали мелом прямо на зелёном сукне стола. Понтёры выбирали свои карты и клали их лицом вниз (чтобы банкомёт не впадал в искушение поменять одну карту на другую). Банкомёт раскладывал свою колоду по одной

карте поочередно, сначала на правую сторону (лоб), затем на левую (соник), до тех пор пока не выпадет карта, загаданная понтёром, вне зависимости от её масти. Выигрыш равнялся сумме ставки понтёра и банкомёта, т. е. при победе ставки в 100 рублей полагалось 100 рублей «чистого» выигрыша. Партия продолжалась на другие загаданные карты, пока колода (или, как её называли, «талья», «пулька») не кончится или понтёры не откажутся играть. У понтёров были свои стратегии – одни любили придерживаться первоначальной ставки (играли мирандолом), другие любили ставку повышать: в два раза (пароли), что обозначалось сгибанием угла карты, в четыре раза (пароли-пе), в пятнадцать раз (кензельви), в 21 раз (септильви) и далее. Ставка на одну и ту же карту подряд называлась «руте», а ситуация, когда на обе стороны выпадали одинаковые по значимости карты, – «плие». В подобной ситуации победителем считался банкомёт (в этом-то правиле и заключается математическое преимущество банкомёта). Отказ от продолжения игры именовался «атанде». При большом накале игры, когда азарт полностью овладевал умами игроков, говорить о чём-либо другом, кроме карт, считалось не принятым (в отличие от игр коммерческих, которые большей своей частью игрались с целью общения). Использованные колоды сбрасывали прямо под стол и распечатывали новые для начала следующей партии. Иногда вместе с картами под стол роняли и деньги, но поднимать их считалось дурным тоном (сохранился анекдот о том, как Афанасий Фет во время карточной игры нагнулся, чтобы поднять упавшую ассигнацию, а Лев Толстой, его приятель, запалив у свечи сотенную бумажку, осветил ему, чтобы «облегчить поиски»). Таковы были порядки, при которых Александр Сергеевич проводил свои свидания с Фортуной.

Современники отмечали, что уже в лицее Пушкина замечали за игрой в карты. После окончания лицея Тургенев писал Вяземскому, что Пушкин по вечерам играет в банк. Зная о страстях Александра, Батюшков писал Тургеневу, что не худо бы поэта «запереть в Геттинген и кормить года три молочным су-

пом и логикой...». Меж тем молодой поэт стал частым и желанным гостем петербургского особняка Всеволожских на Екатерингофском проспекте. Сам Пушкин писал Павлу Мансурову в Новгород: «Всеволожский Н. играет; мел столбом! деньги сыплются!» И вскоре Фортуна с помощью того же Всеволожского сыграет с Александром первую злую шутку. Рукопись создаваемого ещё со времён лица сборника стихов, полностью приготовленного к печати, с уже объявленной издателями подпиской, в разгоревшейся игре оценивается распалённым азартом поэтом в 1000 рублей и кладётся на зелёное сукно, мечется банк... и ставка достаётся Всеволожскому...

В это же время обстоятельства принуждают поэта уехать на юг России, и рукопись остаётся за Всеволожским на долгие пять лет. Всё это время Пушкин через письма и своего брата предпринимает попытки вернуть сборник. Один из основателей литературного общества «Зелёная лампа», куда вместе с Пушкиным входили С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, Никита Всеволодович Всеволожский тепло относился к Пушкину и готов был вернуть рукопись бесплатно. Но Пушкин сам обращается к товарищу с письмом. «Всеволожский, милый... Продай мне назад мою рукопись, – за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь, даром же взять не захочу)». Поэт сакрально относился к долгу чести. Он отказывался принять рукопись даром или за полцены. Получив собрание, Пушкин, словно боясь упустить своё счастье, стремительно его дорабатывает и отдаёт в печать. «Я выстирал чёрное бельё наскоро, а новое сшил на живую нитку... Надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьёт, как непотребную прачку». Спустя пять лет публика увидела первый сборник стихов поэта и встретила его с благодарностью, сохранив это отношение вплоть до наших дней.

Страстный и порывистый нрав Пушкина predetermined его любовь к карточной игре, сулившей всю гамму сильных ощущений и переживаний. Вокруг поэта менялись люди и ландшафты, но его душа, с присущими ей страстями, оставалась неизменна. В период

ссылки на юг России Пушкин также предавался карточной игре, что, кроме денежного напряжения, приводило и вовсе к курьёзным случаям. Здесь и дуэль с Зубовым из-за подозрения в его шулерстве, и бросание сапогом в игрока во время карточных баталий, даже любовь не всегда могла пересилить его тягу к карточному азарту. Вяземский писал, как поэт, преодолев сотни вёрст ради встречи с объектом своего вожделения, сел до встречи понтировать и... проиграл всю ночь до самого утра.

Роман поэта с госпожой Фортунной протекал очень бурно, современники отразили его мысли о том, что никакая игра не доставляет столь живых разнообразных впечатлений, как карточная, поскольку во время самых больших неудач сохраняется надежда на успех. И в этих порывах эмоций Пушкину сложно перед чем-то устоять. И вновь на зелёный стол ложится плод его творческого труда... На этот раз только что оконченная 5-я глава «Онегина». Ставка принята – рукопись представляет собою деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. ассигнациями за строку). Поэт проигрывает. Следующей ставкой стала пара пистолетов, но здесь счастье улыбнулось поэту. Он отыграл и пистолеты, и рукопись, и ещё выиграл тысячи полторы. На этом фоне коммерческая игра Пушкина просто меркнет. В Михайловском сохранились расчёты его любезной и гостеприимной соседки Осиповой-Вульф: «По висту должен мне Пушкин 1 р. 50 к., я ему – 20 к. ...» – что только подтверждает, что не сама игра пленяла поэта, а чувства, испытываемые от его свиданий с Фортунной.

Страсть к игре немало послужила вдохновению поэта. Во время карточной игры у князя Голицына Пушкин пишет стихотворение «Как в ненастные дни» мелом прямо на рукаве. От Голицыных поэту в лице княгини Натальи Петровны пришёл образ старой графини и история о трёх картах, которые помогли её внучатому племяннику отыграть в одной из карточных партий.

Азарт Пушкина даже явился поводом его появления в картотеке жандармского управления. В полицейском списке московских картёжных игроков за 1829 год в числе 93

номеров значится 36-й номер: «Пушкин – известный в Москве банкрот». Поездка поэта на Кавказ, по мнению П. А. Вяземского, могла быть устроена игроками в расчёте на славу поэта и желание состоятельных людей прометать талью-другую с самим Пушкиным. Но погоня Александра Сергеевича за сильными ощущениями сметала всё на своём пути. Иначе не объяснить, как Пушкин, уже помолвленный с Натальей Николаевной, создал за зелёным полем фантастический долг в размере 25 000 рублей. В то время поместье Михайловское, принадлежавшее родителям поэта, приносило 3 000 рублей в год. Подобная яма заставила Пушкина напрячь все силы: заложить единственную принадлежавшую ему деревню, со скрипом погасить основную часть долга и дать себе обещание впредь к картам не притрагиваться.

Действительно, поэт после женитьбы стал играть меньше, но окончательно подавить влечение к картам у него не вышло, и «до самой зари он не мог оторваться от зеленого поля». Видны попытки Пушкина пустить свою страсть в логическое русло – в его библиотеке можно встретить труды Лапласа по теории вероятности, необходимые для расчёта случая в игре. Но не холодный расчёт в картах пленял поэта, а испытание любви Фортуны. Оттого Пушкин до кончины своей был ребёнком в игре и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых, кроме него, обыгрывали все... Отъезды четы Пушкиных из Петербурга в деревню сопровождалась укоризненным шёпотом: «Проигрался». А после кончины поэта учреждённая императором «Опека над малолетними детьми и имуществом камер-юнкера А. С. Пушкина» оплатила его частные долги на сумму 92 500 рублей, из которых немалую часть составили «долги чести», – таковы итоги отношений Пушкина с Фортуной... Но она вернула долг его памяти. Так, «Совре-

менник», впоследствии приобретённый Некрасовым, издавался фактически на деньги, добытые во время его карточных партий. У Некрасова существовала одна традиция: отправляясь в клуб, он брал из конторы «Современника» тысячи две рублей и вкладывал их в середину своих десятков тысяч «на счастье», и это счастье помогло жить журналу, напоминая читателю о его создателе.

Мог ли Пушкин избежать карточного плена? Представляется, что нет, – видно, как игра неразрывно связана с дворянским обществом. Писатели золотого века в своих произведениях не могли обойти карточные битвы стороной – иначе препарируемая ими действительность русского общества была бы усечённой. Неспроста «Пиковая дама» из всех прозаических произведений Пушкина имела наибольший читательский успех. «Моя Пиковая дама в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семёрку и туза» – слова самого Пушкина. Анненков свидетельствовал, что «Пиковая дама» произвела при появлении своём всеобщий говор и перчитывалась от пышных чертогов до скромных жилищ с одинаковым наслаждением. Подобная реакция служит лишним подтверждением тесного переплетения общества, игры и азарта.

Да и мог ли пушкинский человек испытать схожие эмоции вне карточного стола? В социуме, где путь индивида определялся ещё до его появления, это представить сложно – человек лишь нёс маску, которую ему уготовила Фортуна. Но перед её лицом у ломберного стола, между лбом и соником, руте и гнутыми тузами, посреди крошек мела маски меркли, а люди проявляли все эмоции, какие только таились в их душе. И Пушкин, коллекционер и летописец чувств, не мог пройти мимо этого ристалища, не оказавшись в самом эпицентре его событий. Почему поэт играет? Да потому он и играет, что поэт. **А**

Павел ИВАНОВ
Москва

СЕГОДНЯ ПУШКИН В ВЕЧНОСТЬ ОТЛУЧИЛСЯ

1. Баллада об Александре Пушкине

Мне кажется – придумали Дантеса!
И Чёрной речки – не было и нет!
В пустом лесу остался пистолет,
И пуля умирает среди леса.

А Пушкин жив! Вон Болдино вдали
Ему открыло потайные дверцы.
Неубиенным остаётся сердце,
В котором – ясный образ Натали.

Неповторима болдинская осень:
Желтеют полушарья тополей,
И снова небо сквозь века проносит
Пульсирующий угол журавлей.

Мучительная, вещая тоска
Объемлет преддуэльные страницы...
Опять ему Михайловское снится,
Осенний дождь струится у виска...

О, только бы не пуля у виска!
Прости, изгнанник, горестную мысль.
Дантеса нет! Но от него зависит
Исход дуэли, зреющей пока.

Да нет же! Нет же! Не было дуэли!
Как и Дантес, придумана она!
Ведь Пушкин снова пишет о метели
И держит кружку, полную вина.

Сейчас он резко повернётся в кресле
И Гоголю приветливо кивнёт...
А если всё же грянет выстрел, если
Покинет пуля пистолетный гнёт?

Нет, никогда! Потомки, выньте пулю!
Дантеса нет. Бог Пушкина хранит.
Но сани с лёту в небо завернули.
Дантеса нет!.. Но колокол звонит...

2. В Болдино

Снега – взахлёб.
Ручьи – взахлёб.
В одно дыханье – лето.
А осень
 письма
 шлёт
 и шлёт
погибшему Поэту...

3. Ночью

Крылья
мешали мне спать,
и я вставал в полночь,
чтобы извлечь из них перо.
Ночь сползала
по стенам
на серебряный поднос утра.
Стихи не получались.

А рядом, за перегородкой,
у счастливых соседей
смеялся
маленький Пушкин.

4. На Тверском бульваре

Над зимнею Москвою рассвело,
В рассвете раннем что-то от заката.
Ложится снег тепло и виновато
На бронзовое тёмное чело.

Тверской бульвар. Притихший институт.
Сегодня Пушкин в вечность отлучился
И с этой целью в бронзу облачился,
Хотя его на Чёрной речке ждут.

Поэт из красок, мрамора и книг
На нас взирает с тихою надеждой.
Он сам себе с улыбкой безмятежной
Нерукотворный памятник воздвиг.

Запутались кометы в тополях,
Исходит свет из тополиных почек.
Я вдруг припомню искромётный почерк,
Бессмертные рисунки на полях.

А в лачужке пела няня...
 – Няня, пой! Твой голос мил.
 Пушкин слушал со вниманьем,
 Душу песнями томил.

– Для чего, скажи, синица,
 Ты летала за моря?
 Что тебе ночами снится
 В зыбкой дрёме сентября?

Почему тебе, синица,
 Не жилось в моём саду?
 Ты, быть может, царь-девица
 И другой я не найду?!

И синица отвечала:
 – Я летала за моря,
 Лучшей доли я искала,
 Да искала, видно, зря...

Доли лучшей, воли вечной
 Не нашла среди тепла,
 И в печали бесконечной
 Море синее сожгла.

И упала я без силы
 На родимом берегу...
 Поняла, что без России
 Жить на свете не смогу.

11. Живой Пушкин

Между светил и комет
 Космос не выветрит Слово.
 И через тысячи лет
 Пушкин появится снова.

Русские дали найдёт
 И через сны и туманы
 С няней по небу сойдёт
 На дорогие поляны.

К собственной выйдет судьбе,
 Будто бы свет сквозь колечко,
 К домику няни, к себе,
 Где ещё тёплая печка.
 Сядет поближе к теплу
 И, улыбнувшись знакомо,
 Скажет родному углу:
 «Боже, неужто я дома?»

Глянет в оконный проран,
 Прошлые годы осудит:
 «Пушкин, какой ты болван!
 Больше дуэлей не будет!»

И на лежанке вздремнёт...
 ...Вспыхнет зарница у леса,
 Няня молитвой спугнёт
 Беса, а может – Дантеса.

Сороть забьётся впотьмах,
 Вдыбит михайловский воздух.
 И, застревая в ветвах,
 С неба покатытся звёзды.

Сдёрнется Млечный туман,
 Сдвинется неба завеса,
 Космос, как тёмный таран,
 Сплющит за Соротью – беса.

12. Сон

*Пушкин – просвещённый монарх.
 Михаил Вишняков*

Мне снился странный сон,
 где Пушкин – император

Всея Руси и тем вполне доволен он.
 Предерзостный поэт, рискующий оратор
 Монархом на святой Руси произведён.

Во сне – забытый век,
 как будто ждал реванша,
 Он показал расцвет деяний всеблагих...
 Во сне ли, наяву я видел это раньше
 И многих уверял, что Пушкин не погиб.

И вот примчался сон не тройкой
 запоздалой,
 А в залах зазвучал мазуркою, стихом.
 И Пушкин проходил по этим шумным залам,
 А утром уезжал охотиться верхом.

Он – император, он – в вопросах и ответах...
 У Пушкина в гостях – поэты, короли:
 Он спорит о стихах, с министрами о сметах,
 А вечером стремглав сбегает к Натали.

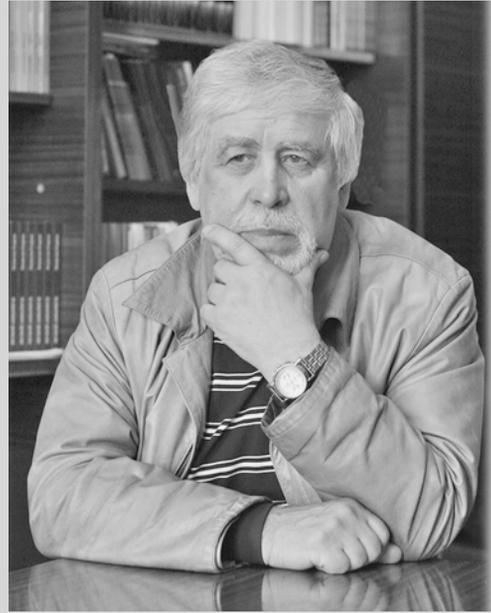
Холёный, томный двор никак его не ранит,
 Не бросит в тронный зал подмётное письмо.
 Служители казны, привратники, дворяне
 Учтивы и скромны – сиялище само.

А Пушкин вдалеке по зимним рощам рыщет,
 Косого стережёт, охотится на лис.
 И Геккерену он ещё петлю подыщет,
 В которой бы скорей коварный лис повис.

В привратники Дантес
 на днях направлен будет:
 На Невском – подавать одежду в кабаке.
 ...И вдруг проснулся я, тоскующий о чуде,
 И рядом Пушкин сел с державою в руке.

13. Пред Пушкиным

Пред Пушкиным замлеть душа готова.
 О Господи! Я полон счастья вновь.
 В душе сияет пушкинское Слово!
 Во мне бурлит его живая кровь! **А**

Владимир СКИФ

Родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг: «Зимняя мозаика» (1970); «Журавлиная азбука» (1979); «Грибной дождь» (М., 1983) и мн. др. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2008»; победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010); лауреат международных премий: им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015); лауреат всероссийских литературных премий: «Белуха» им. Г. Д. Гребенищикова (2013), им. Николая Клюева (2014); лауреат премии издательского дома «Русский писатель» (2014, 2016); лауреат премии журнала «Наш современник» (2015); лауреат конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016); лауреат конкурса им. Николая Денисова (2017). Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Академик Российской академии поэзии. Советник губернатора Иркутской области по культуре. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Живёт в Иркутске.

ЧЁРТОВЫ КУКЛЫ ЗАКАБАЛЁННОЙ РОССИИ

ЛЕСКОВ – ОБЛИЧИТЕЛЬ «ЧИНОВНИЧЬЕЙ ШУШЕРЫ»

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей. (Пс. 1: 1)

ЧАСТЬ 1

В память о Николае Семёновиче Лескове (1831–1895), великом христианском писателе-классике, непревзойдённом художнике слова, стоит пристальнее взглянуть на один из поворотных моментов его жизни – историю увольнения с государственной службы. На вопрос: «Зачем Вам такое увольнение?» Лесков ответил: «Для некролога». Это произошло в 1883 году – 135 лет назад.

Определением министра народного просвещения И. Д. Делянова Лесков был отчислен из министерства «с увольнением от звания члена особого отдела Учёного комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

1 марта 1883 года в 29-м номере журнала «Церковно-общественный вестник», с которым сотрудничал автор «Соборян», «Запечатленного ангела», «Очарованного странника» и других шедевров русской словесности, сообщалось, что 9 февраля из Министерства народного просвещения отчислен «коллежский секретарь Лесков (известный наш писатель)».

Широко известного автора – горячего просветителя и проповедника христианских истин, чьей жизненной и творческой установкой всег-

да было писать и говорить так, чтобы укрепить в человеке «проблески разума о смысле жизни», чтобы «что-нибудь доброе и запало в ум» (XI, 472) и сердце читателя, – уволили из Министерства просвещения. Парадоксальный, казалось бы, факт: истинный просветитель оказался ненужным на государственном уровне российской нивы просвещения.

С чего же всё началось? Как и почему выдающийся русский писатель сделался гражданским служащим невысокого ранга – с чином коллежского секретаря, который скромно ютился на десятой ступеньке служебной лестницы из 14 классов согласно Табели о рангах? К слову, тем же мелким, незначительным чином были «пожалованы» гении русской литературы А. С. Пушкин, И. С. Тургенев.

Зачем же решился Лесков делить своё время между вдохновенным творческим трудом и чиновничьей службой? За ответом далеко ходить не надо. Он на поверхности: это бедность, материальная неустроенность, финансовая небезопасность, недостаток средств даже на скромную жизнь без излишеств – обычная судьба честного писателя в России и раньше, и теперь. Стесненность в денежных средствах испытывали и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и многие их собратья по перу масштабом поменьше.

Лесков не раз оказывался в бедственном материальном положении. Величайший певец русского подвижничества, создавший для Руси «иконостас её святых и праведных», подчас претерпевал нужду на грани голода и нищеты. Нельзя без душевной боли читать горькие сентенции в лесковских письмах: «мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды <...>; мне нечем заплатить полутора руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе <...>, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому, – что меня стесняет до последней степени» (X, 266); «я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода» (XI, 254).

Однажды на грани отчаяния обратился Лесков в Литературный фонд с прошением предоставить ссуду в 500 рублей, которые он обязывался возвратить с процентами, завершив работу над пьесой «Расточитель»: «Средства для

отдачи этого долга я имею: эти средства – моя драма <...> средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу» (X, 266). Писательская организация отказала в этой просьбе, но в виде подачки-милостыни снисходительно предложила «оказать некоторое пособие автору <...> предварительно собрать сведения о положении г. Лескова».

Писатель не принял фарисейского подаяния. Как только он узнал о постановлении Литературного фонда, то ответил немедленно: «Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далёк от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает» (X, 267). Так литературные псевдобратья – пигмеи в сравнении с Лесковым по силе творческой одарённости – в очередной раз ханжески от него отреклись.

«Славы не ищу, совести боюсь, в деньгах нуждаюсь» – такую надпись сделал Лесков на своём фотографическом портрете, подаренном критику В. П. Буренину, выступавшему в последние годы жизни писателя с одиозными статьями (в 1890-е годы в газете «Новое время» он поместил ряд резких замечок и фельетонов о лесковских сочинениях). Эта фотография с автографом Лескова хранится в Доме-музее писателя в Орле.

Сберегается в орловском музее и другой автограф писателя – на его книге «Смех и горе (разнохарактерное potpourri из пёстрых воспоминаний полинявшего человека. Посвящается всем находящимся не на своих местах и не при своём деле)», подаренной младшему брату в 1871 году.

В тот год Лескову исполнилось 40 лет. Новую книгу он расценивал как важную творческую веху в субъективно переживаемый переломный момент своего земного поприща. Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: «Я стал думать ответственно, когда написал "Смех и горе", и с тех пор остался в этом настроении – критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном» (X, 401–402).

Дарственная надпись весьма оригинальна: «Достолюбезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семёновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазёра, пролетария бездомного и сея книги автора. 7 июля 71 г. СПб.».

Слова эти поначалу могут вызвать недоумение: Николай Семёнович называет Алексея Семёновича, который был шестью годами моложе писателя, «старшим братом». Но речь здесь идёт не о возрасте, а о «старшинстве» в смысле материальной обеспеченности. Алексей Семёнович Лесков был киевским врачом с обширной практикой, что позволило ему обзавестись собственным особняком вблизи Софийского собора – стать «домовладыкой». Достаток дал ему возможность быть «благодетелем» небогатых ближних и дальних; «младопитателем», поскольку к нему «лепилось, около него кормилось и ютилось и своё, и женино, и невесть чьё до какого колена родство или свойство». Младший брат писателя был радушен, щедр и обладал особым даром «пригрева близких».

Старший Лесков, посвятивший свою жизнь самоотверженному литературному труду, в глазах меркантильных обывателей – «бесплодный фантазёр», «пролетарий бездомный», который не нашёл от трудов праведных не только палат каменных, но даже не имел хотя бы какого-нибудь стабильного заработка. И в шутку, да и всерьёз (снова срабатывает разнополярная система координат «смеха и горя»), умаляет Лесков себя перед младшим братом – «старшим» по бытовому устройству жизни. Так за шутливой формой дарственной надписи проступает немалая доля горечи.

Чтобы как-то поправить свои финансовые дела, получать обеспечивающее жизнь жалование, а также в новом качестве поспособствовать делу народного просвещения, писатель поступил на государственную службу. В начале января 1874 года Лесков был назначен членом особого отдела Учёного комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа. Министр обещал годовой оклад в две тысячи рублей. Однако это

оказалось враньём и издёвкой: в реальности денежное содержание Лескова на службе было урезано ровно вдвое.

Писатель с большим именем в литературе так и не дождался хотя бы какого-нибудь повышения заработка за все долгие годы безупречной служебной деятельности. В 1881 году Лесков писал И. С. Аксакову: «решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, – назначили членом учёного комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет "в забытьи", хотя Толстой (Д. А. Толстой – министр народного просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода. – А. Н.-С.) знал меня хорошо, считая, по его словам (Кушелеву и Щербатову), "самым трудолюбивым и способным", и лично интересовался моими мнениями по делам сторонним (например, церковным)» (XI, 254).

Так лесковские надежды, связанные с государственной службой, были с самого её начала развеяны: «вместо сколько-нибудь ощутительного укрепления бюджета и выполнения иногда любопытных, живых служебных заданий предстояло полустариковское сидение за рассмотрением книг, издаваемых для народа, под нестерпимым гнётом "благочестивого вельможи"» (2, 178).

«Помилуйте, с утра до вечера убиваться над какою-нибудь сухью, над какою-то, с позволения сказать, бумажною мертвечиной», – говорил о чиновничьей службе один из героев пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (<1862>).

Однако Лесков со всей ответственностью, с полной самоотдачей выполнял трудоёмкую, кропотливую работу: был рецензентом, готовил многостраничные доклады (один из важнейших – «О преподавании Закона Божия в народных школах»), объёмные служебные записки, заключения, отчёты, массу другой служебной документации. Подробное описание материалов этого рода деятельности писателя представлено в книге его сына и биографа Андрея Лескова.

В период службы писателя в Министерстве народного просвещения сменились четыре министра, но ни один из них не подумал хотя бы как-то отметить и поощрить необыкновенного

сотрудника за безупречный, добросовестный труд, на который затрачивались большие силы, драгоценное время.

Лескова обходили также повышением по служебной лестнице, забывали повышать классный чин даже за выслугу лет, держали, что называется, «в чёрном теле».

«Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность всё будет ползти и всюду проползёт», – говорится в лесковской статье «Заповедь Писемского» (1885).

О том, каким издевательством «чиновная шишмара» (2, 179) подвергала писателя, как куражились над ним, язвили и жалили его канцелярские букашки, отравляя Лескову жизнь, он вспоминал в письме Аксакову: «Наконец им стало стыдно не давать мне ничего, и Георгиевский (*председатель Учёного комитета*. – А. Н.-С.) лет через пять после моего поступления сделал представление о награде меня за многие полезные труды и "за прекрасное направление, выраженное в романе 'Некуда', навлекшем на меня ожесточённое гонение нигилистической партии", – чем бы Вы думали: чином надворного советника, то есть тем, что даётся каждому столоначальнику и его помощникам. Мне это испрашивалось в числе двадцати человек, назначаемых к особым наградам к Новому году. И что, Вы думаете, последовало? Толстой на обширном и убедительном докладе Георгиевского надписал: "Отклонить", а из числа двадцати чиновников одного меня вычеркнул. И это всякий чиновник д<епартамен>та видел и хохотал над тем, что значит быть автором "Некуда". "После того и деться некуда", – острит в сатире Минаев. Чем же эта молодёжь напоевалась, видя такое усердие меня обидеть, признаться сказать, в таком деле, которое мне и неинтересно, потому что быть или не быть "надворным советником" уже, конечно, – всё равно» (XI, 254–255).

Несмотря на последнее заявление в этом фрагменте письма, по всему его тону чувствуется, что обиды и унижения не прошли для Лескова даром, бурлили и поднимались со дна души, засели в «печенях», как позже писал он о приснопамятном «огорчённом налеме» в своей последней повести «Заячий ремиз» (1894).

«Нам по службе нет счастья в роду», – говорил писатель своему сыну Андрею (2, 176). В министерстве продвигали тех, кто даже близко не мог сравниться с Лесковым по одарённости, глубинному постижению жизни России, знанию русского народа «в самую глубину». Честный высокоталантливый художник русского слова, идущий своим путём – «против течений», государственной системе был неугоден – здесь привечали только раболепствующих низкопоклонников, вышколенных и выдрессированных бездарностей по прозванию «Чего изволите?». Собственное мнение здесь никогда не приветствовалось, вызывало подозрение, отторжение и страх.

Крайне не расположен к выдающемуся русскому писателю был его непосредственный начальник по службе А. И. Георгиевский – завистливый инородец-безбожник, выходец из Одессы. Он отличался особой еврейской мстительностью и не забывал «оцарапавшее его перо» – статью Лескова «Литератор-красавец» (1867), в которой однажды был задет писателем задолго до его поступления на службу. На одном из автографов Лесков сделал приписку: «Георгиевский Александр Иванович. Экслиберал из Одессы. – "Рука Каткова и "подобие Бисмарка в России"» (2, 179). О нём же отозвался писатель в одной из корреспонденций: «провинциальная шушера и чиновная шишмара, взросшая в пресмыкательстве и добивающаяся его от других» (2, 179).

Пронырливая одесская «шушера», прокравшаяся искательством, подбострастием и подкупом до кресла председателя комитета в министерстве, продувная бестия Георгиевский мнил себя важной персоной и не упускал случая подчеркнуть свою значительность. Ординарность, напустившая на себя начальственное высокомерие, не терпела таланта и самобытности в подчинённых. Этому чиновнику подошла бы характеристика из пьесы Салтыкова-Щедрина «Тени»: «Он так же, как и все эти трутни-проходимцы, весь сшит из чужих лоскутьев, весь набит чужими словами, весь пропах чужими запахами».

В романе «На ножах» (1871) – за три года до поступления на службу – Лесков разоблачил

один из распространённых способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилисту «деятелю на все руки» еврею Тихону Кишенскому. Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали святые отцы – христианские подвижники.

«Кто втёрся в чин лисой, тот в чине будет волком», – писал о таких В. А. Жуковский. О подобных проходимцах говорил также И. А. Крылов в своей басне «Осёл» (1815):

*В природе и в чинах высота хороша,
Но что в ней прибыли, когда низка душа.*

Салтыков-Щедрин в драме «Тени» представил типические черты бюрократической среды: «надо много ловкости, чтоб пробалансировать», «нужно только обладать бесстыдством!»; «от них разит тлением»; «какая-то неприятная юркость, какое-то молодецкое желание блеснуть изворотливостью совести». «Точно я попал в трущобу, в которой копошится гадина, и не знаю, где она кроется и куда хочет направить своё ядовитое жало!» – мог бы воскликнуть вслед за щедринским героем Лесков.

Характерен переданный сыном писателя следующий эпизод служебных взаимоотношений между начальствующим и подчинёнными. Упоённый сознанием собственного властительного величия Георгиевский церемонно-торжественно появлялся на заседаниях комитета всегда последним, «дабы иметь возможность

благосклонно принять почтительное приветствие всего состава возглавляемого им органа и, первым опустясь в председательское кресло, милостиво пригласить всех занять свои места. Это пышное "сретание", повторявшееся каждый вторник, мутило дух уже отвыкшего от многого литератора. Чтобы не вставать при появлении его превосходительства в распахивавшихся курьером дверях, Лесков никогда не садился до появления последнего» (2, 180–181).

Автор этих строк, имеющий многолетний опыт государственной службы, свидетельствует, что до настоящего времени во всей бюрократической низости сохраняется точно такая же чиновничья «церемония» с ожиданием «высокого лица» (будь то губернатор, председатель законодательного собрания, начальник департамента и т. п.), появление которого все обязаны почтить вставанием и получить снисходительное разрешение садиться. Какой-нибудь мелкий чиновничко-наблюдатель (чаще всего сотрудник организационной службы), чтобы потом доложить «наверх» о нелояльности к властям предержавшим, по старинке «берёт на карандаш» – заносит в блокнотик фамилии тех, кто не успел или не захотел раболепно привстать перед начальственной персоной.

Пожалуй, всё это мелочи. Но, как известно, из такой вот «тины мелочей» слагается жизнь, а человек наиболее проявляется именно в мелочах. В цикле «оглушительных» очерков «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» (1878–1880) Лесков обратил внимание на те «мелочи жизни, в которых человек наиболее познаётся как живой человек, а не формулярный заместитель уряда – чиновник, который был да и умер, а потом будет другой на его место – всё равно какой» (VI, 535). Писатель показал неразрывную связь мелочей с общим устройством жизни. ■

Продолжение следует.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, член Союза писателей
России, историк литературы

Сергей ШЕЛКОВНИКОВ,

г. Новосибирск

А. С. Пушкину

Бессмертие манит величием своим,
Когда в сердцах народов ты навеки.
Они поют душой во славу гордый гимн,
И гений твой, как факел жизни, светит.
Идеями горят сердца людей,
Что зажигаешь ты своим величием.
Их вольный дух от веры всё сильнее,
И мир для них меняется обличьем.
Внимая суть, что ты вложил в слова,
Глубинный смысл тайных знаков,
Они увидят в них ту часть себя,
Что спит в душе, боясь раздумий, страхов.
Очнувшись ото сна мирских забот,
Проникнув взглядом вдаль, за горизонты,
Они увидят красоту твоих высот,
Что создал ты, рифмуя жизни ноты.

Ода поэту

Легка, светла душа поэта.
Он зачарованно творит
И воспеваает яркость света,
Что взор его мечтой слепит.
И он рождает строки. Песней
Они в груди его звучат.
И он в тиши веранды летней
Поёт о том, о чём молчат.
Молчат, не зная слов сплетенья,
Не видя мира красоты,
Не зная мук его рожденья
Средь бездны чёрной пустоты.
И видя больше, чем другие,
Живя стремлением творить,
Рождает образы родные,
Что заставляют нас любить.
И порождая чувств смятенье,
Фантазий ярких карусель,
Слов необычное созвездье
Нам вновь в сердца вернёт капель.
И тихим шёпотом читая
Созданье искренней души,
Таланта искру прославляя,
Мы жаждем жизни красоты.
Чтоб пробуждалась в сердце буря,
Эмоций ярких всплеск душил.
И строчек ряд летел, как пуля,
И в сердце лёд собой крошил.
Надежды огоньком сверкая,
Его творенья вдаль влекли,
Нектаром слов нас опьяняя,
От суеты житейской ввысь несли.

Виталий АПЕВАЛОВ

Родился 14 февраля 1980 года в г. Макеевке Донецкой области. Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Учитель русского языка и литературы МКОУ «Первомайская средняя общеобразовательная школа Эртильского района Воронежской области».

С его творчеством можно познакомиться на страницах журнала «Подъём», газеты «Эртильские новости». Межпоселенческой библиотекой им. А. С. Пушкина Эртильского муниципального района были изданы репринтные издания его произведений: «Стирая грань времён», «Дарите улыбки», «Забывтый в веках певец», пьеса об А. Кольцове «На заре туманной юности» и другие. Его стихи вошли в сборники: «Эртиль поэтический» (1-й и 2-й выпуски), «Дыхание надежды и весны», «Антология. XXI век. Воронежские поэты», «Рождение слова». Виталий Анатольевич – участник и победитель областных конкурсов и фестивалей. Руководитель литературного объединения «Эртильская волна».

«Куда я ветром занесён?»

Смешно от людской пустоты
И горько.
Назойливый призрак мечты
В осколках.
О нет, не догнать, не скрыться
За дверью.
Снующим повсюду лицам
Не верю.
В цепи уходящих минут
Потоком
Бежит переколотый путь
На стёкла.
Назло одичавшим душам
От скуки
Я буду с улыбкой слушать
Разлуку.

ВЫСОЦКОМУ

Как мало на свете, Владимир Семёныч,
Дано человеку при жизни успеть.
И каторжник бритый, бродяга клеймёный,
Хотел бы последнюю песню допеть.

А голос твой хриплый врезался до боли
То в руки, то в ноги, то в душу саму,
И плакал беззвучно старик-алкоголик,
Наверно, не зная и сам почему.

Широкий разгул вперемешку с печалью
Иль жалость, щемящая тонкой струной,
С тобой на дороге большой повстречались
И спелись под дубом и пьяной луной.

Вся жизнь как концерт, и страна на концерте
Внимает мятежной тоскливой душе.

И мы, словно малые глупые дети,
Поём вслед за ним про любовь в шалаше.

А кони летят, и присутствие духа
Нам нужно найти, чтобы, мучаясь, петь.
Ни света, ни звука. Пустынно и глухо.
Как много при жизни хотелось успеть!..

И пусть обманули охотников столько,
Что звёзды на небе как кружка зерна,
В меня, будто в волка, стреляет двустволка...
И пропасть в глазах, и опять тишина...

* * *

Куда я ветром занесён?
О, сколько здесь пропащей голи
Иных народов и племён,
Кричащих о земле и воле!

И я за ними в унисон
Кричал о воле и о хлебе,
Как будто бы я был рождён
Под этим непокорным небом.

Ах, воля – сладкая мечта!
Ты не имеешь господина.
Молю о ней я у Христа,
А старый жид о ней – раввина.

Скупа на дар земная соль,
Люта в хмельном порыве злоба.
А ну-ка, ветреная голь,
Пожар в сердцах раздуть попробуй!

Терпел Христос и Магомет,
Гласят о том в веках преданья.
А мы живём, как в наказанье,
О нас в веках и слова нет.

* * *

Пусть злейший враг грозит нелепо
Бедой на яростном ветру,
Я в светлый час восстал из пепла
На радость правде и добру.

Пусть бывший друг, отвергнув чудо,
В ответ не скажет ничего,
Я подлость тут же позабуду,
Как вместе с подлостью его.

Пусть равнодушие стальное
Влечёт старательно ко дну,
Я только думою одною
Заблудший мир переверну.

И с головы на ноги снова
Поставит мир заблудший мой
Рождённое из пепла слово –
Богиня и вдова с сумой.

* * *

И снова осень в платье ситцевом
Спешит прожить короткий век.
Завистливо следит за птицами
Упавший духом человек:

«Вы на кого же нас покинули
На перекрёстке злых дорог?
А мы пропали, да не сгнули,
И даже Бог нам не помог.

Затянет ветер песню вьюжную,
И будет снег мертвецки чист.
Ах мы никчёмные, ненужные,
Как этот мокрый жёлтый лист!..»

Не плачьте, люди, вас не бросили
На произвол победы зла.
Горит костёр из листьев осени,
Сгорает медленно дотла.

БЛОКУ

По вечерам по грязным улицам
Играет свист, несущий мат,
Калоши, чавкая, целуются
И убегают – не поймать...

Ни прошлому, ни настоящему
В моей тоскующей стране
Не вторят вдумчиво горящие
Глаза неведомых планет.

Ну а о будущем подробнее,
Презрев добро, любовь и свет,
Гласят предания загробные
Уже своё отживших сект.

И долго будет с шарлатанами
Унылый свет немой звезды
Играть огнями и туманами
С недостижимой высоты...
На переулке, где затянуты
Струною линии столбов,
Примета есть для пьяной памяти –
Удар всё выносящих лбов.

И каждый вечер в час назначенный
Сеанса «искренних» услуг
Звучит недёшево оплаченный
Всё побеждающий каблук.

И, проходя меж алкоголиков,
Не представлявших интерес,
Она, звезда рекламных роликов,
Садится в чёрный «Мерседес».

А дальше фокусы обычные,
Как в фильме о добре и зле,
Ведь не найдётся прозаичнее,
Чем эта роль, на всей земле.

Мне странно это настоящее,
Как будто Блок не умирал, –
И рестораны, в ночь глядящие,
И жизнь – распутная игра.

И только пьяное чудовище,
Виденье превративши в хлам,
Из сердца вырвало сокровище
И ключ сломало пополам.

* * *

Закликала горе на горе.
Полотенце, гребень, пояс, лавка...
Отравиться, заживо сгореть.
Тихий омут, мёртвая удавка.

Разгадала тайны на песке.
Где вы, разом сброшенные маски?
Оставляла замок на замке –
Нетипичный эпилог у сказки.

Берег милый сумрачен и дик,
Через речку – ненадёжный мостик.
Для тебя пылало сто гвоздик,
А в итоге выпал ржавый гвоздик.

Словно карты ветром спутал рок.
Затянуло, засосало глубже...
Чёрный морок, тысячи морок.
Что же ты, родная, плачешь? Ну же!

Не стыдись в беде на помощь звать:
Не всесильна яростная злоба.
Нет того, кто станет миловать, –
Может, кто помилует... Попробуй...

Гостья

Раздался звонок в дверь. Ожидаемый, но она вздрогнула.

Она сидела на диване, немного наклоняясь вперёд, с прямой спиной, опираясь локтями на сжатые колени, и смотрела прямо перед собой. Надо идти открывать.

Неся перед собой пышный букет калл, Татьяна вошла в зал и стала рассматривать интерьер, поводя головой:

– Ой, твоя живность всех встречает?!. Какие милые, кот такой пушистый... Трётся сразу...

– Он тебя выделил. Обычно он к посторонним не подходит даже. – Ирина стояла позади своей гостьи.

– И собачка симпатичная... Девочка?

– Её зовут Люся.

– Прекрасное имя. Рычит, прямо защитница...

– Это она при мне.

– Как они тебя любят... – Татьяна обернулась и впервые посмотрела Ирине в глаза.

Взглянув в окно, Ирина с лёгкой усмешкой произнесла:

– Гулять сразу убежали...

– Ирочка, привет, дорогая!..

Татьяна отвела букет в сторону, и женщины поцеловали воздух, прикоснувшись щеками.

– Давай цветы. Зачем ты их принесла?

– Неудобно как-то в гости идти без ничего...

– К чему... Таня?.. – Ирина приняла букет. –

Присаживайся, я отнесу.

– Не здесь поставишь?

– В кабинете. Не выношу запаха. Ему нравится.

– Я в спальне люблю. – Татьяна посмотрела за окно. – Мило у вас. В лесу прямо живёте.

Ирина унесла цветы. Возвращаясь, в холле она задержалась, постояла перед зеркалом, так ничего и не поправив.

– Ну как у вас? Как живёте? – встретила её Татьяна.

– Как кошка с собакой. – Ирина склонилась голову набок. – Как кот... с собакой. Да нет, мирно сосуществуем. А у тебя как?

– Я про твоих четвероногих, – Татьяна коротко улыбнулась.

– И я. Вооружённый нейтралитет у них. Вообще, кот её контролирует, он постарше... – Ирина ответила на улыбку.

– Мужчина... Я хомячка когда-то держала, помер, ревела как дура. Похоронила прямо...

– С ними веселей. Работа у Паши тяжёлая, ездит много. Устаёт. Ты одна? – спросила Ирина.

– Лучше одной, чем плохо жить! – воскликнула Татьяна. – Знаешь, как часто бывает, живут вместе, а счастья совсем нет...

– Это если детей нет.

– У тебя много? – задала вопрос Татьяна.

– Сын. В кино поздно с друзьями собрался... Потом к бабушке.

– Молодой человек уже... – быстро согласилась Татьяна. – Хорошо, что я тебя дома застала!.. Может, второй раз не решилась бы позвонить.

– Я тоже к маме собиралась. Давление у неё. Мнительность, конечно, но всё же возраст. – Ирина сделала приглашающий жест, указывая на кресло, и подошла к дивану. – Да и одной оставаться не хотелось.

Татьяна присела. Кресло было очень мягким, но Татьяна не провалилась. Собранный, она медленно опустилась в раздавшуюся плоть бархатного сиденья.

– Боишься?.. – Татьяна утвердила руки на широких подлокотниках.

Ирина присела на край дивана и скрестила ладони на коленях.

– Нет, у нас тут спокойно.

– До вас легко добираться, недалеко от города, а воздух какой!.. Красиво. Завидую тебе, после наших каменных мешков... Мне у вас очень нравится. – Татьяна медленно ещё раз осмотрела зал.

– Мы последний год только живём, сбегали из квартиры, от машин этих.

– Ну теперь приходится ездить в город-то...

– Паша ездит, я почти не выезжаю, всё есть неподалёку.

– Мне Варвара телефон твой дала, – после паузы сказала Татьяна.

– Интересно... Откуда он у неё?..

– Мы с ней поддерживаем отношения... Ну она всегда всё обо всех знала... Ты ж её знаешь... Ремонт у вас...

– Это состояние... Заезжали, дом ещё не был готов, скорее хотелось, столько ждали, долго строили... так и тянется.

– Надо же, сколько лет с тобой рядом живём, ну все же в одном городе, и ни разу не встречались!.. Где твой?!

– Уехал. Завтра должен вернуться. Хотя ещё ничего не решено, но уже вероятно. – Ирина поддержала некоторое оживление в речи гостя. – Командировка.

– Думала, познакомишь, пообщаемся... – Татьяна надула губы. Губы были тонкими и от этого только кривились. – Представишь мужу старинную подругу... Сколько это лет мы не виделись? Или десятилетий, лучше сказать?

– Ну увидите ещё...

– Наверное, не вспомнит меня... – Татьяна поправила длинный локон, заведя за ухо.

– Разве можно тебя забыть.

– Слушай!.. – Татьяна всплеснула руками, не отрывая локтей от подлокотников. – Пойдём вечером... Пойдём! Ночной клуб интересный, вечер встреч «Кому за...». Ну, в общем, для нас... Приятель мой сегодня познакомил с другом. Симпатичный вроде. Отдаю!..

– Если познакомил, зачем идти?

– Да нет, представил только, показал... – Татьяна произвела кистями рук вращательные движения. – Пойдём, развеешься – разведёшься... Шучу. Сидишь одна... Ну?! Потанцуем... Как мы на дискотеки бегали... – Она рассмеялась.

– Как выглядит? – спросила Ирина и бросила на Татьяну беглый взгляд.

– Мой?

– Друг.

– Импозантный такой. Лысоват, правда, кажется... В машине сидел, не рассмотрела. Но это ничего, мужик, значит. Гормонов много. Тестостерона. Мне такие нравятся! – Татьяна закончила, отрубив движением ладони фразу.

Ирина снова мельком взглянула на Татьяну.

– А как же твой приятель?
– У нас с ним так... – Татьяна расправила волосы, приподняв их на затылке. – Могу и его подарить! Ой, неужели ты внимание не любишь?! Перестань!

– У тебя раньше были другие вкусы.

– В смысле?

– Насчёт лысых.

– Тогда-то, конечно! – Татьяна откинула голову на спинку кресла. – Я развиваюсь! И потом – это когда было?.. Настоящий мужчина должен лишь слегка отличаться от обезьяны! В нашем возрасте и в наше время и женщины, бывает, лысеют. Категоричность суждений нам не к лицу.

– Ты права. Подожди, пожалуйста.

Ирина вышла из зала. Татьяна подобралась. Возвратилась Ирина с бутылкой коньяка и двумя бокалами, поставила их на подоконник.

– Извини, не всю мебель купили. Столика нет.

Татьяна рывком встала и тоже подошла к окну.

– Французский... – Татьяна отклонила бутылку.

– Выпьем?

– За встречу?

– Я о тебе недавно думала... – Ирина следила за наполнением бокалов.

– Вспоминала?.. Как у тебя с ним?..

– Живём. Если бы ты знала, как я счастлива. – Ирина посмотрела на гостью сквозь коричневую жидкость.

Татьяна пропустила ножку бокала между пальцев.

– Ну да. Везучая.

– Мне перед тобой так совестно, по правде сказать.

– Перестань. Я тебе не завидую... Если и завидовала когда, то белой завистью, поверь. Ты не куришь? – Татьяна порылась в сумочке, доставая сигареты, прикурила. – У-у-у, нехорошая, за Пашу моего вышла!.. – погрозила она сигаретой.

Ирина подвинула ей использующееся в качестве пепельницы блюдце, стоящее в углу подоконника, отошла к дивану с бокалом в руке и остановилась спиной к гостье. Помолчав, произнесла, не оборачиваясь:

– Я поначалу думала, ты ничего не знаешь.

– Знаю. – Татьяна провела средним пальцем по каёмке бокала. – Знаю и что развелась ты с первым твоим, бывшим, как его?.. Из параллельной группы... Максим?.. Потом с Пашей, знаю, вы... Ну и как тебе с ним? С Пашей Ракитиным?

– Мы с ним ходили тогда, после того вечера, месяца два, потом он диплом защитил, он же на два года старше нас, уехал по распределению на север. Я замуж вышла, за Максима... Сын у меня родился в браке уже. – Ирина пригубила и оглянулась. – Паша не знал... Он там женился. Потом вернулся. Через десять лет... Вот так...

Татьяна оперлась позади руками, слегка подпрыгнула и села на подоконник.

– Да, зигзаг... Искал тебя... Прямо встреча через столько лет.

– Дочь ещё у нас родилась с Пашей. Тяжело она мне досталась. Выносила... Слабенькая.

– На сохранении лежала?..

– Годика ей не было, умерла. Потом всё не получалось. – Ирина сделала ещё глоток. – Жаль, что мы столько времени не виделись, правда?..

– Жаль... Но жизнь по-другому бы не сложилась... – Татьяна щёлкнула ногтем по тулову бокала, соскользнула на пол, медленно прошла по залу.

– А-а... Я думала, тебе... не знаю... Почему? Всё могло совсем не так... Я... Если бы ты тогда села на тот подоконник, жизнь могла бы сложиться по-другому... – Ирина резко обернулась к подошедшей Татьяне.

– Ты же не виновата, что он к тебе подошёл. Я тебя не виню. Сама же попросила.

– Ты бы здесь жила...

– Да, у вас красиво. Перестань. Быльём поросло всё. – Татьяна отмахнулась.

– Ты вспоминаешь?..

– Нет. Красивый он парень был!.. Дура я. – Татьяна громко, на одной ноте рассмеялась. – Я его как первый раз увидела на танцах, он мне сразу понравился, влюбилась прямо... Ракитин! Звучит, да?

– Красивая фамилия...

– Всегда свою хотела поменять. Выйду замуж!..

– Выйти замуж...
– Была б парнем, сама пригласила танцевать... Почему тогда это считалось неудобным? Девушка не может... Молодые?.. Белый танец... Всегда я этих очков стеснялась. – Татьяна потёрла ладонью лицо. – Смешно, наверное, мы выглядели?! По залу бегаем с тобой...

– Вряд ли. Кто что-нибудь понимал?.. – Ирина посмотрела вдаль за окно.

– Он-то разобрался.

– А я сижу на посту, на подоконнике том... – Ирина прыжком вскочила на подоконник, – по твоей просьбе... Поглядываю на него, слежу... Танцует с кем. Они в круге с парнями...

– Да, близорукость моя...

– Наблюдаю, как вперёдсмотрящая. – Ирина улыбнулась. – Сообщаю тебе, что он делает, куда смотрит. Смотрит на нас или нет, заметил ли наше присутствие... По-моему, он нас сразу просёк. Сколько раз мы до того пробежали мимо них, типа, в туалет, причесаться?

– А он пришёл и тебя пригласил.

Татьяна, наклонив голову, пригласила Ирину на танец. Ирина дунула вверх на чёлку и спрыгнула с подоконника. Они сделали круг. Татьяна вела, потом внезапно остановилась. Они посмотрели друг другу в глаза.

– Ты танцевала с ним, – Татьяна держала Ирину за плечи, – он тебе что-то говорил на ухо, а я стояла у стены и плакала, слёзы бегут, тушь течёт... Кофточку новую надела, с рюшиками...

– Я ведь на него так тарасилась, вот он и подошёл ко мне... Пригласил... – Ирина закусила нижнюю губу. – Мы с ним потом всю ночь гуляли... Ты их так и любишь, рюшики... – Она расправила оборку на рукаве блузки партнёрши.

– Романтик я. – Татьяна подняла голову и шмыгнула носом.

– Кофточку, между прочим, ты у меня брала.

– Гадкая ты, увела парня у лучшей подружки. Дура я, конечно, что тебя попросила. Тебе ведь он тоже нравился...

Ирина отстранилась и отошла.

– Ну тогда не так уж...

– Разлучница! – Татьяна усмехнулась. – За тобой всегда парни бегали. И этот, как его, был у тебя... Как его?

– Не помню. Да ну их. – Ирина смотрела в окно.

– Вокруг тебя вились табуном... Ну, трянем стариной сегодня?! Ой, страшно, да?! Стариной – ужас! – Татьяна встряхнула волосы. – Старые перечницы! Песок скоро сыпаться будет... Или из перечниц – перец?! Чего стоять, чахнуть у окошка, вспомним молодость! Сына к матери отправила – свобода, пусть временная... Нового мужа пойдём тебе искать! Что ты замуж выходила за него? Чтоб ждать из командировок, пока он шастает? Думаешь, он баб там не встречает?..

– Я об этом не думаю... Себе поищи.

– Ищу. Держу стойку. Что делать, приходится, расслабляться нельзя!

– Ты изменилась, смелая стала, разбитная.

– Я и была!.. Поживёшь одна, станешь.

– Дома лучше посидим, поговорим...

– Всегда успеем...

– Так ты замужем и не была?

– Наверное, жизнь пошла бы по-другому...

Но я довольна. Небось, постарел, обрюзг, лысый... – Татьяна подошла.

– На нас посмотри. – Ирина в упор смотрела на Татьяну.

– Мы тоже не помолодели... Ой, я на ревитализацию ходила, процедура, лазер, потом токи какие-то, водят прямо каким-то аппаратом так, отпад. Коллаген восстанавливается, тургор кожи. Пробовала?

– Нет.

– Хочешь сказать, тебе не надо? Ты ж у нас да... красавица... Пластику делала?.. Нет, хорошо выглядишь, конечно, усталая только... Волнуешься?

– Всегда переживаю, когда его нет.

– У окошка?.. Он тебе изменяет? – Татьяна повернулась глянуть, куда смотрит подруга.

– Молодая была, об этом думала. Сейчас – нет... Зачем?

– Наверное, ты права, – Татьяна, сощурилась, оглядела Ирину. – Пойду я.

– Куда ты заторопилась?

– Опоздаю. Вечер со мной ты провести не хочешь...

– Ты шутишь? В гости пришла... Нет, я тебя не отпускаю. – Ирина взяла блюдо с окурком.

– Пропал наш поход. Наверное, муж твой пришёл. Ещё кто-то с ним. Симпатичный вроде. – И Татьяна постучала ногтем по стеклу.

Ирина обернулась.

– Очки так до сих пор не носишь. Чего операцию не сделала?

– Боюсь. Откуда он взялся?.. Муж этот твой.

– По-моему, он тебе нравился раньше.

Татьяна откинула голову и заулыбалась.

– Да! Вот отобью, будешь знать!

– Вот и познакомишься, посмотрим, узнает ли... В баню зашли, – сама себе сказала Ирина.

– Увидеть хочется, конечно. Чего ты нервничаешь?

Ирина поставила блюдце обратно на подоконник.

– Подожди, пожалуйста, я сейчас сбегая.

– Что ты так волнуешься? – Татьяна вновь прищурилась.

– Нельзя ему.

– Что-то серьёзное?

– Я сейчас.

– Пойду я... Ты проводи меня, у вас есть другой выход?

– Не уходи, раз пришла. Подожди. Договорились?

Ирина торопливо вышла.

– Договорились... Предупреждай, – когда подруга скрылась, добавила Татьяна.

Она поправила волосы, подвела губы. Но вошёл Валера, остановился и почесал пальцами остатки тонких волос между глубокими стремительными залысинами.

– Ты как здесь оказалась? Пашу ждёшь? Где подруга твоя, а?.. Мы идём гулять сегодня?! Куда ты звала?

– Здесь погуляем.

– Вот и я Паше говорю, а он с этой баней носится: «Протопим...» Иди ко мне... – Валера взял Татьяну за локоть.

– Если Паша зайдёт?

Валера поцеловал Татьяну в шею, она отвернулась, следя за входным проёмом.

– Вы же расстались! Ну, ходи сюда, прекрасная женщина...

– Перестань!

Грузный Паша ступал тяжело, половица

скрипнула. Он остановился, поправил галстук, затем рывком ослабил узел.

– Мы тебя ждём, – позвал Валера друга, ступая ему навстречу. – Выпьем? – Он направился к коньяку, легко повернувшись на длинных ногах. – Наливаю. – Он посмотрел на занятые бокалы. – Придётся из горла. За дам! Или за не дам?!

– За не знаю, – добавила Татьяна.

– Где подруга, с которой меня обещали познакомить, я спрашиваю? – громкий Валера продолжал вещать.

– Ещё не вечер, потерпи, – успокоила Татьяна.

– Зачем ты пришла? – спросил Паша, но на неё не посмотрел.

– Ну! Мы же вечером должны были встретиться... – поддержал Валера.

– Я, по-моему, ясно сказал, что никуда не пойду, – Паша продолжал общаться с Татьяной.

– Мы с Ириной встретились, собрались развлечься... Валера обещал с другом познакомить...

– Я же не знал!.. – Валера смутился. – Сама предложила.

– Пообщаемся... – негромко сказала Татьяна.

– Паша!.. – донёсся голос Ирины из глубины дома.

– Ирина, – растерялся Валера, – в смысле, она дома... Бокалы нужны. Схожу.

Валера собрался уйти, но Паша стоял у него на пути. Он так и остался стоять у притоки, не войдя в зал.

– Я принесу, – остановил он друга.

И вышел.

– Это, кстати, подруга... – промолвила Татьяна и кивнула указующе головой.

– Змея...

– На востоке – это мудрое животное.

– Сжимающее в объятиях. Пришла отомстить? Не делай этого, не вздумай! – Валера повысил голос, но так чтобы его не услышали.

– Я ещё ничего не делала.

– На что ты надеялась? Он не уйдёт от Ирины. Не показывай ей, что вы с ним... не разбивай семью.

– Прямо семья... Что это ты вдруг так заколотился? Только что забыл о нём. – Она отвела руку Валеры. – Не собираюсь, успокойся!

– Хотела ведь.
– Он чем-то болен? – быстро спросила Татьяна.
– Здоров он. С чего ты взяла? Не знаю... А что с ним? – удивился Валера.
– Займи мне денег.
– Сколько?.. У меня правило. Даю в долг не больше сотни. – Валера ослабился.
– Мне нужно больше.
– Намного?
– Намного.
– Извини, любое предписание техники безопасности написано кровью... – Валера выпятил губы вперёд, показывая верность принципам.
Помолчали. Шаги Паши были слышны до того, как он появился.
– Что сказала жена? – поинтересовалась Татьяна.
– На веранде посидим. Сейчас она соберёт там... Мы никуда не поедем, – бросил Паша Валере.
– Это я давно понял. Баня так баня...
– Я помогу Ирине, кухня – женское дело...
– Ни к чему. Ты в гостях, – сказал Паша.
– Гости пришли не вовремя?.. – спросила Татьяна.
– Всё нормально.
– Что ей можно говорить, что нельзя?..
Паша приблизился.
– Говори, что хочешь...
– Прямо так... Как скажешь...
Валера объяснил руками необходимость покинуть помещение и удалился широкими шагами. Паша повернулся выйти за ним.
– Не уходи. Пусть всё останется, как было, я на всё согласна. Прошу... Ты меня слышишь?.. Я же с тобой разговариваю. Что вас с ней связывает? Ведь нет ничего между вами, ведь так, прошло?..
– Оставь...
– Разве я не права?.. Чем ты болен?
– Что за глупости, кто это тебе сказал?
– Супруга твоя. На жалость давила... Мне очень нужны деньги, займёшь?..
– Не думал, что ты будешь меня шантажировать. – Паша исподлобья посмотрел на Татьяну.

– Я не хотела... но мне... Мне очень плохо. – Татьяна двумя руками поймала его широкую ладонь.

Паша освободился из силков.

– Ты уверена, что тебе так плохо, как ты думаешь?.. Татьяна, мы расстались. Это навсегда. Ничего не выйдет.

– У тебя тоже правила есть... Мне действительно надо.

– Ты меня ставишь перед выбором. Я должен заплатить? Но тебе я не хочу.

– Мне не к кому больше обратиться.

– Я не думал, что ты...

Валера предупредительно насвистывал. Через мгновение он заглянул в зал.

– Тебя Ирина зовёт, – сказал он Паше.

Тот наклонил голову и молча вышел.

– Ты в своём уме?! – накинудся Валера. – Не вздумай ничего ляпнуть!..

– Успокойся, побереги сердечную мышцу, – скривила брезгливо губы Татьяна.

– Уходи лучше.

– Сказала же: не буду! В гости нельзя прийти к подруге уже? Ты тут кто такой?.. Иди ко мне... Ну, что же ты несмелый такой?..

– Ты...

– Пойди позови хозяйку, попрощаюсь и пойду.

Татьяна отвернулась. Валера помялся и вышел. Татьяна подошла к окну и закрыла лицо тыльной стороной ладони.

– Познакомься... – раздался хриплый голос Паши.

Татьяна медленно повернулась. Паша стоял рядом с женой.

– Узнал... – Татьяна шутливо представилась, смотря на Пашу. – Татьяна!..

– Лучшая подруга... – прибавила Ирина.

– Молодости... – отмахнулась Татьяна. – Молчи уж, разлучница. – Она рассмеялась. – Шучу я.

– Я не шучу, – сказала Ирина.

Валера продолжал насвистывать, теперь он вернулся с бокалами.

– Кота вашего видел на кухне!.. Лежбище у него там? Котиков!.. Арестантский окрас! Полосатый. Отсидел уже?

– Английская порода, что ты понимаешь. Таких в стране всего несколько. – Паша улыбнулся.

– Здоров. Борец сумо. Чем вы его кормите?

Татьяна посмотрела в глубь дома на лениво продефилировавшего то ли толстого, то ли чрезмерно пушистого кота.

– Жора, Жорочка... У-у, хороший мальчик.

– Ну не совсем мальчик, – уточнил Валера. – На чёрный день скотину держите? Пить будет?! Или ему валерьянки?

– Пойдёмте на воздух, – предложила Ирина, – я сейчас всё подам на веранду.

– Пойду баню проверю, – сказал Валера. – Веники замочил?

Не дожидаясь ответа, он вышел, помахиывая бокалами, которые держал за донца. Паша вышел за ним.

Заговорила первой Татьяна:

– Ну что ты смотришь так на меня?..

– Не смотрю... Ты смотришь.

– Смотрю...

– Я вижу. – Ирина не сдавалась, не отводя взгляд.

– Я уйду, не бойся... – Татьяна потупила взор. – Да, пришла посмотреть на счастливую подругу, которая счастлива в браке, слово какое дурацкое, ненавидела всегда... От которой не уходит муж. Что в тебе такого, что он держится за твою юбку? Чем ты лучше?

– Он любит меня.

– Тебя?.. Какая уверенность... Да он тебя не любит.

– Тебя любит.

– Мы с ним давно уже, давно, много лет.

– Я знаю.

Ирина села в кресло. Татьяна не сразу смогла продолжить, она провела рукой по стене, потеряла пальцы, ещё раз провела ими по стене.

– Давно?.. Давно?.. Ты сидела дома одна... по ночам, когда только телевизор, включишь без звука, лишь бы работал... как аквариум... и ты перед ним?.. Ты одна...

– Я ждала его.

– Ты никогда не была одна, никогда, – сказала Татьяна. – У тебя всегда кто-то был. У тебя есть ребёнок

– Он взрослый.

– Значит, будут внуки... А у меня нет никого, никого, и мне не к кому обратиться за помощью, когда она нужна... Ты одна в квартире, и ты сидишь на кровати и думаешь, сейчас схватит сердце сильнее, спазм, и никто не поможет тебе, ты не успеешь позвать на помощь, никто не придёт, я даже дверь не закрываю, чтобы смогли... взламывать не пришлось... Понимаешь, никому ты не нужна... Ночь... Страшно. Ночь всегда страшна. Ты спишь при включённом свете?..

– А был ли нужен тебе кто-то?

– Это ты у меня спрашиваешь? – Татьяна резко повернулась от стены.

– Ты много раз могла устроить свою жизнь, – быстро сказала Ирина.

– Тебе виднее...

– У него... Ему осталось жить месяцы.

Они застыли и замолчали.

– Он не хотел тебя бросать, – наконец сказала Татьяна и присела на диван.

– И я его... не буду.

– Почему ты его фамилию не взяла? Смелая?.. – Татьяна, примеряя на себя, артикулируя, произнесла: – Ракитина...

Заплакали они одновременно. Тихо, но не сдерживая слёз.

Такими Паша и застал их.

– Не надо, пожалуйста, – мягко попросил он.

– Мокрое царство, – бодро заметил, чтобы как-то отреагировать, вернувшийся Валера. – Вот вы женщины... Ну вы чего?.. Встретились и сразу...

– Проводи меня, – сказала Татьяна и поднялась, закрыв лицо рукой.

– Куда?

– Теперь не важно... К тебе.

– Пойдём умоемся, – пробормотал Валера.

Татьяна оперлась на его плечо, и они вышли. Придерживать Татьяну за талию Валера не решился. Так они и шли, несколько отклоняясь друг от друга телами, будто пытались идти в разных направлениях, но не могли, что-то их удерживало.

Вальяжного кота, выставившего балетную заднюю ногу вверх для облизывания, спугнула шустрая йоркширская терьерша. Сделав круг

по холлу, животные скрылись по направлению к передней.

По-мальчишески порывистыми движениями Ирина размазала слёзы тыльными сторонами ладоней и провела под носом.

– Ты был у врача? Ты вернулся раньше... Когда анализы? Что он сказал?

– Где сын?

– У бабушки. Не надо баню... Я прошу тебя...

– Всё равно...

– Ты был в клинике?

– Был.

– Спасибо... Что они сказали?

– Ничего. Ничего нового. Они ничего не говорят. Ты, наверное, лучше знаешь.

Ирина встала и, вытирая глаза пальцами, сказала, поглядев в окно:

– Она уходит. Они уходят.

– Ирина...

– Я поняла... Когда она зашла. Я сразу поняла, что это она... Что это та женщина, о которой ты говорил.

– У нас – всё. Ничего... У меня нет...

– Она говорит, с ней... годы, говорит, много лет... Правда?... Сколько? Хотя какая разница... И всё же – сколько? Не надо, не говори!

– Прости, я не хотел говорить про неё. – Он грузно приблизился к жене.

– Как на работе?

Он осторожно положил руку ей на плечо.

– Нормально.

Она, не оборачиваясь, прижалась щекой к его руке.

– Есть хочешь?

– Нет, не хочу. Мы перекусили.

– Чаю? – Она подняла лицо вверх к мужу.

– Чаю можно. Когда он вернётся?

– Я знаю, что ты думаешь. Это твой ребёнок, твой сын, Паша, твой... – Она вжалась в него, как бы стремясь погрузиться. Её маленькая голова едва доставала ему до груди.

– Пойдём на улице посидим...

– Я хочу остаться с тобой. Хочу уйти с тобой.

– Не вздумай.

Они обнялись. Постояли немного, тесно прижавшись, и пошли на веранду. **А**

Николай ЖЕЛЕЗНЯК

Родился в Новочеркасске, пошёл в школу в Запорожье, окончил в Краснодаре, в институт поступил в Таганроге (радиотехнический институт им. В. Д. Калмыкова).

Проживает в Москве, кандидат социологических наук.

Работает руководителем литературно-драматургической части театра под руководством А. Джигарханяна.

Роман «Большой куш» напечатан московским издательством «Голос-пресс» в 2006 году, лонг-лист литературной премии «Инспектор НОС» Фонда Прохорова в 2014-м. Пьеса «Квадратные колёса» – победитель всероссийского конкурса Союза театральных деятелей РФ в 2009 году. Сценарий для полнометражного фильма «Один в поле» опубликован в журнале «Искусство кино» в 2011 году, заключён договор со студией «Ибрус» Рустама Ибрагимбекова. Роман «Гонки на лафетах» вышел в издательстве «Алетейя» в Санкт-Петербурге в 2014 году, лонг-лист премии «Ясная поляна» 2014 года. Пьеса «Большой проспект» – лауреат премии по поддержке современной драматургии Минкульта РФ 2012 года. Роман «Чемоданы» опубликован в журнале «Юность» в 2016 году, лонг-лист премии им. Ф. Искандера – 2017. Роман «Одинокие следы на заснеженном поле» издан «Эксмо» в серии «Мастера современной российской прозы» в 2017 году, номинирован на «Русский Букер».

Пьесы ставились в различных театрах. Рассказы, повести публиковались в литературных журналах.

Эти стихи написаны несколько лет назад, когда их авторы были школьниками и студентами. Они занимались (а некоторые и продолжают заниматься) в литературно-творческом объединении «Тропинка» Областной детской библиотеки. Кто-то стал журналистом, кто-то – учителем, но каждый сохранил любовь к поэзии, и прежде всего к Александру Сергеевичу Пушкину.

Ирина БОРИСОВА

ЗНАКОМЫЙ ПРОФИЛЬ

Его стихи знакомы с детства.
Его лицо – печаль и свет:
Он – человек, но он – поэт,
Я в восхищенье от поэта!

Знакомый профиль в старой книге,
Её раскрою я опять,
И тишина меня обнимет –
Я душу начала читать.

И в сердце проникают строчки,
Бегут слова, в которых – жизнь.
Он людям музую служил.
А на листе – знакомый росчерк.

ВСТРЕЧА

Если бы вдруг я увидела Пушкина
В роскоши пёстрой светского бала,
То я бы сразу его узнала
По причёске его, что как кружево.
«Дорогой Александр Сергеевич, –
Обратилась бы я к нему робко, –
Вы для мира останетесь гением
И душой – для родного народа...»
Он в ответ улыбнулся б, наверное,
Так, как только один он умеет:
«И вы, барышня, в этом уверены?»
Я кивнула бы нежно-несмело.
Мы пошли бы гулять по скверам,
Он стихи прочитал бы мне.
И в волнующей той тишине
Я бы точно в чудо поверила...

Жизнь была бы ярка, удивительна,
Если б Пушкина вдруг я увидела.

Юлия ДУДОВА

А. С. ПУШКИНУ

1

Проснись, о гений вдохновенный!
Восстань! Ты с музой на устах
Привнёс в сей мир обыкновенный
Любовь, сплетённую в стихах.

Кумир для многих поколений,
В твоих стихах и грусть светла.
Ты гений, первый и последний,
Тебя Россия родила.

Как жаль, ушёл ты слишком рано,
Не все сбылись твои мечты...
Близка мне юная Татьяна,
А значит, близок мне и ты.

2

Не стало лучшего поэта!
Всегда бывает в жизни так.
Ушёл. И с песней недопетой
Он завершил последний шаг.

Куда ушёл ты, дивный гений?
И где теперь тебя искать?
В огромный мир твоих творений
Я стану душу отпускать.

О Пушкин! Ты меня не слышишь!
Дай музе ещё раз пропеть.
Писал ты так, как люди дышат, –
Не каждый может так суметь...

Проходят быстро дни и годы,
Но жив ты в памяти навек.
Тебя признали все народы:
Ты дивный гений – Человек!

Кристина ЕРИНА

* * *

Пушкин – замечательный поэт,
Дальних, прошлых лет повествователь.
Как поклонница его стихов и как читатель,
Думаю, замены ему нет.

Книги Пушкина прочитаны не раз,
И стихотворенья покоряют!
Повесть каждая, любой его рассказ
Много лет меня так вдохновляют!

Мы всегда гордимся нашим гением –
След большой в поэзии сумел оставить!
И из поколенья в поколение
Славим мы его и будем славить.

Дарья ИППОЛИТОВА

ТАЛИСМАН

«Храни меня, мой талисман...» –
Когда-то Вы в стихах писали.
Он Воронцовой был Вам дан –
Кольцо-печать, чтоб от печали

Оберегал среди чужих;
Когда гроза; от ран сердечных,
От неприятностей, что жизнь
Таит в потоке быстротечном...

И в день печальный февраля –
О, как я этого хотела! –
Чтоб талисман Вас охранял
Во время роковой дуэли.

Анастасия СЕРОВА

К ПУШКИНУ

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...*

А. С. Пушкин

Свободы сеятель пустынный,
Ты вышел рано, до звезды...
Тобой посеянное семя
Взошло, дало свои плоды.

Потратил время не впустую,
Всю жизнь трудился ты не зря.
И вынес ношу непростую –
Взошла свободная заря!

Анастасия СЫЧЁВА

А. С. ПУШКИНУ

Сонет

Как жаль, что время разделяет нас.
Мне так хотелось подружиться с Вами.
И с широко открытыми глазами
Я слушаю истории про Вас.

То грусть, то радость, то свободы глас –
Всё-всё звучит поэзии устами.
Что в Ваших мыслях – рифмы или дамы,
Иль наша жизнь, простая, без прикрас?

И Вам верна незримая Эрато.
Вы смотрите задумчиво куда-то
С портретов молодого. Но Вам – за двести.

И каждый Вам, поэт, венок несёт.
А Вы гадаете: «За что мне столько чести?»
Или вздыхаете: «Неужто это всё?»

Дмитрий ХРОМОВ

СОНЕТ О ПУШКИНЕ

Я Пушкина люблю за то, что он – Поэт,
Весны и вдохновенья пробужденье.
Любимому поэту я дарю сонет,
Хоть он пока ещё несовершенен.

Всегда бессмертен Пушкин в наших душах,
Его вовеки нам не позабыть!
И мы не перестанем говорить:
«Не будет никогда таких, как Пушкин!»

Дух Пушкина присутствует везде –
В Михайловском, Москве, в моём Тамбове.
Я вижу Пушкина в сверкающей звезде,
Его я слышу в первом детском слове.

Давно зажглась над Пушкиным звезда.
И пусть она не гаснет никогда!

Елена ЯЦКОВА

ОН ЖИВ В СТИХАХ!

Я, томик Пушкина открыв,
Переберу страницы...
Как хочется хотя б на миг
Мне в прошлом очутиться!
Увидеть дом, где Пушкин жил,
С поэтом повстречаться...
Но только жаль: моим мечтам
Не суждено сбываться...
Погиб поэт... Не может быть!
Он жив и бесконечен!
И верю я: его стихи
Останутся навечно!
Ведь сам поэт живёт в стихах,
Для нас они – награда...
И Пушкин будто бы со мной
Гуляет в парке рядом.
Но обернусь – нет никого,
Опять одна гуляю,
Но снова Пушкина стихи
Сама себе читаю. **А**

ПЛАНИДА*

Томск находится на отшибе. На отшибе по отношению к магистрали, связавшей железнодорожным сообщением центр страны с Владивостоком. Потому город не похож на соседские мегаполисы, стремительно выросшие вдоль главной железной дороги страны. В нём есть патриархальность. Есть прошлое. Да, отшиб причиняет некоторые неудобства пассажирам. До сих пор. Но в нашей прошлой стране ожидание можно было скрасить в ресторане, что круглосуточно работал на вокзале станции Тайга. Теперь его уже нет. Но речь пойдёт о встрече в прошлом и с прошлым, где ресторан ещё функционировал.

Я ехал в отпуск из Амурской области. До поезда «Мариинск – Асино» оставалось три часа, и я отправился в железнодорожный

ресторан. Сделав заказ, посмотрел на часы. Проходивший, казалось бы, мимо мужчины произнёс:

– Вот-вот, время, которое мы имеем, – это деньги, которых у нас нет. Разрешите? – задал он вопрос, ответа ждать не стал и приземлился напротив. Затем продолжил: – Только вот время подороже будет любых денег. Даже за огромные тыщи нигде не купишь минутки лишней. У самых авторитетных богов никакими молитвами одной секунды не вымолишь. Потому, молодой человек, учитесь время ценить и беречь. Не тратьте попусту.

Затем протянул руку для рукопожатия и представился:

– Николай Петрович.

Я улыбнулся:

– Александр. – И задал вопрос: – А вы, наверное, философ?

* Планида – судьба, участь (обычно о несчастливой судьбе, участи).

– Не, речник. Ныне. Но лекцию о потеряном времени вполне могу прочесть не хуже разных там философов. Хотите?

Я кивнул.

Тут подошла официантка, поставила на стол две тарелки борща, два графинчика с коньяком. Мы выпили за знакомство, и он принялся за своё повествование:

– Было это в Таллине в самом начале войны. Служил я тогда старшиной на торпедном катере. Молодой лейтенант командовал нашим торпедоносцем. Надо сказать, толково командовал, даром что молодой. Конечно, торпедный катер не линкор, не крейсер, даже не эсминец, но всё же это полноценная боевая военно-морская единица. И командовать им доверяют далеко и далеко не каждому, тем паче сразу после училища. А ему вот доверили.

Думаю, далеко пошёл бы наш лейтенант, если бы не тот случай, о котором я и хочу рассказать.

Когда стало окончательно ясно, что Таллин нашим войскам не удержать, поступил приказ передислоцироваться в Кронштадт. Дивизион торпедных катеров, согласно диспозиции командующего флотом, должен был следовать с третьим, последним караваном.

Загрузились под завязку, дело нехитрое и знакомое, боеприпасами и продовольствием. Осталось отдать швартовы и – в поход. Тут вызывает меня лейтенант. Предстаю я пред светлы очи начальства с готовностью выслушать последние наставления перед выходом в море, а может, чем чёрт не шутит, и тяпнуть по махонькой «на посошок». Однако командир изрядно меня удивил и огорошил: «Понимаешь, старшина, мне нужно на берег отлучиться. Очень... – Помялся немного и продолжил: – Короче, остаёшься на время за меня...»

Да, ситуация... моё положеньице вмиг стало похуже губернаторского. Не скрою, зароились в моей голове мыслишки о дезертирстве и тому подобных симуляциях.

Посудите сами, бравый доселе вояка в столь ответственный момент вдруг надумал смотаться с катера. И явно не по служебным делам. Мнётся, глаза отводит...

Будто прочитав мои мысли, он принялся торопливо объяснять: «Плохого не думай. Здесь неподалёку живёт моя невеста. Я решил забрать её с собой, в Кронштадт. Знаю, конечно, знаю, – предупредил он мой незаданный вопрос, – что не положено брать на борт посторонних. Но и уйти без неё не могу. Понимаешь?»

Чего уж тут не понять! Я и сам в те-то годы за девками ухлёстывал будь здоров. Занятие дуже завлекательное. Но в амурах, как, впрочем, и во всех азартных играх, голову необходимо держать холодной, не терять способности соображать. «Наше дело не рожать...» – дальше вы знаете.

К несчастью, выпускник мореходки, похоже, утонул. Причём утонул не в море, а, ирония судьбы, в сентиментальных слюнях. Любовь называется. Разыгрались гормоны не на шутку. Понимая полную беспомощность здравого смысла в борениях с роковыми страстями, я тем не менее предложил лейтенанту именно здраво помыслить. Напомнил о войне, о женщинах на борту, носителях беды; предложил, наконец, отложить встречу до лучших времён, ведь не навсегда же мы уходим из Таллина. Призвал на помощь юмор, сравнив любимую девушку с бутылкой вина, а жену – с бутылкой от вина. Ноль эмоций. Мой заключительный аргумент: «На кой ляд она вообще тебе сдалась?» – ожидаемо повис в воздухе.

Он ушёл, пообещав вернуться минут через десять.

Музыка любви звучала в ушах лейтенанта. В наших же ушах зазвучала другая музыка, это снаряды немцев начали рваться на территории порта. В бухте всё пришло в движение. Корабли нашего каравана, торопливо занимая походное положение, покидали рейд. Пора и нам убраться подобру-поздорову.

Но мы ждём. И дождались...

Подбегает к пирсу начальник порта и начинает крыть нас отборными матюгами, даже не прибегая к помощи мегафона. Какого рожна, дескать, вы здесь до сих пор околачиваетесь?! Из-за вас, придурков, сапёры отложили взрыв порта. Предложил идиотам в тельняшках

срочно сматываться. В противном случае – бог им судья. Он умывает руки...

Иногда поступают предложения, от которых не отказываются. Пришлось оставить командира на произвол судьбы в обречённом городе. Обидно, досадно, но обстоятельства оказались сильнее. Проклятое се ля ви и шерше ля фам... Отдаём концы, разворачиваемся и самым полным чешем вслед за караваном. Едва отошли на безопасное расстояние, как в районе порта гулко загрохотало. Высоко взметнулось рыжее пламя, и повалил густой чёрный дым.

Спасибо, вовремя спровадил нас от пирса басистый матершинник.

Мне повезло, прошёл я всю войну и довоевал до победного конца. Познал разное. Голод и холод Ленинградской блокады, горе утрат и злую радость возмездия. Топил фрицев и сам тонул не единожды. Только вот наш лейтенант, потерявшийся в Таллине, никак не выходил из головы.

Раздумывая о его судьбе, я и мысли не допускал, что он мог переметнуться к врагу, предать Родину. Ведь мы с ним успели повоевать, понюхать пороху. А, да будет вам известно, даже один бой с лихвой заменяет и пуд съеденной совместно соли, и пресловутый поход в горы или в разведку. Просто, видно, приключилась с человеком беда в городе. Возможно, заманили в ловушку националисты из приснопамятной пятой колонны. Дамочку же использовали в качестве подсадной утки. Разные мадамы крутились вокруг военмором в Таллине в то время.

И крепко тужил я, что отпустил его тогда на берег за невестой. Хотя приказать я ему не мог, отговорить мудрости не хватило. Формально – не подкопаешься. Но чувство вины за пусть и трижды присущее молодости легкомыслие, обернувшееся первой, до сих пор язык не поворачивается назвать пропажу командира боевой, потерей, навсегда засело занозой в сердце.

Искал ли я его? Ясно, искал. Ведь в глубине души надеялся, что лейтенанту удалось, парень-то он ходовой, выбраться из пылающего города и присоединиться к своим. Поэтому внимательно вчитывался в списки награж-

дённых – не мелькнёт ли знакомая фамилия? Тщетно. Расспрашивал ребят с других баз. Без толку. Найти иголку в стогу сена – плёвое дело по сравнению с поисками человека на войне. Да и возможности мои, мягко говоря, были ограниченными.

После войны, послав запрос в официальные органы, получил малоутешительный ответ: «пропал без вести».

«Пропал без вести»... Универсальная формулировка, несправедливо уравнивая безвестных героев и патриотов со столь же безвестными трусами, предателями и дезертирами. С тяжёлым сердцем зачислил командира в число доблестно павших, помянул его по-православному, на том и прекратил поиски.

– Без пользы жизнь, безвременная смерть, – констатировал я, обнаруживая недюжинные познания школьного курса литературы. – Накрылся, значит, лейтенант медным тазом. Ну, за помин души, что ли?

Петрович присоединился, опрокинул рюмку, раздумчиво поводил ложкой по тарелке.

– Понимаешь, скоропалительность суждений далеко может завести. Повремени с выводами, не спеши поперёд батьки. Продолжу с твоего разрешения.

Пришла пора мне демобилизоваться. Направился домой. Вот на этой станции, на станции Тайга, делаю пересадку. Время есть, я и устроился за этим самым столиком. Изучаю меню и вдруг слышу: «Мичман, извините, вы в Таллине случайно перед войной не служили?» – «А вам что за интерес? – Оборачиваюсь я и осекаюсь. Смотрю, мать честная, стоит передо мной он, мой бывший командир. Правда, не совсем тот бравый красавец-лейтенант, за коим таллинские девки табуном бегали. Потёртое драповое пальтишко, порыжелые кирзовые сапоги, засаленная шапчонка. Прежний флотский форс исчез без следа. Лицо сумрачное, небритое. Виски седые, у рта горькие складки. Не изменились, пожалуй, лишь глаза, которые светились искренней радостью.

Обнялись мы. Отметили встречу, разговорились, и он поведал мне свою невесёлую одиссею.

...Лейтенант, оказавшись на берегу, бегом направился к дому невесты. Жила она действи-

тельно неподалёку. Но помнишь, я говорил, что начался артобстрел. Мины по мостовой шлёпаются, осколки свистят. «Свою добычу смерть считала...» – точнее Высоцкого не скажешь. Наш же Ромео, гонимый любовным безумием, словно заговорённый, благополучно добирается до цели. Глядь, а дома-то и нет. На его месте дымится груда развалин. Ни одной живой души рядом. Ему бы назад, на катер, он же в отчаянии заметался по соседям, надеясь на чудо. Не смог смириться с очевидным, глазам не верил.

Словом, понапрасну потратил на бессмысленные распросы время. Безутешным помчался обратно. Ненависть, жажда мести, слёзы бессилия душили его. Бог по-прежнему хранил лейтенанта от вражеских осколков. Целым и невредимым он вбежал на причал. Увы, силуэт родного катера таял вдалеке. Осознать трагическую безнадёжность собственного положения несчастный не успел. На территории порта ахнул взрыв. Бедняге словно кувалдой заехали по голове, сознание покинуло его. То ли оберег Спасителя перестал действовать, то ли против наших сапёров бессилён и Создатель.

Очнулся лейтенант уже в плену...

Дальше известное дело: либо в РОА, не путать с раем, либо пожалте в ад концлагерей. Сказать, что все военнопленные сохраняли верность присяге, значит сильно погрешить против истины, но лейтенант сохранил. На просторах страны разворачивалась величайшая из мировых войн, нашему же командиру выпало на собственной шкуре убедиться в правильности теории Данте о том, что преисподняя состоит из кругов, причём ему показалось, что кругов этих гораздо больше, чем девять.

Попытки бежать каждый раз заканчивались неудачей. Его ловили, жестоко избивали и водворяли за колючую проволоку, но уже в «более другой» лагерь. Выражаясь фигурально, очередной виток адской спирали неотвратимо приближал узника к крематорию.

Следуя «далее со всеми остановками», бедолага очутился в Бухенвальде. Однако в пепел превратиться не успел. Союзники освободили.

Затем репатриационные лагеря, проверка «на вшивость», возвращение на Родину. Родные пенаты широко распахивать объятия по вполне

понятным причинам блудному сыну не спешили. Дорога на флот, даже на торговый, была ему заказана. Помытарившись, он завербовался в сибирские дали дальние.

Собственно, когда мы с ним встретились, он и ехал на Ангару.

Да, настоящий, сильный человек. Пропустив столько тяжёлых ударов от судьбы, сумел подняться до финального «аут». Потом он написал мне, что после соответствующих проверок с него сняли недоверие и работает он диспетчером автоколонны в Богучане. Не знаю, окажись я в подобных передрыгах, сдюжил бы, ей богу, не знаю.

С другой стороны, не отлучись лейтенант с катера, никаких передрыг вообще бы не случилось. Плюс нам бы не пришлось отчитываться за него в Кронштадте. Попробуй объясни особистам исчезновение командира торпедного катера в столь критический момент. Слава Нептуну, что удалось нам при следовании из Таллина потопить немецкую подводную лодку...

По вокзалу громынуло: «Поезд сообщением Мариинск – Асино прибывает на первый путь от перрона».

Мы рассчитались с официанткой и поспешили на посадку. **А**

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

И СНОВА ЕКАТЕРИНБУРГ

Родной для журнала «Александръ» город Екатеринбург в начале апреля вновь распахнул свои объятия для представителей редакции литературного издания.

Так, 5 апреля в уже ставшем родным и привычным зале Дома писателя на улице Пушкина состоялась презентация третьего и четвертого номеров литературно-исторического журнала «Александръ». И это не случайно, так как более половины опубликованных в них произведений вышли из-под пера уральских литераторов.

По сложившейся традиции вечер открыла и вела член редколлегии издания народная артистка России Тамара Воронина. Выступающие: Валентина Черемисина, Татьяна Осинцева, Галина Фёдорова-Косарева, Людмила Югова, Наталья Иванова и юная Софья Шелковникова – сменяли друг друга на сцене под прекрасную музыку в исполнении Елизаветы Шубиной.

Всех поразил своей особой судьбой, приведшей к творчеству, настоятель храма Успения Богородицы протоиерей Александр (Никulin) – автор замечательных стихов о духовной жизни и родной уральской природе.

В ходе мероприятия все активные авторы «Александра» были награждены почётными грамотами и медалями, которые вручил главный редактор журнала Анатолий Труба.

На следующий день, 6 апреля, в рамках XVII Уральской горнопромышленной декады в Горном университете прошёл конкурс бизнес-проектов школьников и студентов колледжей «Молодёжь Урала – инновационной экономике России».

Организатор конкурса, шеф-редактор журнала «Александръ» академик РАН Александр Семин, рассказал, что всего в оргкомитет поступило 109 работ, в финал прошли 45 проектов, которые и были представлены на очном этапе соревнования.

В Царском зале УГГУ выступили юные предприниматели из Свердловской и Московской областей, Челябинска, Ярославля, Мичуринска, Стерлитамака и других городов. Их проекты оценивали эксперты в сфере бизнеса, образования и науки.

Участники представляли работы в разных направлениях: промышленность, строительство, энергетика, агробизнес, IT, культура, туризм и т. д. Проекты школьников и студентов были посвящены переработке полимерных отходов, использованию калийных удобрений, применению компьютерных технологий в подсобном хозяйстве, разработке мобильного приложения для студентов, созданию конного клуба, открытию антикварных магазинов и многому другому.

Одно из условий конкурса заключалось в том, что ребятам необходимо презентовать идею для бизнеса, которую они сами смогли бы в перспективе реализовать. Поэтому тематика проектов была тесно связана с увлечениями и научными интересами выступающих.

В финале конкурса принял участие Кирилл Труба с бизнес-планом по ведению сайта литературно-исторического журнала «Александръ». Этот проект был представлен в номинации «Лучший бизнес-проект в области информационно-телекоммуникационных технологий и оказания услуг» и награждён дипломом 1-й степени. ■

